E41 41

Мих. ПАВЛОВИЧ (М. П. Вельтман)

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
И
КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ АНГЛИЯ

(от эпохи царизма до правительства Чемберлена—Болдуина 1925 г.)

Исправленное и дополненное издание

Изд.
„ПРОМЕТЕЙ"
Москва, 1925

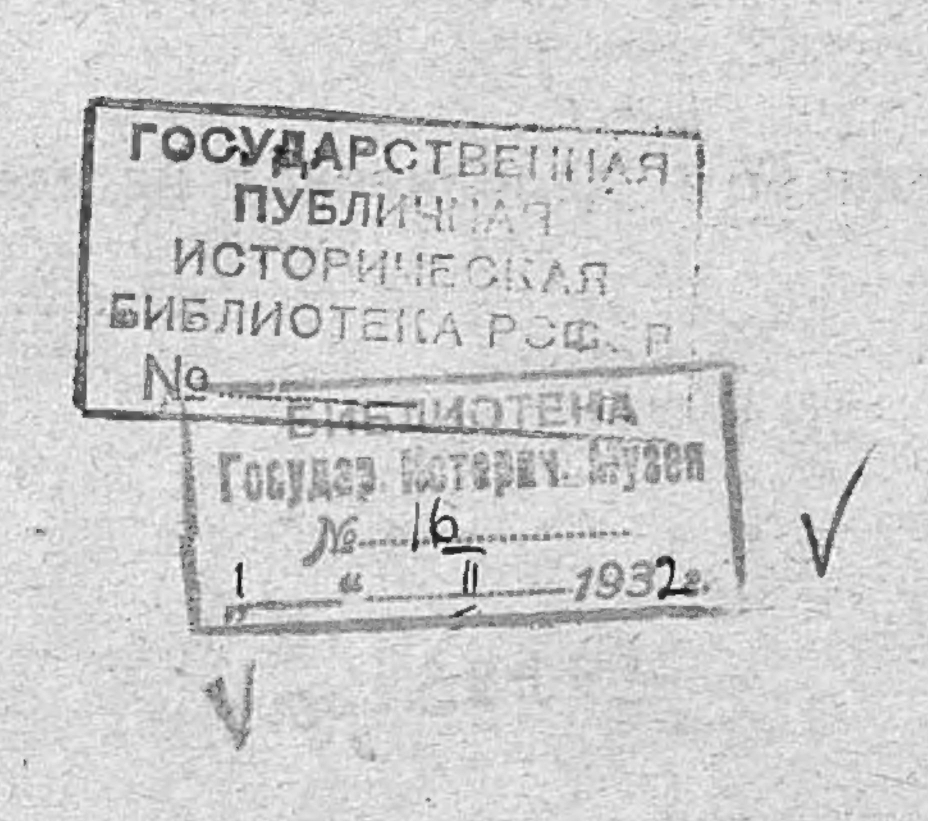
Мих. ПАВЛОВИЧ (М. П. Вельтман)

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
и
КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ АНГЛИЯ

(от эпохи царизма до правительства Чемберлена — Болдуина 1925 г.)

Исправленное и дополненное издание

Изд.
„ПРОМЕТЕЙ"
Москва, 1925



Главлит. № 30673 10/XII-24 г.—Москва. 4500 экз.
31-я Тип. МСНХ. Аренд. „Прометей",—Никольская, 1—3.

I. Англия и Россия в прошлом

I. Англо-русская распря в эпоху царизма.

Главным и самым опасным нашим врагом с момента ктябрьской революции являлась самая могучая империалиическая держава современности — Англия, всегда видевшая единой и сильной России угрозу для господства Великобринии в Персии, Афганистане и особенно в Индии.

В отличие от Соединенных Штатов, от Франции, даже Германии, Англия либеральная и консервативная, Англия ри и вигов, Биконсфильда или Гладстона, Чемберлена или лойд-Джорджа всегда была врагом сильной России, — все но: России крепостника Николая I или «либерального» и манного (по отзывам английской прессы) Александра II, ссии самодержавной или «конституционной» (думской).

Непрерывный территориальный рост великой северной ржавы, завоевательной мощи которой не могли сломить желые поражения русской армии на полях битв, возбуждал вно тревогу в правящих кругах Англии, которая не раз ановилась поперек поступательному движению России. В рымскую кампанию (1854—1855 г.г.) Англия руководила юзом государств (Франция, Сардиния, Турция), выступивших отив России. В русско-турецкую войну 1877—1878 г.г., после н-Стефанского договора, Англия, все время войны оказывшая деятельную подержку Турции доставкой военного снажения, остановила мобилизацией своего флота и резервных йск и угрозой появления своих эскадр на Черном море русие войска у самых стен Константинополя, чтобы затем на ерлинском конгрессе заставить Россию отказаться от услой Сан-Стефанского договора.

Подобно двум поездам, мчащимся на всех парах по одной нии, но в противоположном направлении, Англия и Россия течение последнего столетия, в процессе расширения своих рриториальных границ и развития своих оборонительноступательных сил, неизбежно приближались к моменту решильного столкновения. В то время, как Россия, завоевав посте-

пенно Северный и Южный Кавказ, присоединила к своей тер-ритории Персидскую Армению, затем Карс и Батум, овладела шаг за шагом Ташкентом, Самаркандом, правым берегом Аму-Дарьи, прилегающими Хивинскими землями, Кокандом, Ахал-текинским оазисом и т. д., и в своем поступательном движе-нии к Персидскому заливу и обетованной земле Великого Могола, вынуждена была остановиться на расстоянии боле чем тысячи верст от индийской границы,— Англия, начав по-ходное движение со среднего течения Ганга, стала подыматься к северу и овладела бассейном могучей реки на всем ее про-тяжении и плоскогориями Инда.

Она подчинила себе Кашмир и, перебросившись чере вершины Гималаев, утвердила свое владычество в Малом и Среднем Тибете; а, выдвинув передовую позицию на Яркенд проникла в сердце Китайского Туркестана. На западе, двигаясь вперед навстречу русским батальонам, она уничтожила импе-рию сейков, присоединила Пенджаб, перешла средний Инд овладела английским Афганистаном до Сулеймановых гор и подчинив после трех войн (1839—1842; 1878—1879; 1882) свое-му исключительному влиянию Афганистан и Белуджистан пришла в соприкосновение с русскими владениями. И уже при первом взгляде на историческую карту расширения террито-риальных границ обоих государств — России, стремившейся по направлению к Индии, и Англии, форсированным маршем двигающейся вперед на север как будто для того, чтобы дат скорее бой своему противнику, и при этом в пункте, наиболе отдаленном от индийской границы,— создается впечатление не-избежности конфликта между обеими странами.

И, в сущности, вся внешняя политика и военная истори России в течение почти всего минувшего столетия была в зна-чительной степени историей англо-русского конфликта. В Крымской кампании, в русско-турецких войнах 1828 и 1877 г.г., в войнах с Кавказом, во всех средне-азиатских кампа-ниях, наконец, в последней войне с Японией, старая Россия, Россия квасного патриотизма и воинственного лозунга: «шап-ками всех закидаем», Россия Невельских, Черняевых, Скобе-левых, Игнатьевых, Алексеевых и т. д. всегда имела перед собою Англию Пальмерстона, Биконсфильда, Чемберлена, Сесиля Родса, Киплинга, Керзона и проч. в качестве явного или тай-ного врага. Особенно быстро и резко стали обостряться англо-русские отношения с момента окончания войны 1877—1878 г.г., когда наше правительство, «чтобы сбить спесь» с Англии и отомстить последней за ее успешное противодействие осущест-влению грандиозных русских планов на Ближнем Востоке, дей-ствуя, между прочим, по плану, развитому в записках Скобе-лева, начало усиленное движение именно по направлении к индийской границе, этой ахиллесовой пяте в могучем воен-ном организме Великобританской империи. Первоначально это

движение, последовательные захваты Геок-Тепе, Денгли-Тепе, Асхабада, завоевание Ахал-Текинского оазиса, присоединение Мерва, Пенде и т. д., все эти территориальные завоевания, ложившиеся тяжким бременем на наш бюджет, понижавшие покупательную силу внутреннего рынка и в то же время ничуть не расширявшие нашего вывоза, имели главной целью созданием новых опорных баз для дальнейшего походного движения и угрозой индийским границам Англии заставить последнюю войти в полюбовное соглашение с Россией по ближневосточному вопросу. «*Чем ближе мы будем в Азии к Англии, тем сговорчивее будет она по отношению к нам в Европе*» — такова точка зрения, которая проводилась в целом ряде появившихся в России книг и брошюр, посвященных индийскому вопросу [1]).

Однако, в случае нежелания Англии вступить в соглашение с Россией, предусматривалась неизбежность присоединения Индии к великой Российской империи. Между тем агрессивное движение России в Средней Азии в необычайной степени усиливало тревожное настроение в правящих кругах Англии и обостряло в широких слоях населения чувство вражды к России. Постепенно отношения между обоими государствами принимали все более натянутый характер, и эта взаимная вражда стала проявляться в середине 90-х годов, даже на страницах многих органов прогрессивной печати обеих стран. В то время, как английская печать изобиловала джингоистскими статьями и книгами по адресу варварской и «вероломной России», — наша пестрела угрозами и далеко не лестными эпитетами по адресу «коварного Альбиона». Конфликт между обеими странами казался неустранимым и, так сказать, закономерным, и это был очень тревожный симптом крайне натянутых отношений между обеими странами — даже многим представителям нашей левой народнической партии. Радикальный русский публицист, известный сотрудник «Русского Богатства», редактируемого в то время Михайловским, г. Южаков доказывал неизбежность этого конфликта и об'яснял англо-русскую распрю полною противоположностью типов обоих государств, тем, что Англия организовала свой государственный политический и

---

[1]) См., между прочим, Нотович — „Где дорога в Индию“, Москва 1889 Соболев—«Возможен ли поход русских в Индию», Москва, 1902; Лебедев— „В Индию“. Спб 1898; Тагиев — „Русские на Индию“ и т. д. Скобелев был убежден в возможности разрешить все наши вековые вопросы на Ближнем Востоке именно путем диверсии в Индию и только таким путем. «Без серьезной демонстрации в Индии,— писал он Каткову,— по всей вероятности, к стороне Кандагара, немыслимо себе представить войны за Балканский полуостров. Преддверием театра действий на случай острых осложнений. как в 1878 г., несомненно, будет ныне завоеванный край (Туркестан, *М. П.)* в связи с исключительным и могущественным нашим влиянием в Персии». См. Грулев—«Соперничество России и Англии в Средней Азии», Спб. 1909 г., стр. 28.

социальный строй согласно с идеалами лендлорда и капиталиста, в то время как царская Россия организовала его де по типу мужика, сообразно с взглядами и воззрениями крестьянина. Примирение между обеими странами казалось Южакову возможным в том лишь случае, если Англия изменит свою внутреннюю экономическую организацию в смысле более справедливого распределения богатства, а в отношении к своим колониям внесет более правды, даст полную автономию и т. д. Без этой радикальной трансформации помещичья Англия, как государство резко-выраженного эксплоататорского типа, неизбежно обречена встретить перед собой непримиримого врага в лице «мужицкой» крестьянской России [1]). Царская полукрепостная Россия казалась Южакову более высоким типом государства, чем капиталистическая Англия.

В 1885 году, после столкновения отряда Комарова у Кушки с афганцами, дело чуть было не дошло до вооруженного столкновения между Англией и Россией. Но как это часто бывает в международных отношениях, именно потому, что катастрофа была так близка и вопрос о войне и мире висел уже на волоске, правительства обеих стран в последнюю минуту остановились в страхе перед опасностью тяжкой и грозной своими последствиями войны, которая истощила бы оба государства и послужила бы лишь на пользу германской дипломатии, всеми силами разжигавшей конфликт между Англией и Россией, ибо, начиная с 1871 г., мировая гегемония Германии покоилась одновременно на англо-русской и англо-французской вражде. Договор 10 сентября 1885 г. устраняет опасность конфликта. 22 июля 1887 года подписывается протокол о разграничитель-

---

[1]) «Несомненно поэтому, что покуда Англия свою внутреннюю жизнь, свое богатство и свое могущество строит на внешних основах, нами выше очерченных, до тех пор война между Россией и Англией вполне неизбежна и является лишь вопросом времени. Только существенные внутренние преобразования Англии, политические (в смысле, напр., равноправной федерации колоний и метрополии) и социальные (переворот в распределении покупательной способности различных классов), могут спасти ее и нас от роковой необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть. Такая борьба между лендлордом и капиталистом—с одной стороны, русским мужиком—с другой, предписывается всей логикой истории обоих государств» (Н. Южаков — «Англо-русская распря», стр. 106). «Это пренебрежительное и враждебное отношение к Англии об'яснялось в некоторой степени, господствующими в то время народническими теориями». «Для демократа наша Сибирь, в которой простонародие пользуется благосостоянием, гораздо выше Англии, в которой большинство народа терпит нужду»,— писал еще задолго до того Н. Г. Чернышевский (см. Ю. М. Стеклов — «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность», стр. 180, Спб. 1909), но, понятно, последнему не пришло бы в голову писать о роковой необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть между «мужицкой» Россией и «капиталистической» Англией. Та же идея о роковой неизбежности войны на этот раз между Советской Россией и капиталистической Англией проскальзывает в работе А. Е. Снесарева «Афганистан».

ной линии между Россией и Англией. С 1891 года по 1895 г. регулируется памирская граница между Англией и Россией, в то же время по взаимному соглашению регулируется граница между Белуджистаном и Афганистаном; постепенно между Россией и Великобританией устанавливаются более нормальные отношения. Договоры 1885, 1887, 1895 и 1899 г.г. замедляют русское движение к индийской границе и Персидскому заливу, хотя в то же время дают поступательному движению России толчок в другую сторону, по направлению к Тихому океану. Захват Порт-Артура в 1898 г., оккупация Маньчжурии, учреждение дальне-восточного наместничества 1905 г. и т. д.,— все это снова обостряет англо-русские отношения. К опасности на средне-азиатских границах присоединилась для Англии «русская» опасность на Дальнем Востоке, откуда грозил уже неминуемый удар торговому и политическому влиянию Великобритании в Китае.

Но то был момент, когда Англия была занята обширными империалистическими планами в других частях света. Увлеченная своей африканской мечтой, стремясь во что бы то ни стало овладеть всем черным континентом от Капштадта до Александрии, Англия направляет все свои силы к Судану, неожиданно останавливает угрозой немедленной войны Францию у Фашоды, и, утвердив свое господство на всем северовостоке Африки, неожиданно бросается к югу и начинает войну с бурами, которую победоносно заканчивает после трехлетнего кровопролития. В течение всего этого периода Англия дает возможность своим противникам — Германии в Турции и особенно в Малой Азии, России и Китае, особенно в северных областях его и затем в Тибете — глубоко пустить корни своего политического и экономического влияния.

В 1900 году представитель и экстраординарный посланник тибетского Далай-Ламы Джоржиев удостаивается аудиенции в С.-Петербурге. В 1901 г. отправляется в Тибет русская миссия (бурят Цибиков), которая и остается в столице запретного для иностранцев Тибета, в священной Лхассе в течение всего 1901 года и подготовляет почву для русско-тибетского договора. Имея основным правилом своей внешней политики сосредоточивать все свои силы в данный момент на одной цели, великобританское правительство позволяет Германии и России опередить Англию на всех спорных пунктах, уверенное, что в удобный момент оно сумеет загородить дорогу своим соперникам и отбросить их назад. И, действительно, сейчас после окончания бурской войны Англия вступает в соглашение с Францией, добивается прекращения начатых между последней и Германией переговоров по вопросу о совместном участии финансистов обеих стран в постройке Багдадской жел. дороги, и, нанеся таким образом, решительный удар мечтам Вильгельма II, относительно близкого уже, казалось, осуществления велико-гер-

манских планов в Малой Азии, становится в боевую позицию против России. Заключив 30-го января 1902 года союз с Японией, Великобритания начинает выбивать Россию из всех занятых последней во время англо-бурской войны позиций в Персии, Тибете и северном Китае и новым языком заговаривает с нашим правительством. На представления русского посланника относительно впечатления, произведенного в Петербурге отправкой английской миссии в Лхассу (апрель 1905), лорд Лэнсдоун вызывающе отвечает, что он с удивлением слышит подобные протесты от государства, которое никогда не церемонилось врываться в территорию соседа, раз только представлялся случай, что если русское правительство имеет основание к претензии на Великобританию ввиду необходимых мер, принятых последней по отношению к Тибету, то каким же языком должно говорить великобританское правительство по поводу вторжения и захватов России в Персии, Туркестане и Маньчжурии? Ясно было, что Англия уже чувствовала за собой могучую силу, которая в состоянии будет сразить северного колосса и считала возможным не церемониться с последним. Этой силой была армия микадо, все могущество которой сумела оценить английская дипломатия, воспользовавшаяся Японией, как ядром, чтобы сокрушить твердыню русского влияния на Дальнем Востоке и во всей Азии.

Англо-русский конфликт нашел свое яркое выражение в русско-японской войне, ибо только благодаря дипломатической и весьма активной, хотя и скрытой материальной поддержке со стороны Англии, Япония отваживается на войну с Россией. Содействие Англии устраняет возможность вмешательства в войну на стороне России союзницы последней — Франции с ее сильным флотом и превосходными военными базами в Индокитае. Не только во время самой войны, но и до наступления японо-русского вооруженного конфликта, Англия делает все от нее зависящее, чтобы помочь Японскому правительству начать войну в самых удобных для себя условиях, имея на своей стороне сочувствие не только японского, но и европейского и американского общественного мнения. Так почти накануне войны английский министр Лэнсдоун обращает внимание русского посланника в Лондоне Бенкендорфа на положение дел в Маньчжурии, указывает на отвратительное впечатление, какое производит во всем мире нежелание России соблюдать данные ею обязательства и выражает надежду, что русские войска оставят, наконец, Маньчжурию. Вся английская, американская и японская пресса перепечатывает сообщение об этой ноте английского министерства иностранных дел и многие газеты посвящают ей передовицы.

Становится очевидным для всех, что Англия поддержит Японию в надвигающемся конфликте. Пользуясь русско-японскими осложнениями и затем войною между обеими странами,

Англия, стремясь восстановить утраченное влияние в Тибете и взять реванш, отправляет в Западную Лхассу сильную военную экспедицию под командой полковника Югусбанда, который 13 декабря 1903 года переходит англо-тибетскую границу; а 3 августа 1904 г., после необычайно трудного похода через высочайшие в мире горные вершины по крутым и обрывистым тропинкам, где невозможно было достать какую-либо провизию, вступает в Лхассу. Далай-Лама покидает столицу и спасается в Монголию. Вместе с ним оставляют Лхассу и представители России — капитан Козлов и бурят Джоржиев. 7 декабря 1904 г., как раз на другой день после взятия японцами Высокой горы, откуда японская артиллерия могла уже легко уничтожить последние обломки русской Тихоокеанской эскадры, скрывающейся на рейде в Порт-Артуре, подписывается англо-тибетский договор, который фактически уничтожил все влияние России в Тибете и отдавал последнюю под протекторат Великобритании.

Не ограничиваясь экспедицией в Тибет, Англия принимает меры к восстановлению своего влияния в Афганистане и Персии. Уже 23 января 1902 года Кранборн, выражая в Палате Общин мнение правящих кругов Англии, заявляет, что Великобритания не откажется ни от своих прав, ни от своего политического влияния в Персии и провинциях, примыкающих к индийской границе. Летом того же года Англия, посылает для улажения конфликта специальную миссию под командой полковника Мак-Магона, отправившегося на персидско-афганскую границу в сопровождении целого штаба офицеров, многочисленного военного эскорта и громадного обоза (1500 верблюдов). Эта своеобразная третейская комиссия, несущая ветку мира на штыках сильного экспедиционного отряда, пробыла в Сеистане 2 года, провела разграничительную линию между Афганистаном и Персией и вернулась после того, как достигла своей цели, показав России, что Англия намерена продолжать энергичную политику в Центральной Азии, и напомнив персам, что только одна Великобритания имеет право вмешиваться в их отношения к соседним с Индией странам. В качестве ответной демонстрации на посещение берегов Персидского залива русским военным судном «Адмирал Корнилов»[1]), наместник Индии лорд Керзон, сопутствуемый своей супругой, окруженный блестящей и многочисленной свитой, совершает в сопровождении сильной военной эскадры, состоящей из 7 судов, путешествие вдоль побережья Персидского залива. Эта внуши-

---

[1]) Плавание «Адмирала Корнилова» относится к февралю 1902 года, к моменту ковейтского конфликта, когда Англия обострила из-за господства на Персидском заливе свои отношения к Германии, Турции, Персии. По сообщениям английских газет «Адмирал Корнилов» выгрузил десятки тысяч ружей в Бендер-Абасси.

тельная демонстрация (ноябрь 1903 г.) производит сильное впечатление на мусульманский мир и показывает России, что Англия энергичнее, чем когда-либо стоит на страже Персидского залива, и что было бы безумием оспаривать у нее господство над последним [1]).

Восстановив, таким образом, свой утраченный за время англо-бурской войны престиж на границах Афганистана, в Персидском заливе и в южных провинциях Персии, Англия переносит центр тяжести своей азиатской политики в северную Персию и начинает здесь кампанию против России. Но так как русское политическое и экономическое влияние в Тегеране оказывается очень сильным, благодаря в особенности тяготению шаха к нашему правительству, поддерживающему старый персидский режим силой казацкой бригады, обученной и руководимой русскими офицерами, и золотом, доставленным шаху при посредстве русских займов: 1897, 1901, 1902 г.г., Англия, чтобы подорвать влияние противника в Персии, *пользуется пробуждающимся здесь конституционным движением* и, оказывая энергичную поддержку населению, борющемуся за свободу, в необычайной мере подымает свой престиж и в северной Персии. Ослабив силу шаха и сломив этим самым главное орудие русского влияния в северной Персии, Англия начинает быстро втягивать и эту область в сферу своего протектората.

Таким образом, к окончанию русско-японской войны царская Россия оказывается побежденной на всех пунктах, где она до сих пор боролась с «коварным» Альбионом, потерявшей плоды долголетней работы своей бестолковой, одновременно *бросавшейся* в разные стороны дипломатии. В результате англо-русского конфликта из-за влияния в Азии империалистическая Англия выходит победительницей, увенчанная в глазах азиатского мира ореолом славы и могущества, озаренная при этом блеском побед ее союзника Японии. Бессмысленная при данных условиях, стоившая стольких жизней и денег русскому народу политика устрашения Англии путем движения к индийской границе потерпела полное фиаско и привела к обратным результатам. Устрашавший превратился в устрашенного. Заключение англо-японского союзного договора 13 августа 1905 г., предоставившего в распоряжение Великобритании в случае угрозы ее индийским границам всю военную силу Японии, отнимает и в ближайшем будущем возможность давления со стороны царской России на Англию путем угрозы индийским владениям последней. Вместе с тем в глазах царских дипломатов теряет всякую почву мысль о реванше, о возможности в близком будущем успешной войны с Японией с целью

---

[1]) Эрнест Лемонон — „Европа и британская политика", Париж 1910., стр. 425.

отвоевания потерянных позиций на Дальнем Востоке или по крайней мере восстановления утраченного военного престижа. После этого соглашение между Россией и Англией становится неизбежным. Тяжкие поражения, которые английская дипломатия нанесла русской в Маньчжурии, Тибете, Афганистане, Персии, на всем азиатском континенте, лишали всякого содержания англо-русскую вражду, так сказать ликвидировали ее. Во внешней политике государств, подобно тому, как это часто наблюдалось во внутренней жизни любой страны в классовых конфликтах, поражение, бессилие, трусость вызывают у побежденной или только чувствующей себя побежденной, или оробевшей стороны стремление заменить принцип борьбы с «вековым» врагом принципом сотрудничества с ним, чтобы таким образом в единении с вчерашним недругом добиться хотя бы частичного осуществления результатов, достижение которых иным путем начинает казаться немыслимым. Стоя лицом к лицу со счастливым соперником, опирающимся ныне, помимо могучего флота, и на победоносную силу японских штыков, занятая внутренней войной, обремененная громадным государственным долгом, не имея возможности что-либо выиграть в Азии, царская Россия начинает обнаруживать, как это было с Францией после Фашоды, желание примириться с непобедимым врагом. Кроме того, не удовлетворяясь уже, ввиду возросших затруднений, одним союзом с республиканской Францией, официальная Россия ищет материальной и моральной поддержки для успешного продолжения своей традиционной внутренней политики в дружественном соглашении с правительством самой передовой, свободолюбивой и в то же время богатейшей страны в Европе.

В то же время целый ряд факторов толкал и Англию к соглашению с Россией; хотя и союзница Японии, Англия отнюдь не желала отдать последней в полное распоряжение весь Дальний Восток. В этом отношении дружественная Россия могла оказать большую поддержку Англии в качестве серьезного противовеса слишком сильному союзнику последней.

И хорошо известно, что уже во время выработки условий Портсмутского договора Англия, стоя за спиной Америки, старалась умерить аппетиты Японии и заставить ее заключить мир с Россией [1]).

Сейчас же после окончания русско-японской войны в английской печати стали появляться статьи о бесцеремонных действиях Японии в Маньчжурии, о препятствиях, чинимых ввозу английских товаров в эту часть Китая, о «бесчестной» япон-

---

[1]) Мих. Павлович—„Русско-японская война“. Москва 1925, Изд. „Красной Звезды“, см. также Ernest Lemonon—„L'Europe et la politique britanique“, стр. 433 (Эрнест Лемонон—„Европа и британская политика“, стр. 433).

ской конкуренции — с одной стороны, и с другой — статьи об англо-русской торговле, о громадном русском рынке, о необходимости соглашения с Россией. Таким образом, неожиданно и с особой силой возобновилась руссофильская кампания, которую еще в 1902 г. начал Калхус на страницах «Фортнайти Ревью».

2. Англо-русское сближение. Германская и индусская опасности.

В то же самое время с особой силой стала обнаруживаться для России и Англии «германская опасность», угрожавшая обеим странам на всем азиатском континенте и особенно в Средней Азии. Еще в 1895 г. Германия не имела никаких торговых сношений с побережьем Персидского залива, который Англия считала своим владением, как вдруг в 1906 г. пароходы Гамбургско-Американской линии стали регулярно по одному разу в месяц появляться у берегов южной Персии. Вместе с тем стали замечаться очевидные признаки усиления германского влияния в Тегеране и во всей северной и центральной Персии. После долгих усилий Германия, несмотря на противодействие Англии и России, добилась в начале 1907 г. от персидского правительства разрешения учредить Немецкий банк в Тегеране, стала основывать школы в Персии, открыла торговые отделения в различных городах, начала отправлять в страну «царя царей» научные миссии для археологических изысканий[1]) и т. д. Ясно было, что с окончанием Багдадской железной дороги, этого кратчайшего пути к центру Персии, приближавшего Германию к Индийским границам Англии, Германия, утвердившая уже свою гегемонию в Малой Азии, в необычайной степени усилит свое влияние в Средней Азии, тем более, что среди населения Персии стало уже наблюдаться тяготение к Германии. Находясь на громадном расстоянии от Персии, не соприкасаясь с ней границами, не имея возможности завоевать эту

---

[1]) В речи, произнесенной в рейхстаге 16 (29) марта 1909 г., канцлер Бюлов так формулировал германскую точку зрения на персидский вопрос: «Наши интересы в Персии будут лучше всего ограждены, если останутся неприкосновенными независимость и целость Персии и свобода торговли в этой стране». Стремление Германии поддержать дружеские отношения с Персией датируют не со вчерашнего дня. Так, в торговом германо-персидском договоре, подписанном в Берлине в 1871 г. принцем Бисмарком и мирза Гуссейн-ханом, мы читаем (§ 18): «В случае столкновения Персии с каким-нибудь другим государством, императорское германское правительство будет готово, по желанию его величества шаха, употребить свое влияние, чтобы содействовать улажению конфликта».

страну и поэтому видя в ее независимости лучшее средство обеспечить сбыт своим товарам и создать себе новое поприще для выгодных концессий, промышленная Германия, несмотря на свой сравнительно отсталый политический строй, являлась единственным естественным союзником новой Персии, заинтересованным в ее экономическом возрождении и, особенно, в ее национальной независимости, как и в независимости Турции, бурских республик, Марокко и т. д. Французский капитан Лакост, посетивший в 1905 году с официальной миссией Персию, писал в своем столько раз цитировавшемся в европейской и русской прессе докладе [1]) (Россия и Великобритания в Центральной Азии) правительству республики, что Германия старается привить персам взгляды «Персия для персов», *и предсказывал неизбежность англо-русского сближения для борьбы с общим врагом.* В таком же духе писал еще в 1902 г. известный английский исследователь, майор Сик, в его книге «Тысяча миль вдоль Персии» [2]).

В момент конституционного движения в Персии, направленного одновременно и против России, и против Англии, Германия оказывала содействие персидским революционерам. Так, отчасти немецким оружием, доставленным с большими трудностями из Берлина, были вооружены бахтиары и персидские революционеры, взявшие приступом Тегеран. Когда незадолго перед тем представители персидской миссии, об'ехавшие Европу, Раим Заде и д-р Мирра-Абдулла посетили Берлин, их пригласил к себе товарищ министра иностранных дел фон-Штемрих и в разговоре сказал им: «Вам незачем путешествовать в Англию и Францию. У вас есть мечи и ружья. Отправляйтесь на родину. Будьте мужественны — Англии и России не будет позволено остаться в Персии».

Англия поддерживала конституционное движение в Персии лишь до той поры, пока нужно было оказать противодействие русскому влиянию при дворе шаха, но в это же время Англия всеми силами подавляла освободительное движение в южных провинциях, прилегающих к индийской границе, и оказывала в этих областях всяческую помощь персидским сатрапам, боровшимся против новых идей. Рост революционного движения среди 300 миллионов населения Индии еще более, чем страх перед Германией, толкает Англию к сближению с Россией. Именно опасение, что торжество революции во всей Персии даст сильный толчок революционному брожению в Индии, заставляет английскую дипломатию круто изменить свой курс по отношению к освободительному движению в Персии [3]).

---

[1]) „La Russie et la grande Bretagne en Asie Centrale“ par le commandant Lacost, см. L'Asie Francaise, ноябрь 1907 г.

[2]) Mayor Sykst. Ten Thousand miles in Persia. London 1902.

[3]) Эжень Обэн. Современная Персия (Eugéne Aubin. La Perse d'aujourd'hui). Париж 1908, см стр. 204.

23 октября 1905 г., всего через два месяца после заключения Портсмутского мира, петербургский корреспондент «Таймса» телеграфировал в свою газету по поводу аудиенции у царя, которой удостоился английский посланник Чарльз Гардин, что на аудиенции был затронут вопрос о подготовлении сближения Англии с Россией [1]).

22 мая 1906 г. берлинский корреспондент той же газеты телеграфировал на основании сведений, добытых им в официальных германских кругах, о неизбежности скорого заключения англо-русского соглашения. 24 мая министр Грей на запрос в Палате Общин относительно правильности этих слухов заявляет о «дружеских отношениях» между Россией и Англией и о «тенденции» к сближению между обеими странами. В июне 1907 г. английское правительство, отвечая на замечания английской демократической печати и некоторых представителей Палаты Общин, решительно заявляет, что оно не желает вмешиваться во внутренние дела России, что последние не имеют никакого отношения к переговорам, ведущимся между правительствами обеих стран в целях улажения спорных вопросов, касающихся границ обоих государств. 5 июля Эдуард Грей, отвечая на нападки представителей «рабочей партии» по поводу предполагавшегося визита английской эскадры в русские воды, заявляет: «Английская эскадра не будет считаться с внутренним положением в России; она отправляется, чтобы засвидетельствовать уважение царю, вождю русской нации, и дружеское настроение к нынешнему русскому правительству, но этот визит будет также визитом русскому народу». Однако, внутренние осложнения в России помешали английской эскадре совершать проектируемое путешествие в целях визита одновременно русскому правительству и русскому народу. Это не могло ослабить дружеских отношений между правительствами обеих стран.

3. Англо-русское соглашение 18 августа 1907 г.

13 августа (31) 1907 г. был подписан в Петербурге англо-русский договор. Означенное соглашение регулирует англо-русские отношения в Персии, Афганистане, Тибете. Положение Англии в Персидском заливе определяется в приложенном к тексту конвенции письме британского министра иностран-

---

[1]) По распространенной во французских дипломатических кругах версии впервые вопрос об англо-русском сближении был затронут в сентябре 1901 г. на свидании императора Николая II с президентом Лубе в Компьене, при чем Лубе указал на все благодетельные последствие такого сближения.

ных дел Грея английскому посланнику в Петербурге сэру Никольсону.

По вопросу о Тибете обе высокие договаривающиеся стороны обязуются: 1) Уважать территориальную целость Тибета и воздерживаться от всякого посягательства на его внутреннее управление... 2) Сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства... 3) Не домогаться или не приобретать ни за свой собственный счет, ни в пользу своих подданных никаких концессий железно-дорожных, телеграфных и горных, ни других прав в Тибете. По вопросу о научных экспедициях в Тибете оба правительства обязуются не допускать в Тибет какой-либо научной экспедиции, и считают нужным побудить китайское правительство принять на себя подобное обязательство [1]).

По вопросу об Афганистане [2]), «российское императорское правительство об'являет, что оно признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния; и оно обязуется пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредством правительства его британского величества». Оно обязуется также не посылать никаких агентов в Афганистан. Оба правительства «принимают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия», конечно, только для обеих договаривающихся сторон (§ IV).

Из изучения пунктов договора, касающихся Афганистана и Тибета, явствует, что Англия и Россия уговариваются сохранить в этих странах status quo, оттородить их китайской стеной от всякого чуждого политического, экономического и умственного влияния, особенно со стороны третьей державы, чтобы, таким образом, помешать пробуждению новой жизни в этих отсталых странах, прилегающих к границам Индии.

Но центральная часть конвенции относится к вопросу о Персии. Персидский вопрос в течение последних десятилетий

---

[1]) Китайское правительство действительно не отправляло само и не допускало, поскольку от него зависело, никакой научной экспедиции в Тибет, чего так боялась осторожная англо-русская дипломатия, опасаясь, как бы под видом немецких археологов, ботаников и лингвистов не проникли в Тибет носители германского влияния, но зато китайское правительство к изумлению Англии и России неожиданно отправило в феврале 1910 г. в заповедную страну уже не скромную научную экспедицию, а 2-хтысячную армию, вооруженную пушками и пулеметами и обученную немецкими и японскими инструкторами. Начав, таким образом, внушительные военные операции в том самом Тибете, из-за протектората над которым только недавно боролись между собой Россия и Англия, став, бряцая оружием, на границах областей, которые обе эти державы считали своими владениями. Китай этим самым сделал попытку положить начало новой эре в истории Азии вообще и средне-азиатского вопроса в особенности.

[2]) Интересующихся Афганистаном отсылаем к книге А. Е. Снесарева „Афганистан“. Государств. Издательство 1921. См. также „Афганистан“, стр. 205 издан. „Н. Ассоциации Востоковедения“. Москва, 1924.

сильно волновал правящие круги Англии. Выдающиеся английские публицисты и государственные деятели посвятили этому вопросу целый ряд капитальных трудов [1]). Борьба против русского влияния в Персии, этой дороге в Индию, считалась основным принципом великобританской политики в Средней Азии. С этой точки зрения конвенция явилась неожиданностью даже для многих английских публицистов и государственных деятелей, как представляющая акт отречения от традиционных принципов английской внешней политики.

Конвенция устанавливает три сферы влияния в Персии: северную, нейтральную и южную. Сев. Персия, наиболее богатая и промышленная, со столицей Тегераном, городами Рештом, Тавризом, Казвином, Испаганью и т. д.—центрами революционного движения, признается входящей в сферу русского влияния. По отношению к этой области Великобритания обязуется не домогаться для себя самой и не поддерживать в пользу британских подданных, равно как и в пользу третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства, как-то: концессии железнодорожные, банковские, телеграфные, транспортные, страховые и т. д., и не противиться ни прямо, ни косвенно требованиям концессий в этой области, поддерживаемых российским правительством (§ 1). Россия, со своей стороны, дает такое же обязательство по отношению к области, лежащей по ту сторону линии, идущей от афганской границы через Галзин, Виржан, Керман и оканчивающейся в Бендер-Абассе. Эта бедная область, лишенная всякого экономического и торгового значения, признается входящей в сферу британского влияния. Наконец, территория, лежащая между русской и английской сферами влияния, признается нейтральной.

8 октября персидский меджилис протестует против этой конвенции, как оскорбительной для национального достоинства страны и противоречащей признанию ее независимости. Меджилис собирается на тайное заседание и обсуждает вопрос о мерах к защите целости и независимости страны. Указание на то, что каждое из договаривающихся правительств имеет, по причинам географического и экономического свойства, национальный интерес в поддержании мира и порядка в некоторых провинциях Персии, смежных или соседних с русской гра-

---

[1]) 1) „Англия и Россия на востоке". „England and the Russia in the East" сочинение генерала Равлинсона, Лондон, 1875. 2) Лорд Керзон. „Персия и персидский вопрос", 2 тома, Лондон 1892. „Persia and the Persian question" by Curzon 3) Дональд Стюарт, „Борьба за Персию", Лондон, 1902. The struggle for the Persia" by Donald Stuart. 4) Гордон, „Исследованная Персия", Лондон 1896. „Persia revisited" by Gordon. 5) Чиролль. „Персидская проблема" 1903 г. 6) Вигам, „Средне-восточный вопрос", The middle eastern question" by Whigham, Лондон, 1903 и многое другое. См. также Д-р Рупп—Англо-русское соперничество в XIX веке. Красная Новь, Москва, 1924

ницей, с одной стороны, и с границами Афганистана и Белуджистана, с другой,—ясно обнаруживает намерение России и Англии вмешиваться во внутренние дела Персии. Затем, весь тон и содержание конвенции говорит о намерении договаривающихся сторон прямым и косвенным путем оказать противодействие третьей державе, которая попыталась бы поднять производительные силы Персии и дать толчек ее экономическому и политическому возрождению.

Конвенция вызвала глубокое возмущение со стороны той части английской промышленной буржуазии, которая была заинтересована в развитии англо-персидской торговли, ибо она обозначала полное уничтожение английского торгового влияния по всей северной Персии и в значительной части остальной. Все шесть северных торговых дорог, по которым шли русские товары, остались за Россией; из трех важнейших английских дорог одна целиком перешла в сферу русского влияния, главные пункты двух других включены в русскую. Не удивительно, что на заседании общин 14 февраля 1908 г. председатель «специального наблюдательного комитета по персидским делам», известный депутат Линч, столь содействовавший экономическому развитию некоторых областей Персии учреждением пароходных линий и проведением знаменитой дороги через горные вершины бахтиаров, так резко критиковал англо-русскую конвенцию и заявил, что он лично никогда не начал бы своих предприятий в Персии, если бы мог предвидеть, какой характер будет иметь англо-русское соглашение.

Спрашивается, в чьих интересах, по чьей инициативе была выработана и принята эта конвенция, бессмысленная с точки зрения английской торговли, и вредная, с точки зрения русской промышленной буржуазии, ибо это соглашение обозначало водворение анархии в стране, мирное развитие которой, действительно, могло бы дать громадный толчок росту русского вывоза в Персию, быстро расширявшегося в течение последних десятилетий и значительно опередившего импорт других стран в Персию.

Из имеющихся в наших руках официальных документов явствует, что *идея разделения Персии на три зоны с предоставлением северной, наиболее богатой и промышленной—России, а южной пустынной — Англии, принадлежит индийскому правительству*[1]. Так, в обстоятельном докладе, отправленном еще

---

[1]) Желание превратить области, лежащие к северу от индусской границы, в пустыню составляет очевидно заветную мечту многих представителей англо-индусской бюрократии и является одной из наиболее характерных тенденций великобританской политики по отношению к Средней Азии. Когда в 1903 г. полковник Мак-Магон по поручению правительства Индии произвел исследование Сеистана и Белуджистана, он в ре-

за 9 лет до заключения англо-русской конвенции 1907 г., именно, 21 сентября 1899 г., от имени правительства Индии (за подписью Керзона и др.) государственному секретарю по индийским делам, лорду Гамильтону, указывается, что по отношению к Индии могут быть предложены две политики: политика возрождения Персии путем введения реформ, реорганизации ее администрации и финансов, развития ее естественных богатств при совместном содействии Англии и России, *каковая политика признается неприемлемой по причинам, не требующим об'яснений.* Правительство Индии признает наиболее целесообразным разделение Персии на зоны влияния между Россией и Англией и дает схему соглашения, которая целиком и легла в основу конвенции 1907 г. И если в 1899 г. англоиндийская бюрократическая идея раздела Персии на две сферы влияния между Англией и Россией казалась лондонскому правительству не целесообразной или преждевременной, в 1907 г., вместе с усилением революционного движения в Индии и внезапно выросшей германской опасностью соглашение с Россией на известной базе являлось уже вполне уместным и даже необходимым шагом внутренней и внешней имперской политики.

Таким образом, ясна была роль, выпавшая на долю царской России, навязанная русскому народу царской дипломатией в интересах охраны порядка в Индии и в благодарность за финансовую и моральную поддержку, оказываемую официальной Великобританией нашему конституционному режиму в борьбе с внутренними и внешними осложнениями. Не желая возбудить против себя общественное мнение некоторых оппозиционных кругов Англии, стремясь, поскольку возможно, сохранить на своей стороне симпатии персидского народа и не уронить своего достоинства в Европе и Азии в качестве передового защитника конституционных идей и представительного режима, великобританское правительство возложило задачу подавления освободительного движения в Персии на царскую

зультате своих двухлетних работ (1903—1905) по изучению упомянутых областей представил по начальству рапорт, в котором настойчиво указывал на необходимость открытия древнего канала Теракун, каковая операция, по словам бравого полковника, вызвала бы засуху в Сенстане и окончательную гибель этой области, что раз-на-всегда устранило бы возможность нашествия на Индию с севера, со стороны ли России, возрожденной Персии или, наконец, утвердившейся в Малой Азии, как на опорной базе, Германии. Чтобы сохранить в своих руках гигантский 300-миллионный рынок, страну Голконды, куда английские лендлорды отправляют своих непристроившихся на родине сынков черпать золото пригоршнями на счет умирающих с голоду индусов, правящие классы Англии не прочь были отдать на поток и разграбление, обречь засухе Тибет, Афганистан и Персию.

Россию, выступившую, таким образом, в роли великобританского «мавра» [1]).

Заключая это соглашение с царской Россией, Англия, с одной стороны, приобрела серьезного союзника против пробуждающегося Востока, с другой, устраняла опасность сближения царской России с Германией. В этом отношении англо-русское соглашение 1907 г. подобно англо-французскому сближению, предвещало неизбежную роль Англии в мировой войне в качестве союзника Франции и России и врага Германии.

---

[1]) О русско-персидских отношениях после Октябрьской революции. Иранский. Русско-персидские отношения „Новый Восток“ №№ 3 и 4.

II. Англия и Советская Россия.

А. От интервенции к торговому договору.

Мы уже указывали, что Англия всегда была врагом сильной России. Англия боролась против царской России, поскольку последняя угрожала английской гегемонии в Азии и протягивала руку к Константинополю и к Индии. Но Россия, буржуазная, Россия Милюковых и Гучковых с их Дарданельскими и другими великодержавными проектами была еще более ненавистна Великобритании, и последняя готова была поддерживать гнилой царизм, режим Распутиных и прочих мракобесов и черносотенцев, лишь бы не допустить превращения 150-миллионной страны в могучее буржуазное государство, организованное на европейский лад и освободившееся от кабалы английской и французской биржи.

Тем более была страшна империалистической Англии советская Россия. Многомиллионным армиям белого царя Англия могла в случае нужды противопоставить, во-первых, англо-индусскую армию, большая половина которой даже в мирное время была расположена вдоль северной индийской границы в Кветте, Пешавере, Раваль-Пинди, Мееруте и Лукнове[1]; во-вторых, сотни тысяч и миллионы волонтеров, которые в минуту опасности Великобритания могла бы привлечь на помощь из Англии, Шотландии, Ирландии, Канады, Ново-Зеландии и Австралии на защиту угрожаемых границ империи; в-третьих, свои многочисленные и грозные эскадры, которые блокировали бы Черное и Балтийское моря и подвергали бы бомбардировке все наши порты; наконец, главным союзником Англии в борьбе с войсками белого царя явились бы многочисленные мусульманские народности Азии.

В XIX веке царская Россия огнем и мечом проложила себе дорогу до скалистых уступов у северной границы Индии. Многочисленные магометанские народности Кавказа, целые десятилетия с оружием в руках отстаивавшие свою независимость героев вроде Шамиля, были порабощены, отдельные мусульманские государства, как, например, Хива и Бухара, были включены в пределы Российской империи.

---

[1]) Подробное расположение англо-индусской армии см. нашу работу «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего».

Поступательное движение России угрожало независимости последних уцелевших в Азии мусульманских государств: Турции, Персии, Афганистана, и, таким образом, Россия в глазах всего мусульманского мира стала рисоваться, как самый главный враг, вековой непримиримый противник Ислама и мусульман.

Англия сохраняла прочное положение в Индии не столько благодаря своей прекрасно организованной индусской армии, своим эскадрам, своему золоту и мировому влиянию, далее, естественным преградам и непроходимым высотам Гималаев и Каракорума, наконец, не столько благодаря грозным укреплениям Хайберского и Боланского проходов, сколько благодаря тому, что среди этих гор, в узких долинах жили фанатические мусульманские племена, которые были верными стражами Англии и оберегали высокие горные проходы от царской России, ненавистной всем народам Востока.

1. Английский империализм и борьба за расчленение России.

Все изменилось с того момента, как в России восторжествовала Советская власть. Рабоче-крестьянская Россия, могучая, многомиллионная, непобедимая в лице ее Красных армий, сказочно-чарующая в своем новом облике являлась в глазах азиатских народов уже не вековым мучителем их, не врагом, не конкурентом Англии в области эксплоатации миллионов людей, а, наоборот, добрым гением, богатырем, освобождающим скованного узника из рук мирового палача—английского империализма.

Если Биконсфильд считал гигантскую Россию царей, владения которой в Азии все больше и больше развертывались, величайшей угрозой для Британской империи, тем более опасной для последней должна была казаться в глазах современных английских министров Ллойд-Джорджей, Черчилей, Керзонов и др. Россия рабоче-крестьянских Советов с ее громадным престижем в глазах всего пробуждающегося Востока, включая и Британскую Индию с ее 300-миллионным населением, с каждым днем все ярче и ярче обнаруживающим свою ненависть к Англии и свое желание свергнуть вековое британское иго.

Во имя охраны Индии, во имя сохранения своей мировой гегемонии и господства в Азии, в целях укрепления своего владычества в Константинополе, на Босфоре и Дарданелах, одним словом, чтобы сохранить свои старые позиции и удержать новые завоевания, достигнутые в результате мировой войны и разгрома Германии и Турции, Англия об'явила войну не на жизнь, а на смерть Советской власти. При этом, в то время, как Франция и Соединенные Штаты вели войну против

рабоче-крестьянской власти во имя реставрации в России буржуазного строя и «законного» правительства, *которое снова собрало бы рассыпанные храмины Великой империи и создало бы могучее и единое государство*, которое могло бы быть для Франции надежным союзником против Германии, а для Соединенных Штатов—противовесом против слишком усилившихся Японии и Англии. Великобританское правительство упорно вело борьбу против Советской власти, прежде всего, *в целях расчленения Великой Империи и превращения ее в ряд небольших и вечно враждующих между собой, а потому и бессильных государств*, неспособных играть какую-нибудь роль в мировой политике и тем более угрожать английской гегемонии на Босфоре, в Дарданеллах, на Черном море, в Персии и, особенно, в Индии.

Мировая война привела к нарушению мирового равновесия не только в ущерб таким разгромленным и побежденным странам, как Германия, Австрия, Болгария и Турция, но и в ущерб некоторым странам-победительницам, именно Франции и Италии. В результате войны в необычайной степени выиграли, как мировые державы: Япония, Соединенные Штаты и Англия. Япония почти не участвовала в мировой войне своим флотом и сухопутной армией, не имела поэтому никаких потерь, тем не менее она захватила важные стратегические торговые пункты в Китае, как, например, Шандундскую провинцию с Киао-Чао и потом Циндао, одним словом, всю заарендованную немцами Китайскую область, далее весь Сахалин и, наконец, оккупировала своими войсками важнейшие территории Восточной Сибири, поставив целью своей восточно-сибирской политики превращение в японскую колонию или, по крайней мере, в японскую «зону влияния»—всей области от Тихоокеанского побережья до Байкальского озера и Иркутска. Япония успела спокойно отстроить свой флот, не неся никаких потерь от подводной войны, подобно Франции, Англии, Италии и Америке, и усилить свою армию. В настоящий момент Япония вооружена до зубов.

Соединенные Штаты также извлекли огромные выгоды из мировой войны в качестве империалистической державы. Американская торговля значительно возрасла на счет европейских государств и в том числе на счет Англии, главного конкурента Соединенных Штатов на мировых и прежде всего южно-американских рынках.

Благодаря необычайному развитию американской торговли за период мировой войны [1]) и крайне выгодному торговому балансу, Соединенные Штаты стянули к себе значительные за-

---

[1]) См. об этом нашу работу «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего».

пасы золота из европейских банков, и таким образом, крайне быстро транс-атлантическая республика, которая до войны была должником европейских банков и вносила ежегодно определенную дань в виде процентов по займам в финансовый центр всего мира — в Лондон, превратилась из должника в кредитора Англии и, тем более, Франции. В результате, финансовый центр всего мира переместился из Лондона в Нью-Иорк. Так к началу 1921 г. Англия была должна Соединенным Штатам 42 миллиона фунтов стерлингов (1 миллиард пятьдесят миллионов франков золотом), Франция была должна С. Штатам 550 миллионов фунтов стерлингов (13 миллиардов 750 миллионов франков золота), Италия — 325 миллионов фунтов (8 миллиардов франков золотом), Бельгия—80 миллионов фунтов стерлингов (2 миллиарда франков золотом), остальные союзные государства—Сербия, Чехо-Словакия; Румыния и т. д.—55 миллионов франков стерлингов. К началу 1922 г. союзнические государства должны были Америке около 50 миллиардов франков золотом.

На-ряду с чрезвычайным усилением своей экономической и финансовой мощи С. Штаты в необычайной мере развили и свои военные силы. С. Штатам удалось создать в результате мировой войны, развития своей военной индустрии и приобретенного военного опыта прекрасно-организованную армию, и хотя морские силы транс-атлантической республики еще не могут сравниться с английскими, они достигли такого уровня, при котором скоро могут стать опасными для Англии.

Великобритания, как империалистическая держава, выиграла очень много в результате войны. Правда, что она потеряла значительную часть своего влияния на южно-американских рынках, зато она захватила в свои руки гегемонию на европейском континенте, утвердила свою супрематию в Балтийском и Средиземном морях, на Босфоре, в Черном море и Дарданеллах. Англия воспользовалась кроме того гибелью русского империализма только для того, чтобы, освободившись от обязательства делить персидскую добычу с русским конкурентом, превратить всю Персию в свою колонию. Равным образом Англия решила воспользоваться ослаблением России, чтобы утвердить свою гегемонию в Афганистане, на Кавказе, овладеть Батумом, Каспийским морем и т. д. Английская гегемония во всех этих областях могла держаться до той поры, пока Советская власть была слаба.

Понятно, что возрождение России тем более под эгидой Советской власти не могло прийтись по вкусу английским империалистам. В борьбе с рабоче-крестьянской Россией империалистическая Англия ставила себе основной целью поддержание развала и хозяйственной разрухи в России и помощь контрреволюционным предприятиям Деникина, Врангеля, Колчака, Юденича и других врагов Советской власти, поскольку эта

контр-революционная деятельность, как это было слишком очевидно умным английским политикам, вела к расчленению и ослаблению России.

Эти задачи английской политики, коренным образом расходившиеся с целями Франции и С. Штатов, помогавших нашим контр-революционерам, как раз наоборот, в утопической надежде содействовать воссозданию сильного и централизованного буржуазного русского государства,— были ясны руководителям французской и американской политики. Как формулировал официоз французского правительства «Тан»: «Английские намерения относительно России находятся в резком противоречии с интересами России. В то время, как *Франция стремится воссоединить Россию, Англия желает разделить Россию на кусочки*».

Политика Англии в сущности являлась политикой Брест-Литовского договора с той лишь разницей, что место Германии желала занять другая великая держава — Англия.

Когда в марте 1919 года к нам приехал представитель Ллойд-Джорджа Буллит, он сделал советскому правительству от имени английского правительства ряд предложений, главным пунктом среди которых было требование признания всех образовавшихся на территории России правительств. Англия требовала от нас признания Колчака верховным правителем Сибири, признание за Деникиным Крыма, Кубани, Дона и т. д.

Англия хотела, чтобы мы признали все эти правительства, как законную власть. Таким образом, от центральной России должны были отпасть Сибирь, Дон, Кубань, Крым и некоторые южные губернии. Одним из пунктов английских предложений был пункт об амнистии белогвардейцам.

Всеми этими предложениями Англия желала добиться одной цели: распадения бывшей Российской империи на несколько частей, вечно враждующих между собой, а потому и совершенно бессильных и неспособных помешать осуществлению английских планов.

Любопытно отметить, что Буллит, ведя с нами переговоры, заявил, что Франция о данном ему поручении совершенно не осведомлена, и просил держать эти переговоры в строжайшей тайне. Когда эти переговоры стали предметом гласности и в дипломатическом мире начался «скандал», Ллойд-Джордж заявил, что Буллит даже и не приезжал в Россию и что вообще Буллит чуть ли не самозванец.

2. Этапы английской интервенции. Стратегическое окружение Р. С. Ф. С. Р. Борьба за гегемонию Англии на Черном, Каспийском и Балтийском морях.

Именно Англия явилась руководителем мирового похода капиталистических держав против советской России. Первый

шаг к прямому вооруженному вмешательству в русские дела был сделан по инициативе Англии. Интервенция началась 5-го апреля 1918 г., когда англо-японские войска высадились во Владивостоке. Вся капиталистическая пресса пропагандировала идею интервенции, как единственного способа предохранить мир от заражения большевизмом, и свержение советского строя в России было официально об'явлено основной целью интервенции. В действительности же ненависть к большевизму была лишь одной из причин интервенции, притом едва ли важнейшей, ибо английское правительство не верило в прочность Советской власти и было убеждено, что советский режим скоро падет и на смену ему придет другой строй, более соответствующий интересам международной биржи и всего международного капиталистического хозяйства. Империалистическая Англия решила воспользоваться этим, как казалось ей, кратковременным переходным моментом в истории великой русской державы, чтобы добиться окончательного ослабления и распада последней. Англия согласилась предоставить Японии свободу действий в Маньчжурии и Восточной Сибири, богатой хлебом и углем, золотом и т. д., оказывала поддержку Колчаку, Деникину, Врангелю, Юденичу, Польше, подготовляла наступление 14 государств против России (как об этом хвастал в 1919 году Черчилль), лишь бы обессилить последнюю и добиться расчленения недавно великой и грозной державы, в целях прочного овладения Балтийским морем, Кавказом [1]), Персией, Черным морем, Босфором, Дерданеллами и уничтожения раз-навсегда «русской» опасности владениям Великобритании в Азии и прежде всего в Индии. Для противодействия проникновению большевистского влияния в Турцию и Персию, а оттуда в Индию, Англия поддерживала эфемерные правительства новообразованных кавказских государств в лице

---

[1]) Любопытно, что многие наши белогвардейские генералы, продавшиеся Антанте, после неудачи своих планов свергнуть Советскую власть с помощью международного империализма, откровенно разоблачали план своих покровителей. Так, ген. Лукомский, бывший начальник штаба верховного главнокомандующего Добровольческой армии, в своих мемуарах, изданных заграницей, рассказывает о том, как Англия определенно стремилась к захвату Кавказа. Англия не только берет под свое покровительство государственные новообразования Кавказа, стремящиеся к отделению от России, но и препятствует тем из них, которые не хотят порывать связи с Россией. Так ген. Форестье Уокер заявил, что *англичане не могут допустить никакой агитации в пользу воссоединения Закавказья с Россией.*

«Получить впечатление определенной поддержки сепаратных, во вред России, стремлений Грузии и Азербейджана... казалось, что англичане хотят образовать *из Закавказских республик буферную зону между будущей Россией и Персией, а также, пользуясь обстоятельствами, захватить исключительное влияние в Закавказьи».* (стр. 304).

Эти «патриотические» свои мысли белые генералы начинают высказывать, конечно, только после прекращения английских субсидий.

азербейджанских муссаватистов, армянских дашнаков и грузинских социал-духанщиков и меньшевиков. Чтобы удержать ключи от проливов в своих руках, Англия снабжала оружием и финансами Грецию Венизелоса, надеясь создать из греческого солдата часового для охраны проливов против возможной опасности со стороны России.

Не ограничиваясь всякого рода интригами и конспирацией внутри России, далее подстрекательством ряда государств — Румынии, Латвии, Эстонии, Финляндии, Польши, Грузии, Армении и даже Болгарии к военным действиям против Советской России, Англия помимо высадки войск во Владивостоке предпринимает ряд военных действий против рабоче-крестьянской России на других пунктах нашей территории. Так почти одновременно с десантом своих войск, совместно с японцами, во Владивостоке, англичане высадили отряд в северной России. Мурманская экспедиция началась с десанта в 150 матросов в апреле 1918 года. Этот небольшой отряд был постепенно доведен до внушительной силы почти 20-тысячной армии (18.400 солдат). Согласно плана английского министерства, эта армия должна была соединиться с Колчаком, который должен был отвести свои войска на север, правым флангом касаясь Котласа, чтобы затем совместно с англичанами повести наступление на юг и запад, против Петербурга и Москвы. Как явствует из английской Синей книги об операциях на севере России, закончившихся полной эвакуацией этой области, Колчак очень неохотно пошел на это предложение, так как его план состоял в том, чтобы соединиться с Деникиным на юге. Согласно документам, опубликованным в той же Синей книге, Колчаку помешал соединиться с англичанами низкий уровень воды в Двине.

В июне того же 1918 года в английском военном министерстве было решено, ввиду невозможности оккупировать Кавказ английскими военными силами, захватить по крайней мере Каспийское море в свои руки. Необходимый для этой цели морской персонал, пушки и продовольственные запасы были отправлены англичанами через пустынные равнины Месопотамии и горный хребет Северной Персии. Нужные суда были захвачены на Каспийском море, а для снаряжения их были использованы гавани Энзели на Персидском берегу и Красноводск в Закаспийской области, так как Баку в то время был фактически занят турками. Таким образом, практически была создана британская эскадра, которая превратила Каспийское море в английское озеро.

В конце того же 1918 года английский отряд под командой ген. Томсона занял Баку. На занятии Баку настаивало английское адмиралтейство, доказывая, что Баку является необходимой военно-морской базой, без которой немыслимо самостоя-

тельное существование английских морских сил в Каспийском море.

В это время в Каспийском море действовала часть Балтийского флота, проникшая туда по Волге через Мариинскую систему. Появление Балтийского флота на Волге и в Каспийском море сделалось возможным благодаря деятельности Свирского строительства (Комитет государственных сооружений), которое под руководством инженеров-моряков—Шаверновского, Спицына—углубило и расширило канал при входе из Ладожского озера в Свирь. Благодаря произведенным работам удалось впервые в военно-морской истории России провести на Волгу эскадру из 17 боевых судов. Эта эскадра сыграла большую роль в борьбе за обладание Волгой и Казанью и немало содействовала нашей победе над белогвардейскими армиями. Часть этой эскадры проникла в Каспийское море. Здесь нашим судам пришлось столкнуться с английскими морскими силами. После занятия Баку и захвата в свои руки Закавказской железной дороги англичане отправили с Черного моря в Каспийское большое количество береговых моторных лодок, усовершенствованных пушек и т. д. В середине 1919 г. английское морское министерство с гордостью сообщило о победе английского флота над большевистскими судами в битве 28 мая,—победе, поддержавшей престиж британских морских сил. В июне 1919 г. Каспийское море находилось фактически в руках англичан, которые к этому моменту считали себя *господами всего Кавказа*, оккупированного английскими военными силами, опиравшимися на поддержку английского флота, царившего на Черном и Каспийском морях. Однако, в июле того же года было постановлено эвакуировать Кавказ и передать весь английский каспийский флот Деникину. Добровольческая армия под командой Деникина была разбита, и с поражением ее вся каспийская флотилия попала в наши руки.

Из документов, обсуждавшихся в английском парламенте, видно, что на оккупацию Кавказа Англией затрачено было свыше 6 миллионов фунт. стерлингов (130 миллионов франков золотом).

Однако, потерявшая господство на Каспийском море и вынужденная очистить весь Кавказ Англия не отказалась от своих планов овладения этой областью, являвшейся *ключом к востоку*. Англия решила во что бы то ни стало овладеть снова Бакинскими нефтяными источниками и создать из Кавказа мощный барьер против проникновения большевистского влияния в турецкую Анатолию, Персию и Индию.

Англия не теряла надежды взорвать советскую власть на всем Кавказе, на Тереке, в Кубани, в Азербейджане, Дагестане, но так как с занятием Баку красными войсками и провозглашением Советской власти в Азербейджане весь средний Кав-

каз ушел из-под влияния мирового империализма. Англия в своей борьбе с Советской федерацией решила опереться на две конт-революционные республики: именно дашнакскую Армению и меньшевистскую Грузию. Армяно-грузинская армия, которую Англия усердно снабжала оружием, обмундированием и всем необходимым, должна была явиться как бы основным ядром той армии, которую Антанта замышляла бросить против Советской федерации на Кавказском фронте с целью овладения первоначально Баку с его нефтяными источниками, а затем всем Кавказом, как ключем к Востоку. В качестве подготовительной меры к осуществлению этого плана союзное морское командование в Константинополе решило занять Батум. Меньшевистское правительство Грузии отнеслось, конечно, крайне сочувственно к этой комбинации, но после решительной ноты Чичерина от 16 ноября 1920 г. Антанте и Грузии пришлось отказаться от этого плана. В своей ноте Чичерин указал, что занятие Батума военными силами Англии или каких-либо других стран согласия явится угрозой для безопасности РСФСР и союзной Азербейджанской республики *и поставит Российское правительство в необходимость принять самые серьезные меры для безопасности обеих советских республик.* В той же ноте Чичерин указал, что оккупация Батума вооруженными силами Антанты явилась бы попыткой создать для РСФСР новый фронт на юге и первым шагом к новой войне на Кавказе, которая еще раз отвлекла бы русских рабочих от их мирного труда. Одновременно с этим неудавшимся планом и провокацией через посредство Грузии, взявшей на себя роль наемного агента Англии, всяких контр-революционных выступлений в Дагестане, на Тереке с целью захвата железнодорожного пути Баку—Темир-Хан-Шура—Владикавказ—Ростов и далее Харьков—Москва, и изоляции Баку с его нефтяными источниками от России, Англия готовила против нас фронт *от Малой Азии через Северо-восточную Персию (Хароссан), Афганистан, горную Бухару, куда укрылся эмир бухарский, и русские Памиры к басмаческой мятежной Фергане* [1]).

Осуществлением этого плана Англия мечтала закончить стратегическое окружение советской России, изолировать от ее влияния покорные Англии страны и получить возможность беспощадно подавить революционное движение в Индии и Турции.

Понятно, что главными помощниками Англии в деле осуществления этого плана должны были явиться дашнакская Армения и меньшевистская Грузия, игравшие роль настоящих вертепов контр-революции на Кавказе, куда стекались все вра-

---

[1]) Подробнее об этом см. нашу работу: «Вопросы колониальной и национальной политики», стр. 18—23.

ги рабоче-крестьянской власти из Дагестана, Терека, Кубани, Азербейджана для получения денежной и материальной помощи и организации здесь отрядов с целью вторжения в советские республики [1]). Восстания рабоче-крестьянских масс Армении, Грузии против своих правительств и советизация обеих закавказских республик взорвала весь остроумный английский план стратегического окружения России на восточном фронте и овладения Кавказом, как ключем Востока.

Одновременно со всеми этими попытками утверждения английской гегемонии на Каспийском море, Кавказе, Черном море, где крейсировали английские эскадры, Англия старалась утвердить свое господство и в Балтийском море.

В докладе адмирала Вальтера Коуэна, появившемся в середине апреля 1920 года в печати, о деятельности английского флота в Балтийском море, описаны геройские «подвиги английской эскадры» в борьбе с советскими судами за период с 5 января 1919 г. В общем англичане согласно этому докладу нанесли русскому флоту следующие потери: пущены ко дну два русских минных судна: «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», далее крейсер «Олег», миносцы: «Азард», «Гаврииль» и «Константин» и две подводные лодки. При этом английский флот также понес весьма серьезные потери: пошли ко дну одна подводная лодка, два миноносца, два траллера, семь береговых моторных лодок и транспорт «Вольтурнус». Кроме этого было повреждено, но спасено пять военных судов.

Таким образом, хотя империалистическая Англия и не находилась в официальной войне с Советской Россией, английские эскадры нападали на наши суда с целью истребления последних и захвата прилегающих к нашим берегам морей.

Английский план по отношению к России заключался прежде всего в захвате морей: Черного, Каспийского, Балтийского и Белого. Это, во-первых, давало возможность Англии и всей Антанте беспрепятственно сообщаться с контр-революционными бандами на севере и юге России и снабжать эти банды оружием и всем необходимым материалом, во-вторых, в необычайной степени усиливало и укрепляло положение Англии, как «владычицы морей».

Чтобы утвердить свою гегемонию на Балтийском море. Англия, не ограничиваясь уничтожением наших судов и концентрацией здесь своих флотов, стремилась добиться от Латвии уступки Даго и Эзеля, этого Гибралтара Финского залива. Обладание этими островами отдало бы в руки англичан господство над Петербургом и Балтийским морем. Для осуществления этого плана англичане оказали тайное содействие фон-дер-Гольцу и Бермонту, действовавшим в Прибалтике под флагом

---

[1]) Подробнее об этом см. цитированную нашу работу, стр. 23—38.

защиты европейской цивилизации от большевистской опасности. Поддерживая тайком авантюру немецких генералов, английская дипломатия хотела спекулировать на германской опасности, угрожающей не только Петербургу и Москве, но и независимости Латвии, чтобы вынудить у последней уступку Даго и Эзеля. Однако, французское правительство решительно воспротивилось этой комбинации из опасений, что создаваемая в Прибалтике армия фон-дер-Гольца и Бермонта может быть в будущем брошена на запад против Франции или на Польшу, союзника Франции. Кроме того, французы справедливо опасались, что если англичане, держащие в своих руках Босфор, Дарданеллы, Черное море, окончательно утвердятся и в Финском заливе, будущая «возрожденная, белогвардейская Россия» подпадет под исключительное влияние английского империализма.

Вообще английские империалисты не прочь были использовать и Германию, лишь бы окончательно ослабить Россию. В статье, написанной в газете «Ивнинг-Ньюс» английский военный министр Уинстон Черчилль доказывал, что Германия имеет возможность искупить свои грехи перед человечеством лишь одним способом, именно борьбой с Советской Россией.

«Перед Германией,— писал Черчилль,— ставится следующая страшная и необычайная дилемма или толкнуть свою собственную цивилизацию во всеобщий большевистский хаос, или путем наивысшего мудрого усилия построить плотину для того, чтобы остановить напор волны красного варварства. Если германцы докажут, что они способны оказать Европе такую услугу, они, несомненно, совершат этим самым большой шаг к искуплению своих грехов; таким образом, они снова завоюют себе место в общей культуре и облегчат искреннее сотрудничество Англии, Франции и Германии, от которого зависит спасение Европы».

Эти проекты вызвали сильное негодование во Франции. Французская пресса доказывала, что возложение на Германию мандата разгромить Советскую Россию, которая-де должна быть раздавлена исключительно силами Антанты и ее союзников среди самого русского населения, скрывает задние мысли, а именно желание усилить Германию, чтобы создать барьер одновременно и против Франции, и против могущей возродиться Белой России. Обсуждая письмо Черчилля, «Эко де Пари» писало:

«Безумные слова Черчилля не могут не вызвать протеста с нашей стороны. Британский военный министр в газетной статье раз'ясняет нам, что большевизм угрожает нашей цивилизации смертью, и предлагает передать Германии мандат на защиту христианства.

«Эти взгляды высказывались более года тому назад генералом Малькольмом, который послан был в Берлин к моменту

перемирия для организации возвращения на родину английских пленных, и затем остался там для *неизвестной нам функции, окруженный 150 офицерами.* Если мы пойдем навстречу таким советам, что же останется тогда от Версальского мира?

«В чем основа мысли г. Черчилля? Это старая островная привычка ослаблять силу континента с наименьшими для Англии издержками, восстанавливая одни национальные силы против других и не особенно считаясь с их качеством и моральным уровнем. Эти отголоски старой упорной английской традиции,—традиции островного государства, которую считали уже отжившей и которая, если она снова возобладает в английской политике, *легко может убить англо-французскую дружбу.*

Итак, если правительство Великобритании не столковалось с германской военщиной относительно привлечения Германии к самому широкому и активному участию в наступлении против Советской России, вина падает не на английское правительство. Опасение Франции, что привлечение Германии к активной борьбе с Советской Россией даст возможность Германии восстановить свою армию, было причиной неудачи английского плана выдвинуть Германию, в качестве наиболее сильного орудия против России.

Несомненно, что Англия являлась в первый период интервенции самым опасным врагом Советской России,— врагом, победа над которым была особенно трудна. Эта победа стоила трудовым массам России многих жертв, но эта борьба обошлась не дешево и Англии. По официальным английским сведениям за июль 1920 г., на морские и сухопутные операции в России было израсходовано с ноября 1918 г. по ноябрь 1919 г. — 49.631.000 ф. ст., а с ноября 1919 г. по апрель 1920 г. — 6.342.000 ф. ст., итого 55.973.000 ф. ст. Из этих 56 миллионов ф. ст. около 31 миллиона ф. ст. израсходовано на британские войска и около 25 миллионов на поддержку русских войск.

Кроме того английским правительством были затрачены громадные суммы на снабжение контр-революционных банд всякого рода товарами. Как явствует из нижеследующих данных, в Россию было послано:

Товаров на продажу на . . .	16.270.000 ф. ст.
Непродажных товаров:	
В Северную Россию	577.000 » »
В Балтийские государства . .	3.493.000 » »
Колчаку	8.150.000 » »
Деникину	23.100.000 » »
Итого . . .	51.590.000 ф. ст.

Таким образом, за период с ноября 1918 г. по апрель 1920 г., т.-е. за 15 месяцев Англия израсходовала на поддержку

русской контр-революции и осуществление своего плана ослабления и расчленения России более ста миллионов ф. ст. (107 миллионов), т.-е. более двух с половиной миллиардов фр. золотом. Асквит доказывает, что расходы Англии на русскую политику превышала к этому моменту даже сумму в 115 миллионов фунтов стерлингов.

3. Англо-русский торговый договор и вопрос о русской опасности на Востоке.

Какие же силы, какие факторы заставили английских империалистов отказаться от продолжения борьбы с Советской Россией и подписать 18 марта 1921 года торговый договор с Россией? Помимо требований рабочего класса Англии, который, с самого начала интервенции, настаивал на прекращении блокады Советской России и возобновления с последней мирных отношений и торговли, здесь действовали и другие причины, толкавшие империалистическую Англию к прекращению бесплодной и дорого стоющей борьбы. Мы уже указывали выше, какую роль в истории вековой англо-русской распри и затем, наоборот, в происхождении англо-русского соглашения о Средней Азии (см. выше, гл. первая, § 3 англо-русское соглашение 18 августа 1907 г.) сыграл вопрос об Индии. Одним из постоянных лейтмотивов выступлений Черчилля был вопрос об опасности на Востоке. Черчилль именно потому поддерживал Деникина и Колчака, что, как он сам неоднократно доказывал, Колчак и Деникин являлись защитниками английских интересов в Персии и Индии, т.-е. английского империализма, и если в начале войны шляхетской Польши против Советской России в момент вторжения польских войск в пределы Украины, английский король послал приветственную телеграмму Пилсудскому, то это сочувствие английского империализма нападению Польши на Россию и поддержка, оказанная Великобританией Польше, об'ясняется желанием Англии отвлечь русские силы подальше от Ближнего и Среднего Востока и приковать эти силы к западным границам РСФСР. Уже в марте месяце 1920 г. парижский корреспондент руководящего польского буржуазного органа «Газета Варшавска» указывал, что Англия стремится толкнуть Польшу на войну с Россией, дабы оттянуть часть русских войск с Кавказа на Западный фронт (см. К. Радек «Английский империализм, Советская Россия и Белая Польша» — «Известия», 23 мая 1920 года).

Та агрессивная политика, которую империалистическая Англия вела упорно против Советской России, вынуждала нас к решительным шагам. Занятие 18 мая 1920 г. персидского порта Энзели, где стоял в то время английский отряд, было первым актом нашей новой политики по отношению к Англии.

Англичане намеревались превратить Энзели в опорный пункт своего владычества на Каспийском море. Через Месопотамию и Персию они послали своих моряков и офицеров для укомплектования военных судов в Энзели. Одновременно они начали усиливать Энзели фортовыми сооружениями и привели его в боевую готовность. Укрепив Энзели, они надеялись превратить его в свой передовой форпост, прикрывающий доступы в Персию, Месопотамию и, самое важное для них, в Индию. Одновременно Энзели должен был служить базой для действий против Баку и захвата нефтеносного района. Приход Красного флота в Энзели разрушил все эти английские планы. В Энзели нами была захвачена громадная военная добыча: весь флот Деникина, вооруженный англичанами и состоящий из вооруженных английскими орудиями судов и траспортов, достался нам. После этого англичанам пришлось, конечно, распроститься с мечтой о превращении Каспийского моря в английское озеро. Таким образом, то искусственное заграждение, которое предусмотрительные англичане намеревались противопоставить распространению большевистского влияния в Персии, Месопотамии и Индии, было на этом фронте взорвано. Вот как мы оценивали в свое время смысл и значение занятия Энзели в статье «От обороны к нападению», напечатанной в харьковском «Коммунисте» (см. также нашу брошюру «Украина, как об'ект международной контр-революции», стр. 27—30):

«Нужно показать мировому империализму и прежде всего Англии, которую мы можем смертельно ранить в Ахиллесову пяту ее грозного военного и экономического аппарата, что мы не считаем тактику активной обороны единственным методом самозащиты советских республик. Мы желаем, чтобы наша рабоче-крестьянская социалистическая федеративная республика своей плодотворной *внутренней* деятельностью, своими великими мирными деяниями во всех областях хозяйственной и культурной жизни, одним словом, самым фактом существования, служила примером, маяком, путеводной звездой для рабочих и крестьян всех стран и континентов. Но, если Англия будет по-прежнему преследовать нас, как хищных зверей, если каждый раз она будет бросать против нас новые и новые армии своих наемников, мы не ограничимся тем, что изгоним польских панов из Украины и поможем польским рабочим и крестьянам поднять красное знамя над варшавской цитаделью. Мы приближаемся к концу *первого* периода войн советских республик с международным капиталом, периода активной *обороны* против англо-французских хищников. Мы знаем, где лежит Ахиллесова пята, самое слабое уязвимое место в теле нашего главного врага—Великобритании. Командующий советским флотом, т. Раскольников, своими решительными действиями — «по собственной инициативе без приказания из Москвы» на побережьи Каспийского моря, именно высадкой в *персид-*

ском порте Энзели, где стоял *английский* отряд, отступивший перед натиском наших геройских моряков к Решту, сделал первый и чреватый великими всемирно-историческими последствиями шаг перехода от тактики активной *обороны* советских республик к тактике смелого *наступления* в борьбе с мировым империализмом. Англия не могла помешать возникновению советской Азербейджанской республики и бессильно выпустила из своих рук бакинские нефтяные источники. Напрасно английское правительство в официальном заявлении в палате общин успокоительно заверяет встревоженных английских владельцев, акционеров персидских нефтяных источников и других концессий, что в Персии находятся достаточные английские силы для отражения возможного большевистского наступления. Если нужно будет, в Тегеране снова появятся наши казачьи бригады, но уже не белые, и не под командой ненавистного персам пресловутого царского полковника Ляхова, а червонные кавалерийские полки под командой красных командиров, вроде т.т. Буденного, Примакова и др. Азербейджан, дружественная нам Персия, союзный Афганистан, все это — страны, где каждое колебание почвы под ногами у английских насильников могуче отражается во всех углах Британской империи, вызывает сильные подземные удары, — предвестия надвигающегося землетрясения в Индии и Турции. Когда известия об ударах, нанесенных нами английскому престижу в Азербейджане, Персии, Афганистане, усилят революционное движение на всем Ближнем, Среднем и индусском, мусульманском и не-мусульманском Востоке, тогда зашатается не только Британская капиталистическая империя, но почва начнет гореть под ногами и у французских империалистов, в азиатском Индо-Китае и в африканских колониях — Тунисе, Алжире, Марокко.

«Первый период, период революционных оборонительных войн советских республик за право мирным путем творить новую жизнь на великих социалистических началах, надо надеяться, приближается к концу. Будем надеяться, что нас не заставят снова отложить в сторону мирный плуг и вступить во второй период революционных войн советских республик, *наступательных* войн на Востоке, во имя освобождения сотен милионов персов, афганцев, индусов, со страстным нетерпением ожидающих нашего пришествия для последней решительной схватки с мировым империализмом и его главным представителем — кровожадной капиталистической Великобританией».

Результатом занятия Энзели было восстание в Гиляне, возглавляемое Кучук-ханом. По соглашению с Раскольниковым, Кучук-хан во главе своих отрядов начал наступление на Решт. Когда англичане узнали об этом, они поспешно эвакуировали Решт и направились в Багдад. Главным обстоятель-

ством, заставившим англичан так торопиться с эвакуацией, было настроение их войск, особенно индусских солдат, которые не обнаруживали никакой склонности сражаться с нашими и с персидскими революционными войсками и при первой возможности перебегали на нашу сторону.

Естественно, что наша активная политика в борьбе со стремившейся задушить Советскую власть Великобританией, не могла ограничиться, такими успехами, как удаление англичан из Энзели и Решта. Мы не могли допустить разгрома кемалистской Турции, равным образом не могли примириться с превращением дашнакской Армении и меньшевистской Грузии в орудие Англии для осуществления ее империалистических планов на Кавказе. Тем более мы не могли примириться с натравливанием Англией против нас Польши, Финляндии, Румынии и т. д., с той непрерывной, кровавой войной, которую навязывала нам Антанта. Целый ряд ответственных партийных товарищей высказывались в том смысле, что пора перейти от бесчисленных нот к Англии о нашем горячем желании мира к более убедительным аргументам, и тов. Радек выразил это настроение, когда писал в одной из своих статей:

«Английский империализм, поддерживая Польшу, толкает нас к тому, чтобы мы искали место, в котором он наиболее уязвим. Он наиболее уязвим в Центральной и Малой Азии,— советское правительство, если его к этому принудит английский империализм, сумеет больше повредить английскому империализму на Востоке, чем английский империализм может повредит нам на Западе.

«Готовая к миру, готовая к уступкам, готовая к мирному сожительству даже с капиталистическими странами, пока рабочий класс Запада терпит еще тяготу капиталистической системы, Советская Россия — не падаль, на которую могут точить свои когти и клюв коршуны империализма. Она — сила, и сила твердая, растущая, и она заставит своих врагов считаться с ней, как с силой, и дать ей мирно жить».

Решительный курс нашей восточной политики, выразившийся, между прочим, в создании Совета действия и пропаганды народов Востока, заставил английское правительство задуматься над вопросом о неизбежности соглашения с Советской Россией. Если прежде советская опасность на Востоке являлась в руках британской военной партии исходным пунктом для проповеди непримиримой войны с советской федерацией, теперь, когда сделалось очевидным, что «вооруженная борьба с большевизмом на Востоке обречена на неудачу», как это открыто признавали многие английские газеты и как это заявил английский премьер Ллойд-Джордж, с такой же откровенностью сознавшийся, что борьба с влиянием Советской России в Азии вооруженной силой бесцельна,—те же революционные события на Востоке и торжество советских идей среди ши-

роких масс в Турции, значительной части Персии, в Бухаре и т. д. толкали Англию к отказу от политики «войны до конца» против Советской России. Дальнейшие военные операции советских войск на берегу Каспийского моря грозили Англии полной потерей персидского хлопкового рынка и колебали положение Англии не только в Тегеране, но и во всей южной Персии. Бухарские события усиливали наше влияние в Афганистане и могли серьезно отозваться на Индии, где положение с каждым днем принимало все более тревожный характер с точки зрения английских интересов.

В начале января 1921 года «Дейли Геральд» сообщал:

«Британское правительство смотрит с большим опасением на теперешнее положение в Индии и этим, может быть, об'ясняется назначение лорда Рединга. В официальных кругах не скрывают, что положение в Индии такое тревожное и угрожающее, каким оно никогда не было со времени великого мятежа. Если сейчас Индия внешне спокойна, то это лишь спокойствие дымящегося вулкана. Горючие элементы густо и широко распространились в Индии за последние годы, и перед правительством стоит альтернатива: или стараться восстановить доверие в народе к администрации, или же подавить «источники восстания и анархии» грубой силой.

«Новым фактором в Индии является пробуждение национального сознания, которое может стать опасным орудием революции и непреодолимым препятствием к компромиссу. Один англичанин высокого положения, недавно вернувшийся из Калькутты, заявил: «Вновь организованное национальное рабочее движение является могущественным орудием прямого действия. Федерация труда, которая скоро будет насчитывать миллионы, находится под абсолютным контролем и руководством крайних левых. Когда такие организации, как железнодорожный союз, будут окончательно сорганизованы, они используют свою силу для политических целей».

Одновременно «Дейли Хроникль» сообщала о крестьянских беспорядках в так называемых об'единенных провинциях около Аллагабада. Как сообщала газета, крестьяне нападают толпами на помещичьи дома и уничтожают хлеб. Крестьянское движение охватило громадную площадь в 107.000 квадратных миль с населением свыше 47 миллионов душ. Все это—прибавляла «Дейли Хроникль»—является результатом пропаганды известного Ганди, апостола идеи полного отделения Индии от Великобритании.

Принимая во внимание, что вооруженный поход против Советской России с помощью Врангеля, Деникина, Колчака и т. д., английских экспедиционных отрядов и английских эскадр закончился полным фиаско и лишь содействовал необычайному престижу Советской России на всем Востоке, облегчив пропаганду советских идей в Персии, Индии и т. д., *Англия*

решила добиться от советского правительства отказа от этой пропаганды. С'езд народов Востока в Баку, в сентябре 1920 г., на который с'ехалось около 2.000 делегатов, в том числе 235 турок, 192 перса, 14 индусов и т. д., и весть о котором проникла во все азиатские страны и усилила повсюду национально-революционное движение, далее образование в Баку Совета действия и пропаганды народов Востока,—все это заставило английскую военную партию и вообще правящие классы Англии поторопиться с изменением своей политики по отношению к Советской России.

В сентябре 1920 г. собрался в Баку с'езд народов Востока под лозунгом борьбы с вековым врагом восточных народов — империалистической Англией, *а уже в декабре английское правительство предложило проект торгового договора* между правительствами Великобритании и Советской России. Проект, предложенный великобританским правительством, начинается следующим образом:

«Принимая во внимание, что в интересах как России, так и Соединенного королевства, немедленное возобновление мирных коммерческих сношений между обеими странами, и ввиду того, что для этой цели необходимо—впредь до заключения между правительствами этих стран формального договора, которым регулировались бы их экономические и политические отношения в будущем,—заключить предварительное соглашение между правительствами Соединенного королевства и советским правительством,

«Названные стороны заключили настоящее соглашение о возобновлении торговли между обеими странами, каковое соглашение, однако, не предопределяет точку зрения, которой каждая из договаривающихся сторон может придерживаться относительно правового состояния другой стороны.

«Настоящее соглашение остается в силе при соблюдении условий, изложенных в ст. 7, пока упомянутые в соглашении и изложенные ниже условия будут соблюдаться обеими сторонами, а именно: каждая из договаривающихся сторон воздерживается от враждебных по отношению к другой стороне действий или выступлений, или от ведения за пределами своей страны непосредственно или косвенно пропаганды против государственных установлений другой стороны, и в особенности советское правительство отказывается и воздерживается от каких-либо враждебных действий, поддержки таковых или пропаганды в Соединенном королевстве против государственных установлений Британской империи, или какой-либо части Британской империи, равно как и от всяких попыток путем военных, дипломатических или каких-либо иных действий, или путем пропаганды содействовать какому-либо из народов Азии в какой бы то ни было форме враждебных действий против британских интересов и, в частности, на Кавказе и в Малой

Азии, Персии, Афганистане и Индии, а также будет удерживать российских граждан от подобного рода действий или пропаганды...»

В этом проекте договора обращает на себя внимание то обстоятельство, что Англия вносит в перечисление своих требований от противной стороны обязательство воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий не только в Малой Азии, Персии, Афганистане и Индии, которые Англия рассматривала, как свои колонии, владения или зоны влияния, *но даже на Кавказе*. И если даже по отношению к Закавказью Англия, основываясь на фактическом положении вещей в тот момент, могла считать дашнакскую Армению и меньшевистскую Грузию своей «сферой влияния», своим владением, с чем, конечно, Советская Россия ни в коем случае не могла примириться, тем более невозможно было примириться с английской точкой зрения по отношению к самостоятельной Азербейджанской республике и всему остальному Кавказу, как-то: Дагестану, Терской области и т. д.

На свидании 22 декабря тов. Красина с Ллойд-Джорджем, Бонар Лоу и министром торговли сэром Робертом Хорном английский премьер-министр согласился исключить из числа «запрещенных стран» Кавказ, к вящему огорчению грузинских меньшевиков и армянских дашнаков, которые после официального отказа Англии считать Кавказ своей колонией, поняли, что царству их пришел конец. С этого момента тон грузинской и армянской официальной и официозной прессы становится особенно тревожным. Становится очевидным, что Англия вынуждена будет отказаться от поддержки армянской и грузинской буржуазии своим золотом и своим оружием и что равным образом английское правительство не пожелает себя компрометировать дальнейшим соучастием в организации контрреволюционных выступлений в Дагестане, на Тереке, на Кубани, выступлений, на которые грузинские меньшевики возлагали надежды в целях ослабления мощи Советской федерации и ослабления сил нашей Красной армии на Кавказе. (О грузинских интригах на Кавказе, см. наши работы: «Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационал», «На высотах красного Дагестана»).

18 марта британским министром сэром Робертом Хорном и тов. Красиным было подписано соглашение между Великобританией и Советской Россией. Это соглашение в своей вступительной части редактировано следующим образом, в изменение первоначального, цитированного выше проекта:

«Ввиду того, что в интересах России, как и в интересах Соединенного королевства представляется желательным возобновление мирных торговых сношений между этими странами, и ввиду того, что для этой цели необходимо, впредь до заключения формального общего мирного договора между прави-

тельствами этих стран, которым будут урегулированы их экономические и политические отношения в будущем, заключить предварительно соглашение между правительством Соединенного королевства и правительством РСФСР, называемым ниже «Российским советским правительством»,

«Вышеупомянутые стороны, соответственно этому, заключили настоящее соглашение о возобновлении торговли между обеими странами.

«Настоящее соглашение связано с выполнением следующих условий, а именно:

«а) Каждая сторона должна воздерживаться от враждебных действий вне своих собственных границ какой-либо официальной пропаганды, прямой или косвенной, против Британской империи или РСФСР и, в частности, Российское советское правительство должно воздерживаться от всякой попытки, будь то путем военных, дипломатических или каких-либо других действий или пропаганды, *к поощрению какого-либо из азиатских народов предпринимать какого-либо рода враждебные действия против британских интересов или Британской империи, в частности, в Индии и независимом государстве Афганистане.* Британское правительство берет на себя подобное же обязательство перед Российским советским правительством относительно стран, составлявших часть бывшей Российской империи и ныне ставших независимыми.

«б) Всем находящимся в России великобританским подданным немедленно же разрешается вернуться на родину, и все российские граждане в Великобритании или в других частях Британской империи, желающие вернуться в Россию, точно также отпускаются.

«Под выражением «ведение официальной пропаганды» подразумевается оказание каждой стороной помощи или поощрения какой-либо пропаганде, которая ведется вне ее собственных пределов.

«Договаривающиеся стороны обязуются дать своим агентам и всем подчиненным им лицам немедленно же все инструкции, необходимые для соблюдения вышеупомянутых условий».

В результате трехмесячных сражений с представителями английского правительства Красину удалось добиться следующих существенных уступок:

1) Английское правительство согласилось не упоминать в договоре о Кавказе и, стало быть, официально признало последний находящимся вне сферы английского влияния; 2) в ответ на согласие правительства РСФСР воздерживаться от враждебных действий против британских интересов или Британской империи, в частности, в Индии и независимом государстве Афганистане британское правительство дает такое же обязательство Российскому советскому правительству в отношении стран, составлявших часть бывшей Российской импе-

рии и ныне ставших независимыми. Одновременно в отличие от первоначального проекта в окончательном соглашении *не упоминается ни о Малой Азии, ни о Персии и подчеркивается,* что Афганистан является независимым государством; 3) наконец, выброшено упоминание об обязательстве советского правительства удерживать частных лиц от враждебной английским интересам пропаганды.

Нижеследующий документ, врученный тов. Красину одновременно с подписанием торгового соглашения, лучше всего выясняет те мотивы, по которым английское правительство оказалось вынужденным вступить в соглашение с Советской Россией. Документ этот настолько характерен, что мы приводим его целиком.

Перевод письма британского министра торговли сэра Роберта Хорна, врученного тов. Красину одновременно с подписанием соглашения о торговле между Великобританией и Россией.

«Милостивый государь! Вручая вам торговое соглашение между Британским правительством и Российским советским правительством, подписанное сего числа, я, на основании инструкции правительства его величества, должен обратить внимание советского правительства на известные последнему факты, обнаруживающие *деятельность советского правительства в Индии и в Афганистане*[1]), не соответствующую постановлениям соглашения и подлежащему немедленному же прекращению, если добросовестность этого соглашения должна быть соблюдена.

«Советское правительство, в своих публичных заявлениях и в своей официальной печати, не делало тайны из того, что главнейшей целью проводимой им в последнее время политики является свержение британского владычества в Индии; правительству его величества уже давно известны интриги, которые велись различными путями и в различных направлениях советским правительством, его агентами, подчиненными ему лицами и единомышленниками для достижения упомянутой цели.

«Одним из подходов к этой цели, на который в результате недавних переговоров было обращено особое внимание, является Афганистан. Правительство его величества имеет весьма веские основания предполагать, что одной из главнейших целей советского правительства, при переговорах его с правительством Афганистана, было обеспечение себе способов *нарушения мира в Индии через Афганистан.*

«Российский посланник в Кабуле *Суриц* в своих переговорах с афганским правительством обратил особое внимание на помощь, которая должна быть оказана советским правительством племенам, живущим вдоль сев.-западн. границы Индии. За все время переговоров он настаивал, как на главнейшей уступке, которой он требовал от афганцев, на предоставлении гарантии свободного провоза через Афганистан без всякой задержки большого числа винтовок и большого количества огнестрельных припасов для пограничных

---

[1]) Курсив везде наш. *М. П.*

племен на британской стороне границы. Это, как он, так и его правительство не могут не признать, является прямо враждебным актом по отношению к Индии. Правительство Индии, как это известно афганцам, не допустило бы, чтобы афганское правительство предоставляло для этого гарантии и технические приспособления. Подстрекательство же афганского правительства к такому шагу в неменьшей степени является прямым враждебным актом.

«Уже одно получение вооружения и огнестрельных припасов, как отлично известно советскому правительству, было бы почти достаточным для возбуждения среди племен беспорядков и агрессивных действий на территории Индии. Не удовлетворяясь одной этой возможностью, но преисполненный решимости обеспечить себе ее конкретные результаты, советский представитель вошел в сношение с наиболее враждебными Британии вождями племен, постаравшись при этом вмешать в это дело выдающихся афганцев, в частности, главнокомандующего Надир-хана, с которым Суриц имел конфиденциальное свидание в то время, как некоторые вожди были вызваны Надир-ханом в Кабул. Этими интригами занимался не один Суриц.

«Джемаль-паша, миссия которого в Афганистан была предпринята с одобрения Москвы, так как без сомнения ожидалось, что его присутствие будет взывать не только к национальным, но и к религиозным чувствам афганцев, находился в контакте с вождями племен и, получив заверения, что советское правительство предоставит необходимые средства, обещал им огнестрельные припасы в количестве даже больше, чем Суриц. Махендра-Пратап, индийский ренегат бывший агент Германии во время войны и сопровождавший Сурица в Кабул, действовал подобным же образом среди племен как на британской территории, так и вне ее, в более северном направлении, вдоль границ Читральского округа в Ваханских горах и на Памирском плоскогории.

«Махендра-Пратап является лишь одним из шайки пресловутых индийских мятежников, большинство которых было германскими агентами и которые в течение многих лет пользовались всеми средствами для нападения на британское правительство на Востоке. Многие из этих лиц в настоящее время работают по большевистским директивам и на большевистские деньги, чтобы сеять измену в Индии и возбуждать британофобские чувства в соседних с Индией странах, главным образом, в Афганистане. Среди них достаточно назвать Баркатулу, который сопровождал первого большевистского посланника в Кабул и который теперь опять находится там, прибыв вместе с Джемалем-пашей, Ачарию и Абдураба, сопровождавших Сурица в Кабул, Мукерджи, находящегося в Москве при центральном правительстве, и Марабиндру-Нату-Роя, находящегося теперь в Ташкенте в Туркестане.

«Если бы даже о нынешней деятельности этих уж выявивших себя изменников ничего не было известно, то уже одного факта, что они состоят на службе Российского правительства, было бы достаточно, чтобы возбудить самые серьезные подозрения насчет добросовестности советского правительства в его отношениях к Великобритании на Востоке. Однако, хорошо известно, что такие именно лица, которые пребывают или пребывали в Кабуле, находясь там в целях установления контакта с нелойяльными элементами в Индии. Присутствие Роя в Ташкенте вызвано более сложным препятствием того же рода. В Ташкенте установлена передовая база

для работы в Индии с политическим департаментом и военно-техническим центром; тут предполагается революционная тактика всем индийцам, прибывающим в Ташкент откуда бы то ни было. Эмиссары этой группы уже были отправлены в Индию через Афганистан.

«Если утверждать, что революционная база, расположенная так далеко от индийской границы как Ташкент, не может угрожать Индии серьезной опасностью, то возражением на это может служить высказанное Сурицем мнение о том, что Ташкент является такой базой лишь на худой конец; он выразил убеждение, что эту базу придется перевести в Кабул, как только это позволят обстоятельства, что если не будет установлено тесного контакта базы с самой Индией и с племенами, живущими на индийской границе, то база не окажется на высоте своей задачи. Своей цели она может достигнуть только в Кабуле.

«Намерения советского правительства в этом направлении настолько выявились, что скрывать их долее уже невозможно. Джемаль-паша получил директивы, совершенно подобные тем, которые Суриц пытается проводить в жизнь.

«Подобным же образом, *для облегчения распространения революционного учения в Индии,* Суриц пытался обеспечить себе по договору содействие афганцев для установки в Кабуле печатных станков, и не может быть никакого сомнения, что пропаганда в Индии явилась бы одной из главнейших функций консульств, которые он стремится учредить в Кандагаре, Газни и Джелалабаде. Хотя, может быть, выполнение задачи ввиду сделанных афганцами представлений и было отложено, но цель ясна.

«Однако, хотя советские представители, быть может, и не желают слишком настаивать перед афганским правительством на осуществлении этих пунктов в настоящий момент, они заявляли, что уже отправили эмиссаров в Индию для изучения на месте возможности революционной работы, будь то в армии или среди земледельческого или среди промышленного населения или же путем организации экстремистских политических школ на основах, благоприятных большевистским революционным проектам, и что они получили донесения от одного из этих агентов, сводящиеся к тому, что теперь дело лишь за московским центральным правительством, которое должно энергично санкционировать продолжение деятельности, столь несовместимой с общепринятыми функциями дипломатического представителя.

«Выше уже упомянуто о недавних переговорах относительно заключения договора между советским правительством и афганским правительством, а также и о некоторых предложениях, выдвинутых при этом. Желательно вкратце резюмировать главные основания к упомянутым уже жалобам, помимо тех оснований, которые правительство его величества находит в этих действиях.

«Британское правительство не возражает против принятия на себя афганским и советским правительствами договорных обязательств, предусматривающих установление обычным способом соседских отношений и коммерческих сношений, хотя оно при этом должно подчеркнуть, что даже императорское российское правительство признавало, что Афганистан на-

ходился вне сферы его влияния, но соглашение, к которому стремилось советское правительство во время недавних переговоров, предусматривало, между прочим, подарки в форме денег, огнестрельных припасов и аэропланов для афганского правительства, равно как и учреждение советских консульств на восточных границах Афганистана.

«Каковы бы ни были взгляды правительства его величества на такие пункты договора при других обстоятельствах, но, имея в данном случае в виду *очевидное желание советского правительства свергнуть британское владычество в Индии* и тот факт, что Россия не имеет и не может иметь никаких торговых или других интересов в восточном Афганистане, оно вынуждено рассматривать эти предложения со стороны советского правительства, исключительно как меры, враждебные британским интересам.

«Нет также недостатка и в доказательствах наличности еще более непосредственных враждебных операций со стороны советского правительства. Известно, что индийские революционеры настаивали на образовании военного центра на читральско-памирской границе. Изданным советским правительством приказом по армии сообщается о поднятии красного флага на Памирском плоскогории, как указание индийским народам на то, что их освобождение близко. Есть основание полагать, что в настоящее время рассматривается план действий в этой области.

«Сказанного достаточно, чтобы указать на общий характер деятельности советского правительства, на прекращении которой правительство его величества должно настаивать, как на существенном условии для заключения какого-либо соглашения между обоими правительствами».

Этот документ на-ряду с целым рядом статей, появившихся в «Таймсе», «Морнинг Пост» и т. д., о деятельности Коминтерна, и в частности «Совета действия и пропаганды народов Востока» (Баку) в Азии ясно показывают, насколько правящие классы Англии были встревожены нашей пропагандой на Востоке. Заметим, что, давая в начале общие об'яснения по поводу письма Хорна т. Красину, Чемберлен на заседании 24 марта указал, что *нарушение условий по вопросу о пропаганде против англичан в Афганистане и Индии поведет немедленно к аннулированию* соглашения с Россией. На том же заседании помощник статс-секретаря по делам Индии заявил, что правительство Индии создало специальное учреждение для борьбы с советскими агентами в Индии.

Итак, мы видим, что подобно тому, как в эпоху царизма страх за Индию в определенные моменты толкал Англию к войне с Россией, а в другие побуждал к соглашению с последней, та же *индийская опасность заставила Великобританию, руководившую войной мирового империализма и всей русской контр-революцией против Советской России, сложить после побед нашей Красной армии и успехов нашей революционной пропаганды на Востоке оружие и подписать с нами мирный договор.*

4. Английская интервенция и рабочий класс Англии

Я уже указал выше, что одним из важнейших факторов, толкавших Англию к прекращению войны с Советской Россией, было поведение английского пролетариата, который с самого начала интервенции протестовал против блокады Советской России и требовал возобновления торговых сношений с последней. В конце 1919 г. английский дипломатический корпус и английские войска, служившие опорой для архангельского правительства, неожиданно покинули Архангельск. На совещании белогвардейских генералов с участием «демократической» думы и «демократического» земства белый генерал Миллер тогда нарисовал собравшимся безотрадную картину положения «собирателей Руси» без поддержки союзников и об'яснил непонятный и неожиданный для белогвардейцев и демократов уход англичан, бросивших созданное ими же правительство на произвол судьбы, требованием английских рабочих. «*Этого требуют английские рабочие,*—заявил белогвардейский генерал. И это было правильно.

Самые умеренные слои английского пролетариата с самого начала интервенции не переставали требовать соглашения с Россией. Совет тред-юнионов Лейчестерского округа, в одной из своих резолюций по поводу разоблачений относительно поддержки Колчака высказал «глубокое осуждение м-ру Черчиллю за соглашение с Колчаком с целью поддержать последнего в борьбе с Советской Россией». Совет с тревогой смотрит на продолжающееся игнорирование общественного мнения, проявленное палатой общин в отношении указанных разоблачений и считает, что пребывание Черчилля на министерском посту является общественным скандалом и опасностью для страны.

Конгресс английских тред-юнионов, открывшийся в сентябре 1920 г. в Портсмуте, представлявший собой 6½ миллионов организованных рабочих и являющийся, по выражению «Таймса», «самой могущественной организацией своего рода», решительно высказался за полный мир и соглашение с Советской Россией.

Но не только самые умеренные элементы рабочего класса вели борьбу против явной или тайной войны английского правительства с Советской Россией. Даже представители английских кооперативов, собравшиеся на с'езде в Бристоле, с энтузиазмом приняли резолюцию, горячо приветствующую от имени 4-го с'езда английских кооператоров героические усилия трудящейся России в борьбе с врагами. «Наши русские товарищи,—гласит резолюция,—могут быть уверены в том, что ожесточенная борьба, которую ведут против них капиталисты и капиталистические государства, вызывает ожесточение во всех членах настоящего с'езда».

Рост безработицы, тяжелая экономическая депрессия, которую переживала Англия в последние годы, начиная с окончания мировой войны и заключения победного мира с разгромленной Германией, являлись основными факторами, толкавшими даже наиболее оппортунистические слои английского пролетариата к оппозиции воинствующей политике по отношению к Советской России. Во время переговоров многочисленной рабочей депутации, состоявшей из членов парламентской группы рабочей партии и парламентской комиссии конгресса тред-юнионов, с министром труда, по вопросу о мерах борьбы с безработицей, О'Греди заявил, что «если бы правительство немедленно возобновило торговлю с Россией и оказало бы через английский банк долгосрочный кредит голодающим странам центральной Европы, разница в положении дала бы себя скоро почувствовать».

Единственное средство ослабить безработицу,—заявил Томас на многолюдном митинге в Дерби (20/I—1921),— заключается в подавлении безумной оппозиции, которую правительство проявляет по отношению к большевикам. Я не одобряю методов большевистского правительства, но это внутреннее дело русского народа. Великобритания не прекращала торговли с Россией при царском режиме, например, после 9 января; правительство должно взять на себя инициативу восстановления товарообмена между Россией и центральными державами, с одной стороны, и с Англией — с другой. Только этим путем можно облегчить бедствия безработицы. Главное средство борьбы с безработицей,—писали в таком же духе «Дейли-Хроникль,— заключается в возобновлении торговых сношений с новой Европой, включая Россию и Германию. Только таким образом можно восстановить разрушенный войной аппарат внешней торговли Англии.

Безработица в Англии с каждым днем росла, принимая все более угрожающие размеры. В некоторых местах Англии, как, например, в Норвиче (в декабре 1920 г.), толпы безработных вторгались в главные продовольственные лавки и громили последние. Вопрос о безработице все более приобретал для Англии первостепенное значение. В мае 1921 г., когда результаты торгового договора, подписанного Советской Россией, не могли еще сказаться, хотя бы в самой ничтожной мере, в момент выступлений французских войск для занятия Рурской области, во время кровавых событий в Верхней Силезии, где более ста тысяч восставших поляков сражались с оккупационными англо-итальяно-французскими войсками, в дни грандиозной забастовки английских углекопов в Англии, по вычислениям «Дейли Экспресс», насчитывалось 5 милл. безработных, представлявших вместе с их семьями приблизительно 15 милл. чел., т.-е. почти треть всего населения страны. Как писала та же газета, угольные порты полны испорченными пароходами; все большие

предприятия в стране работают неполное время, железоделательные и сталелитейные заводы закрываются; предстоит дальнейшее сокращение электрического освещения, железнодорожного и трамвайного движения.

Но уже задолго до наступления этого момента положение в Англии было невеселым.

5: Мировой кризис и необходимость сближения с РСФСР.

«Страшно подумать о том, что может случиться,—заявил в палате общин, еще в июне 1920 г., Ллойд-Джордж,—если мир с Россией не будет восстановлен. Россия необходима для всего мира. Мы сознаем опасность голода, грозящую от продолжения войны. Знаем, что необходимо возобновить сношения со страной, которая до войны производила четвертую часть всего продовольствия, ввозимого европейскими державами».

«Никогда в Европе,—заявил тогда же в палате общин лорд Сесиль,—положение не было более опасным. Миллионы населения обречены на голод и болезни. Вся экономическая жизнь расстроена. Промышленность остановлена. Мир с Россией во что бы то ни стало!».

Эти мнения государственных деятелей Англии вполне совпадали со взглядами на этот же вопрос многих буржуазных экономистов. Конференция по борьбе с голодом, созванная в Лондоне в середине 1920 г., на которой участвовали выдающиеся представители буржуазной науки, приняла по отношению к русскому вопросу следующую резолюцию:

«Конференция признает, что восстановление мировой промышленности не может произойти до тех пор, пока России *не будет дана возможность возродиться экономически и предоставить в распоряжение других стран свои огромные запасы сырья и продовольствия.* Но первым шагом на пути к этой цели должно быть прекращение всякого насильственного вмешательства, как скрытого, так и явного, в русские дела со стороны иностранных держав».

Что касается значения для Англии торговых сношений с Россией, следующие данные красноречиво говорят о роли нашей страны в жизни Англии, в деле снабжения последней сырьем и продовольствием. За 1904 и 1905 г.г. Великобритания вывезла из России 1½ миллиона тонн только одной пшеницы. В предшествовавшие войне годы Россия по вывозу сырья в Англию занимала второе место после С. Штатов. По стоимости продовольственных запасов Россия занимала четвертое место. В течение десяти лет, с 1903 по 1912 г.г.. *Россия дважды занимала первое место по вывозу пшеницы* (именно в 1905 и 1910 г.г.), а все остальные годы этого десятилетия стояла на втором месте.

Зависимость Англии от русского вывоза особенно сказывалась в отношении других продуктов; Россия была главным поставщиком яиц, а по стоимости вывезенного масла занимала второе место после Дании, второе место после С. Штатов по вывозу ячменя и третье место по вывозу кукурузы и овса. По вывозу лесных материалов в Англию Россия занимала в 1913 г. вне конкуренции первое место и снабжала Англию более чем половиной всего импортированного леса. По вывозу льна Россия также занимала одно из первых мест, а по экспорту керосина — второе место за С. Штатами. Почти весь импортированный в Англию марганец исходил из России.

Уже одни эти данные о роли России в снабжении Англии предметами продовольствия и сырья об'ясняют нам мотивы, по которым значительные слои английской буржуазии в интересах ослабления экономической репрессии, борьбы с безработицей и ростом недовольства народных масс относились сочувственно к торговому соглашению с Советской Россией.

Конкуренция Америки, этой страны, богатой источниками сырья, топлива и продовольствия, заставляет Англию не откладывать в долгий ящик вопроса о сближении с Россией, обладающей богатейшими рессурсами сырья и продовольственными богатствами. Английские экономисты и государственные деятели уже теперь предвидят, что скоро Америка станет более грозным конкурентом Англии на мировом рынке, чем была Германия. Влиятельный английский орган «Обсервер» писал недавно: *Мы должны иметь в виду, что если мы не будем жить с Россией, нам придется умереть с нею.*

Коммерческие круги, ведшие торговлю с Россией, давно высказывались в пользу соглашения с Советской Россией. Так, в конце 1919 г. в Лондоне состоялось совещание коммерсантов, заинтересованных в русском экспорте и импорте. На этом совещании председатель департамента внешней торговли произнес большую речь, в которой он подчеркнул громадное значение для Англии возобновления экономических сношений с центральной и юго-восточной Россией, с теми громадными территориями, которые лежат к востоку от Урала; он указал на громадные богатства России и подчеркнул, что производительность ее не достигает и десятой доли того, что она могла бы дать при действительно хороших условиях производства. В областях, прилегающих к Уралу, имеются продукты, которыми Россия может конкурировать с любой страной земного шара, а минеральные богатства страны не поддаются исчислению. Русские могут нам дать,— заявил председатель департамента внешней торговли,— кожу, сырье, нефть, бензин, поташ, растительное масло, табак, руду, вольфрам и магнезию, цемент, жмых, а также щетину и разные сорта дерева.

Английская пресса, затрагивая вопрос о будущем товарообмене с Россией, подчеркивала неоднократно значение для мировой промышленности русской *платины. Во всем мире ощущается острый недостаток в этом драгоценном металле.* Россия раньше поставляла 90% мирового производства этого металла. Запасы ее на Урале были так велики, что другие месторождения платины мало эксплоатировались. Платина, столь необходимая в зубоврачебном деле, в ювелирном (для оправ драгоценных камней), в химических лабораториях, в электротехнике, в фабрикации калильных лампочек, в фотографии,—все больше проникает в современную промышленную жизнь и ее ценность в переводе на деньги изумительно быстро росла. В 1880 г. рыночная цена платины составляла около 35 шиллингов за унцию. В 1890 году она составляла уже 80 шиллингов за унцию. В 1910 г. платина была уже в два с половиной раза дороже золота. В 1918 году платина стоила в пять раз дороже золота. В настоящий момент платина, несмотря на вздорожание золота, в восемь раз дороже последнего. Разумеется, при таких условиях платина превратилась в товар, который ищут по всему миру. После России главным поставщиком платины были Колумбия и Канада, но добыча платины в Канаде упала в 1918 г. с 2000 унций до ничтожного количества в 39 унций.

Крайне интересует англичан и вопрос о *русской нефти.* После того, как попытка овладеть бакинской и грузинской нефтью силой оружия потерпела фиаско, английские капиталисты решили получить русскую нефть путем торговых сношений. В результате мировой войны Англия захватила в свои руки многочисленные районы нефти. Нефтяные источники находятся под ее контролем даже в Америке, например, у Панамского канала, в Мексике и в других местах. Англия заинтересована в том, чтобы не дать Америке возможности получить концессии на нефтяные источники в Баку и в Грозном. Наделавшее когда то шум во всей Европе известие о грандиозной концессии, данной советским правительством Вандерлипу на эксплоатацию нефтяных источников Камчатки, сильно взволновало руководителей английского нефтяного треста и вообще деловые и финансовые круги Англии. Вандерлиповская концессия немало содействовала усилению течения в пользу сближения с Россией в тех кругах английской буржуазии, которые не желали допустить Америку к эксплоатации месопотамской нефти, тем более опасались захвата бакинского нефтяного района—синдикатом американских капиталистов.

Советская Россия интересует английских капиталистов и в качестве важного рынка для сбыта фабрикатов английской промышленности. По мнению английского департамента внешней торговли, Англия может вывозить в Россию всякого рода машины и инструменты, включая сельско-хозяйственные ору-

дия, а также всякого рода одежды и ткани, обувь, изделия из кожи, стекла, ремней, фарфор, бумагу, химические и аптекарские товары.

Департамент торговли выработал уже систему страхования всех товаров, идущих в Россию. Эта система страхования должна сделать торговлю выгодной и безопасной.

В общем многие представители английского делового мира полагают, что Англия извлечет огромные выгоды из возобновления торговых сношений с Россией. Как писал Оливер Марнец в «Дейли Ньюс», русские сами не могут извлечь ни угля, ни нефти. Но все это может быть восстановлено завтра же. Таланты британских инженеров должны быть направлены в эту сторону: они должны помочь России использовать ее естественные рессурсы. Концессионная система советского правительства приведет к плодотворному сотрудничеству русских коммунистов с английскими деловыми людьми.

В общем, как правильно констатировал т. Красин в беседе с ним, напечатанной в «Известиях» (30/I — 1921 г.), большая часть английских влиятельных кругов относится доброжелательно к англо-русскому соглашению. Исключением является группа капиталистов с Лесли Уркварт во главе, заинтересованных в русских предприятиях, и имеющих портфели промышленных акций (богословские и др.). Эта группа против соглашений с советским правительством. Деятельность этой группы, направленная против Советской России, подверглась в палате общин резкой критике со стороны полковника Малона, который доказывал, что против соглашения с Советской Россией ведут кампанию те капиталисты и члены правительства, которые имеют какие-либо финансовые интересы в России и желают спасти свои акции и дивиденд. Малон привел ряд данных, свидетельствующих о личной заинтересованности некоторых членов правительства и сановников в русских финансовых делах; между прочим он указал, что Вальтер Лонг располагает акциями англо-русского треста на сумму в 500.000 ф. стерл.

Помимо лиц, прямым образом заинтересованных в русских бумагах и потому боровшихся против соглашения с Советской Россией, многие реакционеры старались затянуть переговоры с Россией из боязни, что сближение со страной советов усилит революционное движение в рабочих массах Англии. Не торговля с Россией пугала их. За 5% прибыли они готовы были бы торговать с самим чортом. Они боялись открытия свободного рынка идей, того свободного обмена идеями, который должен был последовать по окончании блокады. С точки зрения этих реакционеров, прекращение блокады России равносильно свободному распространению красных принципов. Несчастен будет тот день для правящих классов, когда для всех людей откроется свободная дорога в Россию.

Однако, благодаря воздействию тех мощных факторов, о которых мы говорили выше, а именно решительному курсу нашей восточной политики и революционному движению на всем Востоке, экономической депрессии в Англии, безработице и росту революционного движения в рабочих массах Англии, далее интересам самой английской буржуазии, требовавшим возобновления сношений с страной, игравшей до войны виднейшую роль в мировом товарообмене, наконец, под влиянием побед нашей Красной армии, разбивших всякую надежду на реставрацию старого режима в России, темные силы британского капитализма вынуждены были отказаться от непримиримой политики в русском вопросе. Величайшая империалистическая держава современности, руководившая борьбой мирового капитализма против пролетарского государства, оказалась вынужденной первая подписать торговый договор с советской Россией. В империалистическом окружении России была пробита значительная брешь.

Б. Перед Генуэзской конференцией.

а) Вашингтонская конференция и англо-французские трения.

§ 1. Вопрос о перволинейных судах.

В течение последней четверти 1920 г. и истекшего периода 1921 г. целый ряд событий во внешней и внутренней жизни Англии усилили тенденции английской политики к сближению с Советской Россией. В то время как небольшая, но крайне влиятельная группа английских капиталистов, группирующаяся вокруг Уркварта, Нобеля и других королей великобританской промышленности, пострадавших от революции в России, стояла на непримиримо враждебной позиции по отношению к России, буржуазное большинство Англии, опираясь на поддержку английского пролетариата, страдающего от жестокой безработицы, равно как мелко-буржуазных и других промежуточных групп, решительно требовала признания Советской России и экономического сотрудничества с последней. Капиталистическая олигархия Англии, пострадавшая от национализации промышленности в России, требовала денационализации иностранных предприятий и поддерживала французскую политику в русском вопросе.

Вашингтонская конференция (ноябрь — декабрь 1920 г., январь 1921 г.) усилила в Англии позицию тех многочисленных слоев английского населения, в том числе буржуазного большинства, которые требовали признания Советской России и установления делового экономического соглашения с последней.

Вашингтонская конференция явилась поворотным моментом в истории взаимоотношений между первоклассными капиталистическими державами мира. Она выявила наружу с необычайной яркостью противоречие интересов между многими государствами, почти официально состоящими в союзе и предопределила сдвиг в сторону новых дипломатических комбинаций, союзов и соглашений. Невозможно понять то, что происходило на конференции в Каннах, последовавшее за ней падение кабинета Бриана, далее образование министерства ярого шовиниста Пуанкаре, наконец, предложения Англии

о включении в новую Лигу Наций Германии и даже Советской России, если забыть то, что происходило в Вашингтоне и вокруг Вашингтона в связи с конференцией.

На Вашингтонской конференции были поставлены два основных вопроса: 1) вопрос о сокращении вооружений и 2) вопрос о Тихом океане.

Первый вопрос разбился на два вопроса: а) вопрос о *крупных* военных судах, о перволинейном флоте, т.-е. о дредноутах, супердредноутах, крейсерах и т. д. и б) вопрос о подводном флоте. Первая часть морской программы—о крупных судах—собственно интересовала С. Штаты, вторая часть—о подводном флоте—Европу, в первую голову Англию, Францию и Италию.

Второй вопрос, о Дальнем Востоке, также разбился на две тесно связанные между собой части: а) расторжение Англо-Японского союза и б) раздел бассейна Тихого океана.

Вопрос о крупных военных судах был решен на пленарном заседании конференции в начале февраля, где было оглашено и утверждено морское соглашение 5 держав, состоящее из двух частей. Первая часть касается общих принципов соглашения, 2-я содержит детальное к нему раз'яснение. По пункту первому этого соглашения тоннаж *перволинейных* судов устанавливается в следующем размере: Англия — 580.000 тонн, Америка — 500.000 тонн, Япония — 301.000 тонн, Франция — 221.000 тонн., Италия — 180.000 тонн. Для замены выводимых из строя устарелых броненосцев установлена следующая норма: Америка и Англия имеют право на замену 525.000 тонн каждая. Япония — 315.000 тонн, Франция и Италия — по 170.000 тонн. От постройки *перволинейных* судов эти державы отказываются. Таким образом, сооружение новых военных судов не запрещено. Как видим, судостроительные заводы 5 держав имеют возможность построить новый громадный военный флот более, чем в 1.700.000 тонн; однако, сооружение *перволинейных* боевых судов запрещено, что вполне совпадает с требованиями С. Штатов. Следовательно, в вопросе о крупных военных судах Америка добилась существенных результатов.

Мы не говорим уже о том, что Англия отказалась от своего принципа two powers standard, по которому английский флот должен быть равен соединенным флотам двух сильнейших держав. В результате морского соглашения, принятого на Вашингтонской конференции, английский перволинейный флот будет значительно слабее не только соединенных флотов Америки и Японии (801.000 тонн), Америки и Франции (771.000 тонн), но даже Америки и Италии (682.000 тонн). Американский перволинейный флот всего на 80.000 тонн будет слабее английского, зато тот же американский флот почти

на 200.000 тонн будет сильнее японского. Результат, как видим, для С. Штатов очень существенный.

Вашингтонское морское соглашение кладет некоторый предел дальнейшим вооружениям на море, хотя, конечно, сооружение нового флота в 1.700.000 тонн обойдется трудовым массам пяти держав не в малую сумму, которая выразится во многих миллиардах франков.

Само собой разумеется, что принятие американского проекта сокращения вооружений отнюдь не ослабляет опасности войны. Американский проект не имеет ничего общего с разоружением и устранением войны. В лучшем случае, осуществление американского проекта означало бы, как заметил Бернар Шоу, лишь удешевление войн, а это, конечно, менее всего могло бы содействовать прекращению последних.

§ 2. Вопрос о подводном флоте и обострение англо-французского конфликта.

После того, как вопрос о больших судах был разрешен согласно требовавниям С. Штатов, и Англия, таким образом, отказалась от основного принципа своей военно-морской программы, по которому военный флот Англии должен быть равен соединенным силам двух сильнейших в мире флотов, вопрос о сокращении вооружений уже сосредоточился вокруг подводных лодок и неожиданно принял крайне острый характер. Комиссия по ограничению вооружений предложила ограничить тоннаж подводных лодок: 60.000 тонн — для С. Штатов и Англии, 22.000 — для Италии и 31.000 тонн — для Франции и Японии. Англия согласилась с этой пропорцией. Однако, Франция потребовала для себя 90.000 тонн, Япония — 54.000 тонн, а Италия — не ниже тоннажа Франции. Кроме того, французская делегация заявляла о необходимости для Франции иметь броненосный флот в 300.000 тонн.

Французское предложение вызвало взрыв негодования во всей английской прессе. Последняя утверждала, что так как Германия, как военно-морская держава, уничтожена, очевидно, что морские вооружения Франции целиком направлены против Англии. Так, на заседании морской комиссии Вашингтонской конференции британская делегация заявила, что она рассматривает желание Франции иметь сильный подводный флот, как угрозу, направленную исключительно против Великобритании. Подчеркивая тот факт, что Франция обладает сильнейшей сухопутной армией (800.000 человек), значительно превышающей по численности армию, которая необходима Франции для защиты своих новых границ против Германии, английская печать настаивала на необходимости сокращения морских сил Франции, доказывая, что иначе французский империализм станет угрозой сохранению мира между державами

Антанты. Недопустимо, чтобы Франция, имеющая сильную сухопутную армию, имела еще первоклассный подводный флот. Французская аргументация относительно оборонительного характера ее морских вооружений никого в Англии не убедила. Опыт мировой войны разрушил престиж супердредноутов, стоящих каждый около 200 миллионов фр., и других крупных судов и подчеркнул значение подводных лодок, как крайне могучего оружия, особенно опасного для стран, зависящих в своем продовольствии и снабжении от привоза из-за моря. Англия, которая может снабжаться своим собственным хлебом только семь недель в году и более, чем какая-нибудь другая страна зависит в своем продовольствии и снабжении от своей заморской торговли и заморского импорта, жизненно заинтересована в безопасности ее морских сношений как во время мира, так и во время войны.

Неудивительно, что *Англия предложила на Вашингтонской коференции совершенно уничтожить подводные лодки.* Этот радикальный проект, выдвинутый Великобританией и отвергнутый комиссией по ограничению вооружения, как нельзя ярче подчеркнул все значение подводных лодок, которое только недавно отрицалось английским же адмиралтейством и в то же время вскрыл всю остроту англо-французского антагонизма.

Поддерживая правительственную точку зрения в вопросе о подводном флоте, английская пресса показывала, что французские притязания иметь сильный подводный флот представляют для Великобритании громадную опасность и свидетельствуют о подготовке Франции к войне с Англией, что Франция, имеющая многочисленные морские базы на своих трех побережьях, явится врагом более опасным, чем была Германия.

То, что не удалось последней, стремится теперь осуществить Франция своим проектом о сильном подводном флоте, который в состоянии будет совершенно блокировать Англию и уморит последнюю голодом.

Французская пресса с своей стороны заявляла, что Англия своим требованием сокращения французского подводного флота стремится к превращению Франции в один из английских доминьонов, и подчеркивала враждебные чувства Англии к Франции. «Нужно вернуться к эпохе 1860—1861—1862 г.г. после французских побед над Италией, чтобы найти аналогию тому взрыву недоверия и ненависти к Франции, который теперь вспыхнул в Англии из-за вопроса о подводных лодках», писал французский адмирал Дегюи в «Эклер».

В эту эпоху, как пишет Дегюи, южные берега Англии покрылись батареями, гавани Плимута и Портсмута ощетинились блиндированными «морскими фортами», были созваны

милиции, призваны волонтеры и даже организованы женские стрелковые батальоны, вооруженные карабинами Винчестера,— все это для отражения ожидавшейся высадки французских войск в Англии. В течение двух лет Англия оставалась убежденной, будто Франция готовится возобновить попытку высадки в Англии, задуманную Наполеоном I, прерванную благодаря кампании против Австрии в 1805 г. («Эклер», 4 января 1922 г.).

Как доказывают английские военные эксперты, Франция, располагая 800-тысячной армией, воздушным флотом в 2.000 аппаратов, при условии усиления ее подводного флота, может в течение нескольких часов вторгнуться в Англию и осуществить план, который не удался Наполеону I-му.

Итак, мы видим, что вопрос о подводных лодках не на шутку обострил англо-французский антагонизм и вызвал воспоминания о той эпохе, когда обе державы не на жизнь, а на смерть боролись друг против друга.

В этой полемике между английскими и французскими органами печати итальянская пресса, отражая настроение правящих кругов своей страны, стала целиком на сторону английской и доказывала, что Франция стремится к утверждению своей гегемонии во всей Европе. Единственным средством борьбы с французскими планами захвата гегемонии над всей Европой—утверждали некоторые итальянские органы прессы—является заключение англо-итальянского союза.

Борьба, разгоревшаяся вокруг вопроса о вооружениях, бросила яркий свет на непрочность уз, связывающих вчерашних союзников. Америка, одержавшая победу в вопросе о крупных военных судах, усилила свои позиции и постановкой вопроса о подводных лодках, обострив отношение между Францией и Англией и заставив, таким образом, каждую из этих держав еще более дорожить хорошими отношениями с С. Штатами.

Следует, однако, заметить, что неумеренные требования Бриана на Вашингтонской конференции относительно необходимости для Франции сохранить сильнейшую сухопутную армию и создать одновременно громадный надводный и подводный флот в интересах охраны Франции от возможных опасностей, восстановили против французского правительства влиятельные круги американской буржуазии, и американская пресса подвергла резкой критике мегаломанию французов. Говоря об этой оценке французских предложений влиятельной частью американской прессы, один из виднейших буржуазных публицистов Франции Эжень Лотье выразился: «Мы потерпели настоящее Ватерлоо в Вашингтоне».

Итак, мы видим, вопрос о «разоружении», поднятый на Вашингтонской конференции и так обрадовавший неисправимых оптимистов из лагеря буржуазных пацифистов, лишь выявил наружу всю непрочность «дружеских» уз, связывающих вчерашних союзников, и воочию обнаружил неизбежность серьезных конфликтов и войн в капиталистическом строе.

Вслед за вопросом о сокращении вооружений на Вашингтонской конференции встал вопрос дальновосточный—вопрос о расторжении англо-японского союза и разделе бассейна Тихого океана.

В своем стремлении к завоеванию дальне-восточных рынков Америка натолкнулась на грозную конкуренцию Японии. Американские интересы с каждым днем все более и более сталкивались с японскими. Американцы стремились изгнать японцев не только с острова Япа, но также из Сибири, Шандуня, Маньчжурии, Сахалина, Китая. Японо-американский конфликт с каждым днем приобретал все более острый характер, и война между обеими странами начинала уже казаться неминуемой. Накануне Вашингтонской конференции «Нью-Иорк-Геральд» писал: «Если Япония не согласна принять, не на словах, а на практике политику открытых дверей, мы будем воевать с ней». «Успех Вашингтонской конференции, это—«мир»,—заявил лорд Дерби в своей бирмингамской речи.—Неуспех, это—несомненная война и притом война в непосредственном будущем».

Перед перспективой будущей войны с Японией, Америка не могла, конечно, отнестись равнодушно к факту существования англо-японского союза.

Само собой разумеется, что, при наличии сохранения англо-японского союза, Америка в случае войны с Японией, зажатая между двумя державами и вынужденная, подобно Германии, в мировую войну сражаться на два фронта, очутилась бы в весьма критическом положении. Неудивительно, что требование расторжения англо-японского союза явилось краеугольным камнем всей системы американской политики до и во время Вашингтонской конференции.

И Америка добилась от Англии расторжения союза с Японией, добилась сравнительно легко, благодаря двум обстоятельствам: во-первых, тому обстоятельству, что Америка из должника Англии превратилась в кредитора последней и, стало быть, имела могущественное орудие давления на промышленную и финансовую жизнь Великобритании, на ее банки, и биржи, на ее правящие классы и само правительство; во-вторых, благодаря крайне обострившимся отноше-

ниям между английскими доминионами—Канадой, Австралией и Новозеландией, с одной стороны, и союзником Англии—Японии—с другой.

б) Каннская конференция и обострение англо-французского конфликта.

§ 1. Четверное соглашение и англо-французский союз.

Англо-японский союз был расторгнут, и вместо него, в результате Вашингтонской конференции, создано четверное согласие, в которое вошли Англия, Америка, Япония и Франция. Для характеристики этого четверного соглашения, которое приветствовалось американской прессой, как кульминационный пункт успеха мирной конференции, следует указать, что новый четверной союз в первую голову обратился к Китаю с предложением сократить свою армию. Эта нота сразу показывает нам, что новая Антанта собирается приступить к переделу Китая. Оправдывается, таким образом, предсказание французской газеты «Тан», которая уже во время мировой войны откровенно писала, что *первой неотложной задачей по окончании нынешней войны явится разрешение китайского вопроса,* т.-е. попросту раздел китайского наследства.

Но нас в данном случае интересует другая сторона вопроса. Обеспечивает ли договор о «четверном союзе» сохранение мира между подписавшими этот договор державами? Опыт мировой войны заставляет нас сильно сомневаться в значении союзных договоров и военных конференций между странами, империалистические интересы которых резко сталкиваются между собой.

На другой же день после подписания договора о четверном соглашении вспыхнул острый англо-французский конфликт, поведший к падению кабинета Бриана. На какой почве вспыхнул этот острый конфликт, напоминавший самые критические моменты в истории англо-французских столкновений? На почве вопроса об англо-французском военном союзе, предложенном Ллойд-Джорджем. Какой смысл может иметь при данных условиях англо-французский военный союз? Это можно понять по аналогии с австро-итальянским союзом накануне мировой войны. Стратегически Австрия висела над Италией и охватывала ее своими когтями. Неудивительно, что она была крайне опасна последней в качестве недруга. Теперь Англия стратегически висит над Францией. *Англия близка, а Америка далека,*— вот соображение, которое заставило Бриана и его сторонников не обострять отношений с Англией, а согласиться на заключение союза с последней, при данных условиях невыгодного для империалистической Франции, так как Англия

в качестве основного условия англо-французского оборонительного союза против Германии ставит требование отказа Франции от усиления ее подводного флота и увеличения ее сухопутной армии.

В меморандуме британского правительства от 11 января 1922 г., пред'явленном Ллойд-Джорджем Бриану на конференции в Каннах, мы считаем следующее относительно основного условия, при соблюдении которого возможно заключение англо-французского союза против ничем не вызванного нападения со стороны Германии.

«Правительство его величества полагает, что первым условием истинного соглашения должно быть устранение *соперничества на море между обеими державами.* Общественные круги Британии, основываясь на опыте четырехлетней войны, полагают, что подводные лодки действительны лишь против торговых судов, и что во всех других отношениях они бесполезны и как орудие обороны, и как орудие нападения. *Британское общественное мнение неизбежно потребует принятия большой программы сооружения специальных судов против подводных лодок, если французская программа относительно подводного флота будет приведена в исполнение.*

Для Великобритании ее морские сообщения имеют такое же значение, как для Франции ее восточная граница. Поэтому конкуренция на море между Францией и Англией подорвет всякую дружбу между обеими странами. Ввиду этого правительство его величества предлагает, как условие *союза* и соглашения между обеими странами—согласование морских программ обеих стран их морскими ведомствами на предмет устранения всякого соперничества в области морских вооружений».

Итак, мы видим, что отказ Франции от дальнейших морских вооружений Англия ставит условием не только союза, но даже соглашения между обеими странами.

§ 2. Англо-бельгийское сближение и его смысл.

Впечатление, произведенное полемикой между английской и французской прессой по вопросу о подводных лодках и предложениями Ллойд-Джорджа было таково, что бельгийская пресса заговорила о перспективах окончательного разрыва между Францией и Англией и о судьбе Бельгии в будущей мировой войне.

Как доказывал бельгийский публицист Сэн-Марк в газете «XX век», франко-бельгийская военная конференция теряет всякий смысл. Если через 5 или 10 лет Германия снова начнет войну против Франции, Бельгия снова подвергается нашествию и разрушению. И чем сильнее будет бельгийская армия,

чем упорнее будет ее сопротивление, тем хуже будет для Бельгии. Поэтому для последней в будущей войне нет другого выбора, как придерживаться тактики Люксембурга, т.-е. не сопротивляться вторжению.

Уже одна возможность появления подобных статей во влиятельных бельгийских буржуазных органах ясно показывает, в каком положении очутилась ныне Европа в результате мировой войны, которую союзная пресса когда-то об'являла *последней* войной. И насколько в этом отношении сильна неуверенность в завтрашнем дне, видно из того, что значительная часть бельгийской прессы настаивает на принятии соответствующих мер предосторожности, чтобы страна снова не была вовлечена в войну между Германией и Францией или Англией и Францией.

Проект англо - французского союза, в формулировке его Ллойд-Джорджем, может внушать только самые серьезные опасения насчет перспективы англо - французских отношений в ближайшем будущем.

Насколько серьезно в данный момент международное положение, можно судить хотя бы из слов Пуанкаре, сказанных им на другой день после назначения его на новый пост делегации от парламента, явившейся к нему для выяснения его взгляда на создавшееся положение: «Никто не может скрыть серьезности положения. *Переживаемые нами часы так же серьезны, как в 1914 г.*».

Крайне важным симптомом ухудшения англо - французских отношений является проект англо-бельгийского союза, предложенный Ллойд-Джорджем бельгийскому правительству на Каннской конференции [1]). Согласно этому проекту Англия обязуется притти на помощь Бельгии всеми своими сухопутными, морскими и воздушными силами в случае ничем не вызванного нападения со стороны Германии, но при *этом Бельгия обязуется не заключать военного союза ни с каким другим государством.*

Таким образом, английское правительство ставило перед Бельгией дилему: заключить союз или с Англией, или с Францией. Это предложение не нуждается в комментариях и бросает яркий свет на англо-французские отношения.

В период, предшествовавший мировой войне, Франция и Россия требовали друг от друга возможного усиления своих армий, чтобы тем скорее добиться победы в будущей войне с общим врагом. Так же действовали Австрия и Германия. Но

---

[1]) Идея военного союза с Англией находит многих сторонников в Бельгии. Так на заседании бельгийского парламента 17 января 1924 года министр иностранных дел заявил, что бельгийское правительство в целях сохранения мира в Европе должно стремиться к заключению оборонительного союза с Англией.

те же Германия и Австрия, и особенно последняя, с крайним опасением и недоверием относились к вооружению своего союзника—Италии—и отнюдь не симпатизировали усилению военной мощи последней. Англия относится с таким же недоверием к Франции, с каким Австрия относилась к Италии, ибо англо-французская дружба может иметь такой же исход, как австро-итальянский союз. Ллойд-Джордж стремился связать Францию, поставить предел ее безумным империалистическим планам, ее стремлению захватить европейскую гегемонию.

§ 3. Обеспечение тыла и борьба за равновесие.

В надвигающейся борьбе за влияние на европейском континенте и за Тихий океан *Англия должна обеспечить свой тыл.* Эта цель с точки зрения некоторых английских политиков достигается ослаблением военных сил Франции, хотя бы путем союза с последней по образцу пресловутого австро-итальянского союза; далее под'емом экономической, а стало быть, и военной силы Германии, как противовеса Франции, этого соперника и самого опасного ныне врага Англии на континенте и, наконец, *сближением с Советской Россией с целью между прочим, обеспечения нейтралитета последней в критическую для Англии минуту.*

Несомненно, что это сближение с Германией и Советской Россией, как подчеркнул Ллойд-Джордж в своей речи 7 января 1922 г. на заседании Каннской конференции, не в малой степени диктуется тяжелым экономическим положением Англии, свирепствующей в стране безработицей и вызываемыми ею колоссальными расходами, словом,— требованиями внутренней политики. Однако, не следует переоценивать значение этих факторов.

Нельзя упускать из виду, что вопрос о соглашении с Германией и признании Советской России, равно как о приглашении обеих этих держав на международную конференцию в Генуе, поставлен в самой категорической форме английским правительством именно в связи с событиями, разыгравшимися вокруг Вашингтонской конференции, на которую Америка не пригласила ни Россию, ни Германию.

Вашингтонская конференция обнаружила воочию два основных факта, крайне неприятные для Великобритании: необычайное усиление промышленной и финансовой мощи Америки, с одной стороны, и ослабление связей между Англией и ее доминионами и вовлечение последних в сферу влияния Соединенных Штатов—с другой. Это нарушение равновесия на Тихом океане, идущее в ущерб Англии, отнюдь не компенсируется достигнутым усилением британского влияния на европейском континенте в результате побед английского ору-

жил в мировой войне. Наоборот, и здесь положение может оказаться скоро более опасным для англичан, чем было до войны. Тогда главным врагом Великобритании являлась Германия, скованная угрозой на двух фронтах, восточном и западном. Ныне, с крайним ослаблением Германии и Австрии, против Англии подымается ее старый враг—империалистическая Франция, которая, в случае осложнений у Англии с Америкой, может оказаться крайне опасной для Великобритании. Англия не может примириться с таким положением, при котором Франция является в военном отношении гегемоном на континенте, ничем не связанным в своих действиях, ибо Италия, сковываемая Юго-Славией, не может являться серьезной угрозой для Франции. Поэтому, союз с Италией не представляет особого значения для Англии. Только усиление Германии может связать Францию и ослабить опасность, угрожающую Англии.

С другой стороны, *уход России с берегов Дальнего Востока нарушил не только экономическое, но и стратегическое равновесие на Тихом океане*. Между тем, здесь опасность грозила Англии не только со стороны С. Штатов, но и со стороны Японии. Англия вынуждена отвоевывать на Тихом океане экономические позиции, захваченные у нее Японией во время войны, и расширить эти позиции. Уже в 1921 г. на заседании нижней палаты несколько делегатов подчеркивали от имени английских торговых палат, необходимость отвоевания довоенных великобританских позиций в Китае, захваченных японским капиталом. Визит японского барона Гото в Манчестер, прибытие в Англию специальной японской делегации и успокоительные речи японцев о возможности и необходимости мирного сотрудничества английского и японского капиталов, отнюдь не ослабили впечатления, произведенного действительными фактами, а именно, вытеснением английского торгового флота японским во многих пунктах Китая. Англия вынуждена бороться с Японией, чтобы расширить районы экспорта своих товаров, отвоевать старые рынки и овладеть новыми. *И факт расторжения англо - японского союза, связывавшего японскую экспансию, ставит перед Англией тихо-океанскую проблему в новом свете*. Англия не заинтересована в чрезмерном ослаблении русского влияния на Дальнем Востоке.

Международное положение складывается для Англии таким образом, что многие английские политики указывали на необходимость ориентироваться на Германию и Россию не только в интересах борьбы с внутренней разрухой и ужасающим ростом безработицы, но и в целях восстановления нарушенного равновесия на европейском континенте и на Тихом океане.

Следует также принять во внимание, что уже с 1918 г. Ллойд-Джордж выдвигал мысль о приручении большевиков посредством вовлечения их в торговлю. После провала всяческих

попыток сбросить большевиков силой оружия английские либералы пришли к заключению о целесообразности применения по отношению к Советской Росии нового плана действий, формулированного Ллойд-Джорджем в 1920 г. в следующих словах:

«Нам не удалось силой восстановить Россию. Я убежден, что нам удастся спасти ее торговлей. Торговля имеет отрезвляющее влияние. Простые суммы при сложении и вычитании скоро отрезвляют от диких теорий».

Уверенный в том, что восстановление торговых сношений с капиталистическим миром приведет неизбежно к ликвидации большевизма, Ллойд-Джордж, при сочувствии всех английских либералов, согласился на подписание 16 марта 1921 г. англорусского торгового договора.

§ 4. «Победа» Ллойд-Джорджа в вопросе о Советской России.

Тенденция правящих кругов Англии к сближению с Советской Россией, тенденция, резко усилившаяся под влиянием роста безработицы и промышленного кризиса в Великобритании, нашла свое яркое выражение на конференции в Каннах.

Открытие Каннской конференции состоялось 7 января 1922 г. По сообщениям прессы, после приветственной речи Бриана, Ллойд-Джордж, подробно охарактеризовав экономическое положение восточной и центральной Европы, указал на необходимость установления нормальных торговых сношений. Ллойд-Джордж обратился с призывом к доброй воле каждого, необходимой для обоего дружного сотрудничества, *и настаивал на необходимости выслушивать представителей всех заинтересованных держав.*

Ллойд-Джордж особенно настойчиво подчеркнул тесную связь между интересами всех наций. Английский премьер, ни на минуту не сомневался, что *экономическое состояние России отражается на положении всего мира, особенно же Германии. Ллойд-Джордж указал также на пользу, которую извлечет Франция из возобновления торговых сношений между Германией и Россией, так как оно несомненно поведет к улучшению экономического и финансового положения Франции.*

Вместе с тем, Ллойд-Джордж отмечает необходимость получения самых серьезных гарантий от советского правительства, при чем первым условием явится требование признания советским правительством долгов, заключенных предшествовавшими правительствами.

Ллойд-Джордж в своей речи высказал надежду, что и Америка примет участие в восстановлении Европы. Победитель, по словам оратора, является ответственным за будущий

мир как в Западной Европе, так и в России и Малой Азии. Поэтому, оратор и внес предложение о созыве конференции всех европейских государств для восстановления экономической жизни Европы. Что касается России, то последняя, если желает участвовать в упомянутой конференции, должна дать обещание честно исполнять свои обязательства, уплатить долги и прекратить большевистскую пропаганду за границей.

Высший Совет принял предложение Ллойд-Джорджа, а также приглашение итальянского министра-президента Бономи собраться всем европейским государствам на конференцию в Генуе.

Текст резолюции, принятой Верховным Советом, гласит следующее:

«Собравшиеся на конференции союзные державы выражают единодушное мнение, что в феврале или в начале марта необходимо созвать экономич.-финансовую конференцию, на которую всем европейским государствам, в тов числе: Германии, России, Австрии, Венгрии и Болгарии, должно быть предложено послать своих представителей. Союзные державы считают, что такая конференция является настоятельно необходимым шагом на пути к экономическому восстановлению центральной и восточной Европы». Они решительно высказываются за то, чтобы, если это возможно, в этой конференции принял личное участие премьер-министр каждого государства, с тем, чтобы ее предложения в кратчайший срок можно было превратить в дело. Союзные державы полагают, что возобновление международной торговли во всей Европе и развитие естественных богатств всех стран необходимы для расширения границ приложения производственного труда и облегчения страданий европейских народов. Необходимо соединенные усилия более мощных государств для избавления Европы от поразившего ее паралича. Эти усилия должны включать в себе меры к устранению всех препятствий на пути к торговым сношениям, к снабжению кредитами экономичечски более слабых стран и к сотрудничеству всех наций в деле восстановления нормального благосостояния. Союзные державы полагают, что основные условия, при которых эти усилия могут быть осуществлены с надеждой на успех, сводятся к следующему: 1) Ни одно государство не может присвоить себе право диктовать другому государству принципы, на которых последнее должно регулировать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и управления. Каждая нация свободна в выборе системы, какую она сама предпочитает в этой области. 2) Однако, прежде чем какое-либо государство может воспользоваться помощью иностранных капиталистов, последние должны получить уверенность, что их имущество и права будут уважаться и что плоды их деятельности будут обеспечены за ними. 3) Действительные гарантии безопасности не могут быть вос-

становлены до тех пор, пока правительства всех государств, желающих воспользоваться иностранным кредитом, не заявят вполне определенно, что они признают все государственные долги и обязательства, заключенные или могущие быть заключенными или гарантированными государством, муниципалитетами или какими-либо другими общественными организациями, а также обязательство восстановить все принадлежавшие иностранцам имущества или компенсировать их за убытки, причиненные им конфискацией или секвестром их имущества, и систему законодательства и суда, которая беспристрастно ограждала бы права и обязательства, вытекающие из коммерческих и другого рода договоров и обеспечивала бы их принудительную силу. 4) Необходимо располагать достаточными средствами обмена и вообще создать условия финансово-денежного обращения, в достаточной степени обеспечивающие ведение торговли. 5) Все нации должны воздержаться от пропаганды, направленной к низвержению существующего порядка и к установлению в других странах иной политической системы. 6) Все страны должны принять на себя взаимное обязательство воздерживаться от нападения на своих соседей. Если в целях обеспечения условий, необходимых для развития торговли в России, Российское правительство потребует официального признания, то союзные державы будут готовы согласиться на такое признание, но лишь в том случае, если русское правительство согласится с вышеприведенными условиями».

Предложение Ллойд-Джорджа о возобновлении сношений с Советской Россией и возрождении хозяйственном этой страны, в целях экономического возрождения самой Европы, не встретило возражений со стороны Бриана. В произнесенной на Каннской конференции речи Бриан заявил, между прочим: «В своей речи Ллойд-Джордж развивал такие соображения, что мне казалось, будто в мой сад упал огромный камень, но он не раздавил в нем ни одной цветочной клумбы. Теперь, при рассмотрении поставленной нами проблемы, следует приложить все усилия к изысканию положительных практических решений. Выступая с инициативой в столь важном начинании, как попытка восстановления Европы, мы тем самым берем на себя большую ответственность, ибо внушаем народам надежды, которые нельзя обмануть безнаказанно. Мы должны добиться успеха, а для этого следует принять всевозможные меры предосторожности. Поэтому, контакт с Россией должен быть обставлен гарантиями, которых до меня требовал один из моих предшественников. Иначе мы легко можем оказаться в дураках. Меры, предложенные Ллойд-Джорджем, в общем нас вполне удовлетворяют, я прошу только подробного рассмотрения этих мер на послеобеденном совещании, а также исправления и обсуждения некоторых пунктов. При этих условиях французская

делегация соглашается на предложение председателя английской делегации».

«Победа» Ллойд-Джорджа на конференции в Каннах была встречена с радостью в английской прессе. Почти все без исключения газеты подчеркнули, что согласие государственных деятелей Антанты на предложение Ллойд-Джорджа о созыве европейской экономической конференции является добрым предзнаменованием для будущей Европы и для успешности работ Верховного Совета.

«Решение Верховного Совета является самым крупным успехом Ллойд-Джорджа»,— говорил «Дейли Телеграф». «Вестминстерская газета» выражала радость по поводу того, что такая конференция принята, как начало в деле восстановления Европы. Она представит первый удобный случай для введения Германии и России в Верховный Совет. «Таймс» писал: «Воссоздание Европы является необходимостью».

Уступки Бриана Ллойд-Джорджу в вопросе об англо-французском союзе и признании Советской России вызвали взрыв бешеной ярости во всей французской правой прессе. Бриан был отозван, не закончив переговоров с Ллойд-Джорджем и заменен на посту премьер-министра Пуанкаре. Правая пресса торжествовала и заявляла, что представители Франции не будут сидеть за одним столом с большевистскими «разбойниками» и «ворами».

Между тем, итальянское правительство официально обратилось к правительству Советской республики с официальным предложением принять участие в Генуэзской конференции, которая должна открыться 8 февраля.

27 января 1922 г. была созвана чрезвычайная сессия ВЦИК и было постановлено: отправить на Всеобщую конференцию в Геную делегацию под председательством председателя Совета Народных Комиссаров т. Ленина и его заместителя, Народного Комиссара по иностранным делам т. Чичерина.

Правая французская пресса продолжала свою кампанию против приглашения России на Генуэзскую конференцию и тем более признания Советской России. При таком положении совершенно неожиданной явилась статья французского официоза «Тан». Обсуждая пространно положение России, эта передовица выдвигает 6 основных идей: 1) большевизм, как теория, больше не существует и советские делегаты в Генуе уже не могут развить ту пропаганду, какую они развивали в Брест-Литовске. 2) *Внутренний строй России совершенно не касается Европы, и ни одно европейское государство не будет навязывать России тех или других внутренних реформ.* 3) Советское правительство, повидимому, придает большое значение Красной армии. Но Европа фактически не может принудить Россию разоружиться, а в связи с этим, заметим, необходимо занять

такую же позицию по отношению к Турции. Европа не может предложить Турции разоружиться до тех пор, пока русская армия остается даже нетронутой и даже находится вне всякого контроля со стороны Европы. Вот почему вопрос о разоружении турецкой армии не может быть включен в число мирных условий, предлагаемых союзниками Турции. Четвертый пункт касается национальных стремлений России. *Большевистская Россия есть Россия национальная.* Давно установлено, что национальные интересы России нигде не противоречат национальным интересам Франции. Поэтому неудивительно, когда слышно, что находящиеся в Берлине русские большевики высказываются за франко-русское сотрудничество. Такого рода заявления только усиливают благоприятное впечатление, произведенное последней телеграммой Чичерина—Пуанкаре по вопросу о возвращении русских солдат из Франции,— телеграммой, составленной в самых учтивых выражениях. Это обстоятельство позволяет нам надеяться, что агитация России против Франции прекратится. Если возможно французско-русское сотрудничество, оно должно основываться на национальных интересах обеих стран, ибо они друг другу не противоречат. 5) Вопрос о русских долгах—вопрос чисто финансовый. Хотя русские долги, по сравнению с понесенными нами военными расходами, и незначительны, но чрезвычайно важно с точки зрения как русских, так и французских интересов, чтобы эти долги были уплачены, ибо вопрос о кредитовании России будет зависеть от урегулирования вопроса о долгах. 6) Что касается русских контр-требований, то, по мнению газеты, в этом отношении союзникам нечего опасаться. Здесь возможны два случая: 1) России могут быть предложены условия, аналогичные условиям брестского договора, в коем, как известно, Россия отвергла обоюдное возмещение военных убытков. 2) Можно заявить, что, если бы союзники согласились на русские контр-требования, то они, со своей стороны, в праве были бы требовать возмещения за убытки, причиненные им Германией в результате сепаратного мира, заключенного Россией, так как, не будь этого обстоятельства, война не продолжалась бы.

Наиболее неотложным вопросом, который Советское правительство должно разрешить, является вопрос о защите иностранцев. «Ясно,— пишет газета,— что новое привлечение иностранного капитала в Россию невозможно без содействия самих же иностранцев, а последние могут работать в России только при надлежащих гарантиях. Правда, советское правительство заявило, что будут приняты все меры к охране интересов иностранцев, но,— заканчивает «Тан»,— мы желали бы получить более точные заявления по этому предмету».

Статья «Тан» произвела сильное впечатление в Лондоне. Английская печать находила ее чрезвычайно симптоматичной

и считала, что она свидетельствует о переломе позиции самого Пуанкаре. «Манчестер Гардиан», отмечая необычайно умеренный тон статьи, писал: «*Повидимому, идея франко-русского соглашения не кажется неприятной французским правительственным кругам*». Однако, много еще остается сделать, в особенности со стороны России, прежде чем эта идея получит свое осуществление».

После этой статьи, появившейся в самом влиятельном органе французской прессы, некоторые другие органы печати стали высказываться в примирительном тоне по отношению к Советской России, и намекать даже на возможность непосредственного соглашения с последней независимо от Генуэзской конференции. Было ли это симптомом новых тенденций во французской политике по отношению к Советской России или же провокацией, имевшей целью поссорить Россию с Англией, во всяком случае, крайняя правая пресса, во главе с роялистским «Аксион Франсэз» продолжала яростную кампанию против какого бы то ни было сближения или соглашения с правительством коммунистов, врагов частной собственности, религии и т. д. Эта часть прессы свела вопрос о признании Советской России к поединку между Англией и Францией и домогалась дипломатической *изоляции* Советской России. В качестве компромиссного решения реакционная пресса требовала созыва предварительной «Предгенуэзской конференции» без *участия России и Германии*, для выработки условий, которые ультимативно будут поставлены последними державами. Не будучи уверены в успешности своей попытки окончательно сорвать Генуэзскую конференцию, французские реакционеры поставили своей целью добиться, по крайней мере, отсрочки конференции и пред'явления Советской России неприемлемых условий.

§ 5. Отступление Англии и победа Пуанкаре.

Непримиримо враждебное отношение реакционной Франции к Советской России рельефно проявилось в вопросе о Генуэзской конференции, на которую правительство Ллойд-Джорджа намеревалось пригласить Советскую Россию на равных правах с другими державами. Правительство Пуанкаре не могло примириться с такой победой Советской России.

Французские реакционеры добились своей цели, и Генуэзская конференция, которая должна была собраться 8 марта, была отсрочена. Более того, если верить французским газетам, английское правительство, так настаивавшее на созыве этой конференции, пошло на уступки Пуанкаре и признало необходимым установить для Советской России шестимесячный период испытания, чтобы дать возможность России на деле доказать свою готовность искреннего экономического сотрудничества с Европою.

По этому плану, резко отличающемуся от первоначального, вполне приемлемого нами проекта Ллойд-Джорджа, советское правительство должно было принять на себя в Генуе обязательство признать в шестинедельный срок права частной собственности иностранных граждан, а также дать гарантии, обеспечивающие иностранные предприятия в России. По прошествии шести месяцев после окончания генуэзского совещания можно было бы созвать новое международное совещание для исследования результатов периода испытания и лишь в том случае, если бы достигнутые результаты были признаны благоприятными, союзные государства, после признания Россией довоенных и военных долгов, признали бы советское правительство. Таким образом, самый характер Генуэзской конференции радикально изменяется.

Уже один тот факт, что это сенсационное сообщение о переводе Советской России в разряд испытуемых появилось впервые именно во французском официозе «Тан», а не в английской прессе, служит уликой, свидетельствующей о том, что план новой атаки против нас был разработан в канцелярии французского министерства и должен был получить осуществление, благодаря интригам правительства Пуанкаре. И в этом нет ничего неожиданного. Уже на другой день после падения кабинета Бриана и замены последнего ставленником роялистской партии Пуанкаре, которого редактор антисемито-монархического органа «Аксион Франсэз», Леон Доде, этот французский Крушеван, открыто называл *своим человеком*, было очевидно, что французское правительство сделает все зависящее, чтобы добиться отмены каннских решений и сорвать Генуэзскую конференцию, а если это не удастся,— направить ее острие против Советской России.

Поскольку французские государственные деятели соглашались с необходимостью участия Франции в экономическом возрождении России, при чем подчеркивали, что дело восстановления России *должно быть начато с окраин*, например, с Донецкого района, а затем распространено на другие районы, ясно, что здесь играли немалую роль, как комментировало «Дейли Геральд» заключения французской комиссии экспертов по русскому вопросу, соображения *стратегические*. Намеченные Францией районы, говорил «Дейли Геральд», имеют то важное значение, что они расположены близ Черного моря и *представляют выгодный плацдарм для действий союзных войск на случай необходимости военного вмешательства*. Планы Франции отнюдь не ограничиваются стремлением превратить одну южную Россию в свою экономическую и военную базу для удушения Советской России. Как правильно формулировал т. Стеклов в своей статье в «Известиях» 11 марта 1922 г., французские империалисты пытаются охватить Советскую Рос-

сию со всех сторон и поставить ее в такое положение, при котором она и экономически, и политически, и стратегически всецело зависела бы от парижской биржи. Не довольствуясь теми операционными базами, которыми Франция уже располагает в Польше и Румынии, она пытается также создать их и на Черноморском побережьи, и на Кавказе, и в Прибалтике, и отчасти даже в Средней Азии (не говоря о ее тайном договоре с Японией, который охватывает Россию с Дальнего Востока).

«В Прибалтике Франция интригует против нас давно. Ее влияние на правительства Латвии, Эстонии, а теперь и Финляндии, общеизвестно. По ее инициативе создается Прибалтийский союз с политическим центром в Варшаве, находящийся в прямом подчинении директивам французской биржи и французского генерального штаба. По ее же настоянию, как об этом открыто заявлено в финском сейме, вырабатывается теперь военный союз между Финляндией и Польшей, всем своим острием обращенный против Советской России. Таким образом, *охват Советской республики с севера и северо-запада, составляющий предмет давних мечтаний французской дипломатии, может почитаться почти завершенным.* С тем большей лихорадочностью спешит теперь Франция *довершить этот обхват, распространив его на юго-восток Советской России.*

«Чего ищет Франция на *Кавказе?* Во-первых, экономического овладения этой богатейшей областью и *в первую голову кавказской нефтью,* а во-вторых, политического подчинения себе Ближнего Востока, явно конкурируя в этом отношении с Англией и не отказываясь даже вступить с последней по этому вопросу в конфликт. Вот почему она пытается *выковать против нас в Закавказьи стальное кольцо, поддерживая всяких беглых грузинских, дашнакских и муссаватистских* претендентов на власть, завязывает тайные связи с Ангорой, разжигая панисламистские вожделения части турецких националистов и простирая свои интриги через Туркестан вплоть до Афганистана. Те наивные пантюркисты, которые поддаются корыстным нашептываниям французских агентов, даже в случае временной удачи этих планов, окажутся в конце концов в дураках, когда увидят, что вместо безобидного соседа в лице Советской России они сами накличут на свою голову таких хищников, как *ненасытные французские империалисты.* Впрочем, это уже их дело...».

Но овладеть Кавказом Франции должны помочь не только националистические стремления местных народностей и погоня за властью местных контр-революционных клик, но и *российские белогвардейцы.* Последние *должны проложить Франции дорогу не только на Кавказ, но и вообще в южную Россию, особенно в Донецкий бассейн и на Украину.* Вот почему Франция так упорно поддерживала Деникина и Врангеля, вот

почему она и сейчас поддерживает врангелевцев, всяких казачьих черносотенцев, вроде Шкуро и петлюровцев»[1]).

Чтобы понять причины бешеной ненависти Франции Пуанкаре по отношению к Советской России, ненависти, которая с таким упорством проявлялась на каждом шагу с момента Октябрьской революции, нужно принять во внимание, что *«русская» политика Франции покоилась на иных основаниях, чем те, на которых зиждилась политика по отношению к нам Англии, Италии, Швеции, и других великих и малых держав.*

Для капиталистической Англии необходимость сближения с Советской Россией диктуется, как мы уже доказывали выше, желанием обеспечить свой тыл в случае международных осложнений, страхом перед продвижением русских армий на Восток по направлению к Памиру и Индии в случае обострения англо-русского конфликта, наконец, властными требованиями английской торговли, без процветания которой не может процветать и английская промышленность. «Без восстановления европейской торговли и промышленности не может быть восстановлено и английское экономическое могущество»,— вот положение, которое как аксиома принято всей английской либеральной партией. Одна английская экономическая газета следующим примером иллюстрировала непогрешимость этой аксиомы. Ланкашир и другие промышленные округа Англии более пострадали в результате мировой войны, чем разрушенные немцами области Бельгии и северной Франции, вследствие того, что Бразилия перестала покупать английские товары. Покупательная же сила Бразилии исчезла вследствие потери ею громадного немецкого рынка, поглощавшего ежегодно накануне мировой войны колоссальное количество бразильского кофе. Теперь немцам не до бразильского кофе, которое при нынешнем падении немецкой валюты обходится крайне дорого, и потому его заменяют всякими суррогатами. Следовательно, чтобы Бразилия начала снова покупать английские товары, необходимо, чтобы Германия была в состоянии покупать бразильское кофе. А это случится только тогда, когда Россия займет свое прежнее место в международном товарообмене и, подняв свои экономические силы, подымет благосостояние соседней с ней Германии. Таким образом, очевидно, что для восстановления английской торговли и промышленности, в частности для возвращения Великобритании ее юго-американских рынков, необходимо восстановить прежде всего Россию, Германию, затем Австро-Венгрию и другие страны. Что будет с Россией и Германией, то будет и с Англией.

Таков доминирующий голос *торгово-промышленных кругов* Англии; голос этих кругов почти не слышен был во Франции.

---

[1]) Ю. Стеклов «Известия», 11 марта 1922 г.

Здесь раздавался лишь неумолчный лай бешеной собаки, желающей разорвать на клочья Германию и навести панический страх на Советскую Россию. С точки зрения французских империалистов, больше того зла, что причинила Россия Франции, свергнув царскую власть и учредив у себя Советский строй, Россия уже причинить не может. Мы уже доказывали в нашей работе, что дело, конечно, было не в тех 15 или 20 миллиардах франков, уплаты которых требуют от нас французские ростовщики[1]). Не здесь была зарыта собака.

Империалистическая Франция,— этот современный Карфаген, основывающий свою военную мощь прежде всего на армиях наемников,— вкладывала свои миллионы в царскую Россию с той же целью, с какой она вкладывала их в свои эскадры больших и малых боевых судов, в свои морские и сухопутные крепости, в свою армию, в свои военные заводы и верфи, с какой она ссужает ныне сотни миллионов франков Польше и Румынии, сторожевым псам Франции на востоке и в центре Европы. Крайне стесненная в финансовом отношении империалистическая Франция тратила свои последние средства на Польшу и Румынию только для того, чтобы иметь армии этих «вассальных» держав в своих руках.

Англия предложила созвать Генуэзскую конференцию и настаивала на признании Советской России по глубоким мотивам своей внутренней и внешней политики. У Франции Пуанкаре таких мотивов не могло быть и с этим фактом необходимо было считаться.

Мы не могли дать Франции более того, что согласны дать другим капиталистическим державам. Мы готовы были подписать обязательство уплатить долги, которые останутся за вычетом убытков, понесенных нами по вине Антанты, готовы дать иностранному капиталу выгодные концессии и т. п., но армия рабоче-крестьянской России никогда не будет играть позорной роли пушечного мяса в руках Антанты или какой-бы то ни было другой комбинации иностранных держав. Роль России, как белого Сенегала—печальная страница недавнего прошлого, которое никогда не вернется. С этим фактом железной действительности французским милитаристам необходимо раз навсегда примириться, тем более, что упорствуя в своей политике по отношению к Советской России, капиталистическая Франция едва ли улучшает свое международное положение.

Что это положение далеко не из блестящих, это явствует даже из признаний самой французской прессы. С горечью французская буржуазная пресса писала в 1922 г. об «изоляции» Франции, об ее вынужденном уединении, которое совсем не похоже на то, «спленднд изолайшон» (блестящее уединение), которым когда-то кичилась могучая Англия, господствовавшая на всех морях и диктовавшая свою волю urbi et orbi.

---

[1]) См. «Совет. Россия и капиталистическая Франция. Гос. Издат. 1922 г.»

Отношения между капиталистической Англией и современной Францией могут быть в основе только неприязненными, несмотря на всякого рода временные соглашения и даже союзные договоры между этими странами. После того, как Германия силой удалена с авансцены мировой истории, врагом и соперником Англии снова стала, как это было перед Фашодой, империалистическая Франция. Это реальный факт, которого не устранишь никакими компромиссами. Англо-французские интересы снова сталкиваются на Черном континенте, где обе державы захватили громадные территории в результате раздела немецких колоний в восточной Африке, в юго-западной Африке, в Того и Камеруне. Обе африканские империи пришли в соприкосновение в целом ряде новых пунктов и каждый день вспыхивают и будут вспыхивать новые англо-французские трения то в центральной Африке, то на северном средиземном побережьи черного континента, в Марокко. А кто стоит теперь поперек английским планам в Константинополе и Малой Азии, если не Франция, для империалистических планов которой английское продвижение в глубь Турции несравненно более опасно, чем пресловутый пангерманский дранг нах Остен (Движение на Восток).

Каждый день французская пресса сообщает о том или другом факте, свидетельствующем о неприязненных отношениях Англии к Франции. Так, в марте 1922 г., английское правительство отправило громаднейший флот из *пятидесяти крупных боевых судов*, супердредноутов, дредноутов и крейсеров для плавания на Средиземном море, имеющем такое важное военное и торговое значение для Франции. Французская пресса воспользовалась этим фактом, чтобы подчеркнуть факт, что Англия во время войны приказывала своим эскадрам уклоняться от решительных битв с немецким флотом, дабы сохранить английские морские силы в полной готовности после войны, и вот теперь эти нетронутые эскадры служат угрозой союзнику Англии Франции и жизненным связям последней с ее колониями на северном побережьи Африки.

А каковы отношения между Францией и Италией? Та роль жандарма, которую Франция взяла на себя в Фиуме, далее захватные планы французских империалистов на севере Африки, вполне об'ясняют нам враждебные чувства правящих кругов Италии по отношению к Франции, враждебные чувства, которые так резко проявились на Вашингтонской конференции, где итальянская делегация потребовала предоставления Италии права иметь подводный и надводный флот *такой же силы*, какой будет предоставлен Франции, очевидно, для защиты итальянских интересов на Средиземном море против поползновений Франции.

Что касается Испании, мадридская пресса еще с большей яростью, чем итальянская, атакует внешнюю политику Фран-

ции из-за вопроса о Марокко и в частности Танжера, к захвату которого, как доказывает испанская пресса, стремится ненасытная французская республика.

Но особенно волнует французских империалистов и всю французскую буржуазию охлаждение, если не обострение франко-американских отношений. Только недавно французская пресса, захлебываясь от восторга, писала о торжественном приеме, устроенном Фошу в С. Штатах, рисовала перспективы франко-американского союза для борьбы с общими врагами обеих великих держав. Теперь неожиданно перед французами вырисовываются на политическом горизонте контуры нового Двойственного Союза, направленного против Франции, союза двух англо-саксонских империй, Великобританской и Трансатлантической, который мог бы обеспечить англо-саксонскому племени мировое господство, подобное владычеству Рима после Пунических войн и его побед над Карфагеном. Уже один признак этого проблематичного пока союза достаточен для того, чтобы превратить многих вчерашних французских оптимистов, увлекавшихся перспективами Версальского мира, в самых мрачных пессимистов и мизантропов.

И какой неожиданностью явились для французских империалистов решительные заявления американского сенатора Мак-Кормика, потребовавшего от Франции уплаты ее долгов Америке и принятие американским сенатом резолюции об исследовании военных расходов тех стран, которые отказываются платить свои долги Америке. Официальный «Тан», осуждая резолюцию, предложенную Мак-Кормиком, констатировал с горечью, что общественное мнение в С. Штатах стоит целиком на точке зрения Мак-Кормика и что пройдет много лет, прежде чем Америка поймет правильность пути, по которому идет Франция. Французская пресса решительно атаковала постановление американского сената. Пертинакс в «Эхо де-Пари», Говен в «Журнал де-Деба» доказывали, что Америка заставляет Францию нести все невыгодные последствия союза, заключенного во время мировой войны и одновременно лишает ее всех выгод, вытекающих из союза. Комментируя постановление американского сената, бывший французский министр Лушер заявил в своей речи, произнесенной в Лионе, что *Франция никогда не будет в состоянии уплатить хотя бы один цент из французского военного долга американцам.* «Мы занимали у Америки деньги для покупки у нее же пороха и взрывчатых снарядов, которые были необходимы французским солдатам, чтобы продержаться до прибытия американцев. *Мы не в состоянии уплатить Америке, потому что у нее в настоящее время все золото мира.* Мы не можем посылать ей товаров, так как она воздвигла непреодолимые экономические преграды». В таком же тоне писали Сен-Брис в «Журнале» и другие французские политики, доказывая, что американские поставщики воору-

жений, военные фабрики и заводы С. Штатов извлекли уже громадные выгоды от доставки оружия и военного материала европейским странам.

Итак, *буржуазная Франция, подобно* Советской России на другой день после Октябрьской революции, *отказывается платить свои долги.* И любопытно, что многие аргументы, на которые ссылается французская архи-реакционная пресса в лице «Эклер», «Аксион Франсэз» и т. д. и вся прочая французская пресса для обоснования права Франции не признавать своих долгов Америке и Англии,—как будто заимствованы—о ужас—из наших русских большевистских газет, словно попросту переведены с русского языка на французский. Как мы видим, французская пресса заговаривает даже о блокаде французской промышленности Америкой.

Едва ли можно думать, что этот новый язык французской прессы и французских государственных деятелей отзовется благоприятно на улучшении франко-американских отношений.

На чем же думала отыграться французская дипломатия в своих несомненных неудачах в ее «английской» и «американской» политике? На более тесном сближении с малой Антантой, с одной стороны, с Японией, с другой, и на нажиме на Советскую Россию в целях недопущения экономического сближения между Россией, Италией и Англией, сотрудничества и сближения, грозящего снести как карточный домик весь план французской гегемонии на континенте.

И что может дать Франции ее ориентация на Японию, кроме дальнейшего охлаждения франко-американских отношений. Мы не думаем, чтобы путешествие французского генералиссимуса Жоффра в Японию, великолепные парады и маневры японских войск в его присутствии могли доставить особое удовольствие американцам. Одно несомненно, что то неприятное чувство, которое янки испытывают от этого торжественного путешествия победителя на Марне в Японию, гораздо сильнее, чем то удовольствие, которое они испытывали в результате путешествия по Америке другого великого французского победителя, Фоша.

Что касается отношения Советской России к этой демонстрации японо-французской «дружбы», мы знаем кое - что о тайном японо-французском договоре относительно Сибири, сколько бы французские и японские посольства ни заявляли о подложности документов, имеющихся в распоряжении правительства ДВР. Мы знаем далее, что победы народно-революционной армии ДВР над белогвардейскими бандами, взятие Хабаровска и дальнейшее продвижение доблестных войск народной революционной армии, закончившееся взятием Владивостока и эвакуацией японских войск из Сибири, совершенно скомпрометировали японо-французский план создания в во-

сточной Сибири обширного белогвардейского буферного государства, чего-то вреде шляхетской Польши; государства фактически подчиненного иностранному правительству, в данном случае правительству Японии и отчасти Франции. Однако, если бы даже этот план мог осуществиться, в конечном счете Франция так же мало выиграла бы в результате чрезмерного усиления Японии, как мало выиграли Англия и Америка, и французский Индо-Китай очутился бы под угрозой возможного в недалеком будущем японского удара.

«Победа Пуанкаре в вопросе об отсрочке или даже срыве Генуэзской конференции путем коренного изменения ее первоначального, намеченного Ллойд-Джорджем, характера, носит эфемерный характер, писали мы в первом издании этой работы. Те глубокие социальные и экономические факторы длительного характера, которые толкают Англию и Италию к экономическому сотрудничеству с Советской Россией, к восстановлению и оживлению торговых сношений с последней, скоро заставят правительства этих стран снова поставить вопрос об экономическом возрождении России, и завтра же кичащиеся своей сегодняшней временной победой французские дипломаты вынуждены будут, может быть на самой Генуэзской конференции, с горечью повторить слова, вырвавшиеся в начале февраля 1922 г. у передовика «Эклер»—Жан Рода: «Мы изолированы и одиноки, как не были никогда».

«Подобно Германии накануне мировой войны, современная Франция является сильнейшим военным государством на континенте. И подобно тому, как Германия Вильгельма, несмотря на свой союз с Австрией и Италией, сознавала себя изолированной и одинокой среди великих империалистических держав находилась в «окружении», Франция Пуанкаре, державшая в своих руках гегемонию над Польшей, Румынией, Чехо-Словакией, рискует каждую минуту очутиться изолированной среди главных империалистических государств: Италии, Англии и С. Штатов, которым французские захватные планы и мечты о гегемонии на континенте совсем не приходят по вкусу.

«Задача советской дипломатии не в том, чтобы облегчить достижение хотя бы эфемерных побед французскому премьер-министру Пуанкаре, руководителю нового правительства «ста дней», попытавшемуся применить к нам знаменитый дипломатический ход Бисмарка по отношению к Бенедетти[1], дипломатическому представителю Франции накануне войны 1871 г., шахматный ход, имевший целью изолировать правительство Наполеона и облегчить для Пруссии план нападения на Францию[1]).

---

[1]) Бенедетти,— французский дипломат, составивший в 1867 г. проект франко-прусского договора, по которому Пруссия обязывалась помочь На

«Не нужно, чтобы о советской дипломатии, имеющей в своем активе ряд ярких успехов, можно было хотя бы с натяжкой сказать то, что когда-то, особенно накануне Берлинского конгресса, после блестящих побед русской армии на Балканах, закончившихся взятием Плевны и походом под стены самого Константинополя, говорилось о царской дипломатии, а именно, что *наша дипломатия не стоит на высоте наших штыков*.

Но как ни тяжелы наши частичные поражения на дипломатическом поле борьбы, не будем забывать, что главным залогом нашей победы в борьбе с империалистическими державами является мощь той седьмой державы, которой сделалось уже коммунистическое рабочее движение во всем мире.

Об'ясняя «роковые причины, толкающие даже самых ярых английских реакционеров к признанию Советской России, один английский империалист в беседе с французским реакционным писателем Эмилем Бюре, заметил: «Нам труднее вести внешнюю политику согласно нашим желаниям, чем вам. В Англии рабочие имеют большинство на своей стороне, и нам приходится считаться с ними» («Эклер», 1 февраля 1922 г.).

полеону «приобресть» Люксембург и Бельгию. Этот никогда не получивший силы проект Бенедетти легкомысленно оставил в руках Бисмарка, который обнадеживал Францию Наполеона перспективой осуществления ее планов, но ничего не сделал в этом направлении, зато в удобный момент сообщил этот проект английскому посланнику Лофтусу. Бенедетти пытался опровергнуть подлинность документа в своей записке (Ma mission en Prusse), но безуспешно, и Бисмарку вполне удалось скомпрометировать Францию в глазах английского общественного мнения.

В тот момент, когда Англия в лице Ллойд-Джорджа фактически взяла на себя инициативу созыва Генуэзской конференции с участием советской России, желание последней завязать какие-то действительные или мнимые сепаратные переговоры с Францией о признании не могло понравиться Англии, и Пуанкаре воспользовался удобным поводом, чтобы дискредитировать советскую дипломатию и попытаться охладить рвение Англии к сближению с советской Россией. В статье от 9 февраля 1922 г. французский официоз «Тан», резюмируя содержание интервью т. Радека в «Матэн», писал: «Большевистский делегат Радек предлагает Франции принять участие в политической комбинации, которая, по его мнению, освободит Россию от английской опеки. Французское правительство не возражает против частных сделок, против частных соглашений, имеющих экономический характер. Но оно не желает вступать перед Генуэзской конференцией в переговоры с советским правительством в целях заключения *сепаратного* соглашения, имеющего политический *характер*».

Более того, на заседании парламента 1-го апреля 1922 г. Пуанкаре позволил себе заявить, что будто Россия предложила Франции вступить с ней в сепаратные переговоры, которые, как он намекал, должны быть направлены против союзников Франции, т.-е. против Англии. Это лживое заявление Пуанкаре было категорически опровергнуто Чичериным.

Рабочий класс Франции, выдвинувший из своей среды героев Черного моря Марти и Бадина, не сегодня-завтра бросит свой меч на чашу дипломатических весов, и только тогда французское правительство вступит на путь безоговорочного признания Советской России и отказа от непрекращающейся войны всеми средствами против последней [1])».

---

[1]) О повороте в политике французской буржуазии по отношению к России в сторону признания последней см. нашу работу «Советская Россия и капиталистическая Франция».

В) Восточная проблема и обострение англо-русских отношений (Эпоха Керзона).

ЛОРД КЕРЗОН И «БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОПАСНОСТЬ» НА ВОСТОКЕ.

Период Каннской, Генуэзской и Гаагской конференций, длившийся от начала 1922 г. по 18 июля 1922 г., прошел под знаком более или менее примирительной политики Англии по отношению к Советской России, под знаком курса на сближение с последней. *На всех этих конференциях* — Каннской, открывшейся 6-го января, Генуэзской, начавшейся 10 апреля, и Гаагской — 15 июня, *английское правительство выступало, как защитник идеи общего соглашения между капиталистическим миром и Советской Россией.* Главным инициатором и самым красноречивым поборником этой программы по отношению к Советской России был английский премьер Ллойд-Джордж. Именно Ллойд-Джордж был инициатором Генуи и Гааги, именно он перед Гаагской конференцией в меморандуме от 11 июня категорически возражал против попыток предварительного сговора между капиталистическими державами, а также против намерения навязать Советской Республике неприемлемые для нее требования.

Гаагская конференция (июнь—июль 1922) была созвана для разрешения вопросов, оставшихся неразрешенными на Генуэзской конференции. Однако, в виду требования со стороны представителей иностранных держав всяческих уступок от нас в области частной собственности и одновременного отказа иностранных делегатов от обсуждения на конференции вопроса о предоставлении советскому правительству кредитов, конференция была сорвана. Гаагская конференция нанесла удар идее *общего* соглашения с Россией выдвинула идею *сепаратных* с ней соглашений.

Ллойд-Джордж оказался бессильным провести действительную политику соглашения с Советской Россией. Он очутился в плену, с одной стороны, империалистов из лагеря Керзона, стремившихся прежде всего к унижению и ослаблению Советской России, как державы, пользующейся громадным пре-

стижем на Востоке, с другой стороны, в плену у капиталистов из банды Уркварта, поставивших своей целью превращение России в экономическую колонию Англии. Рабочий класс потерял к Ллойд-Джорджу всякое доверие, и, таким образом, премьер, явившийся самым долговечным из английских правителей, семь лет руководивший внутренней и внешней политикой Великобритании, лишился, наконец, почвы и в правых, и в левых кругах своих союзников и оказался в полном одиночестве. Полная неудача английской ближне-восточной политики, разгром Греции на полях Анатолии, Греции, на вооружение которой против Турции Англия затратила столько средств, явился последним ударом для Ллойд-Джорджа. После того, как сторожевой пес Англии в Малой Азии — Греция, на которую английскими империалистами возлагалось столько надежд, была окончательно разбита войсками Кемаля, и греческие армии бежали из Анатолии, банкротство политики английского правительства на Ближнем Востоке обнаружилось воочию, и положение Ллойд-Джорджа решительно поколебалось.

20 декабря 1922 г. министерство Ллойд-Джорда вышло в отставку, и сформирование нового кабинета было поручено Бонар Лоу. С момента образования этого кабинета политикой Англии по отношению к России начинает руководить министр иностранных дел Керзон, который при премьерстве Ллойд-Джорджа не мог в период Генуэзской и Каннской конференций проявить своей ярой враждебности к Советской России, сдерживаемый в этом отношении премьером, не дававшим возможности своему министру иностранных дел стать на путь решительной борьбы с Россией.

Вот что рассказывает тов. Раковский в своей брошюре «Англия и Россия» [1]): «Лорд Керзон был нашим врагом уже в Генуе; в Лондоне, во время ведения переговоров и подписания торгового договора, он ни разу не разговаривал с нашим представителем тов. Красиным. В Довнинг-Стрите, (резиденции Ллойд-Джорджа) лорд Керзон присутствовал раз на одном разговоре тов. Красина с Ллойд-Джорджем, но при этом в течение всего разговора не обмолвился ни одним словом и даже не познакомился с т. Красиным. Керзон ненавидит нас, как советскую власть. Он — представитель политики захвата и завоеваний, он — бывший вице-король Индии, тушивший там восстания. Между прочим, лорд Керзон гордился тем, что сделал из Персидского залива «английское озеро».

Однако, нельзя сказать, чтобы Керзон ненавидел Россию исключительно как *советскую* страну. Керзон был врагом России и при царском режиме. Керзон уже давно стремился

---

[1]) Х. Г. Раковский. Англия и Россия. Доклад на заседании Харьковского Городского Совета Раб.-Крест. и Красноармейск. Депутатов. 14 мая 1923 г. Гос. Изд. Украины. 1923.

к утверждению английской гегемонии в Персии, Афганистане, Тибете и не мог относиться дружественно к державе, мешавшей осуществлению захватных английских планов на Востоке и преследовавшей свои собственные империалистические цели в Азии. Перед Керзоном всегда стоял призрак русской опасности на подступах к Индии. Та же *восточная* политика лежала в основе ненависти Керзона к Советской России, которая выступила на арену восточной политики, правда, не как конкурент Англии в борьбе *за раздел желтого континента,* а, наоборот, как добрый гений, искренний друг и *союзник* всех угнетенных народов Востока в борьбе с мировым империализмом и, прежде всего, с Англией, главным врагом пробуждающегося Востока. Большевизм лишь удесятерил ненависть Керзона к России, довел его «руссофобство» до крайних пределов.

В своих выступлениях против Советской России Керзон обычно расценивал большевизм под углом опасности, которую последний представляет для английского владычества и сохранения порядка на Востоке. В ноябре 1919 г. английские газеты опубликовали полный текст речи, произнесенной лордом Керзоном на банкете, данном персидскому министру иностранных дел принцу Фирузу-Мирзе-эд Доуле. Керзон, разумеется, в хвалебном тоне отзывался об англо-персидском договоре и результатах, которые он якобы будет иметь для блага персидского народа. Он прибавил, что Азии, несомненно, предстоит период серьезных затруднений и смут. «Рост влияния большевизма в течение последних месяцев принес с собой на сцену новый распространяющий смуту элемент, и мы можем быть уверены, что, пока этот элемент остается сильным и жизненным, мы будем *присутствовать при колоссальной пропаганде большевизма во всей Азии, в транскаспийских странах и в Афганистане, и, может быть, после опасностей последней войны нам придется идти навстречу еще более серьезным новым опасностям»*. Английское влияние в Персии, по его мнению, должно служить противовесом большевистской угрозе.

Если Каннская, Генуэзская и Гаагская конференции 1922 г., где поставлена была в порядок дня *европейская проблема* в концепции Ллойд-Джорджа, прошли под знаком английского курса на сближение с Россией и анти-русской политики Франции, то, наоборот, первая и вторая Лозаннские конференции 1923 г., где была поставлена *восточная* проблема в концепции Керзона, прошли под знаком резко враждебного отношения Англии к России и, наоборот, ослабления неприязненного тона многих влиятельных органов французской прессы к России.

Потерпев поражение на полях Анатолии, Англия, лишившись в лице разгромленной Греции своего жандарма в Малой Азии, решила во что бы то ни стало удержать в своих руках господство в проливах и на Черном море, чтобы таким образом сохранить оружие против Турции и в первую голову про-

тив Советской России для борьбы против «наступления» последней на Восток. В вопросе о проливах Ллойд-Джордж, после неудачи его ориентации на Грецию, стал вполне на точку зрения Керзона и решительно выступил как противник Советской России.

Вопрос о проливах явился центральным вопросом на Лозаннской конференции, доминировавшим над всеми проблемами восточного вопроса.

Точка зрения правительства РСФСР на вопрос о проливах была ясно формулирована в обратившем на себя большое внимание в английской прессе интервью председателя Совета Народных Комиссаров т. В. И. Ленина, данном корреспонденту лондонской газеты «Обсервер» Фарбману. На вопрос последнего: «какова русская программа относительно проливов», тов. Ленин ответил:

«Наша программа относительно проливов, пока еще приблизительная, конечно, содержит в себе между прочим:

Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции.

Мы считаем, что не только интересы национальной независимости этого требуют. Наш опыт решения в течение 5 лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-либо интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны.

Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это—непосредственный ближайший торговый интерес всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных. Надо иметь в виду, что пацифистских фраз, разговоров и заверений, иногда даже клятв против войны раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспечения мира мы встречаем в большинстве государств, и особенно современных цивилизованных государств, необыкновенно мало. А мы хотели бы и в этом, и в подобных вопросах видеть как можно меньше общих заявлений, торжественных обещаний, пышных формул и как можно больше самых простых, самых ясных решений и мер, которые действительно вели бы к миру, если уже не говорить о полном устранении опасностей войны.

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания. И после того, что я сказал в предыдущей фразе, я думаю, что пояснить и конкретизировать этот пункт совершенно излишне».

Программа РСФСР относительно проливов и Константинополя являлась отречением от той политики, которую в этом вопросе проводила царская и кадетская Россия, стремившаяся к изгнанию турок из Европы и овладению Константинополем. Любопытно, что даже после Октябрьской революции наши империалисты не отказывались от захватных планов на счет Константинополя. Так, Сазонов, князь Львов и Маклаков не могли придумать ничего более умного, как представить на конференции мира от имени какого-то фантастического «русского» правительства меморандум (от 5 июля 1919), в котором они потребовали передачи России мандата на администрацию проливов, равно как участия в управлении Константинополем и Константинопольским портом. Конечно, этот меморандум мог вызвать лишь изумление со стороны союзников, и французский писатель Морис Перно в своей книге «Турецкий вопрос» зло высмеивает это шутовское выступление великих государственных мужей до-октябрьской России.

Что касается английских империалистов, то последние, после выходки Сазонова и достойных соратников последнего, могли лишь еще более укрепиться в мысли о необходимости окончательного овладения Константинополем и проливами, дабы отнять возможность у будущего русского правительства, которое, как казалось им, придет на смену большевистского, увлекаться подобными химерами, противоречащими интересам Великобритании.

Точка зрения правительства РСФСР на вопрос о проливах также не встретила, конечно, сочувствия в английской буржуазной прессе, об'явившей «свободу проливов» краеугольным камнем английской ближне-восточной политики. Французская печать уже на другой день после Севрского договора раз'яснила, что «свобода проливов» обозначает гегемонию в проливах того государства, которое обладает наибольшей морской силой в Средиземном море, т.-е. Англии. Понятно, что не в интересах английских империалистов было бы отказаться от «свободы проливов», обозначавшей гегемонию владычицы морей в Босфоре и Дарданеллах, а, стало быть, и во всех прилегающих водах, в том числе и на Черном море.

«Англия не позволит, чтобы ей закрывали вход в Черное море»,заявил орган Ллойд-Джорджа «Дейли Хроникль», отвечая, таким образом, на наше требование о закрытии проливов для всех военных судов в мирное и в военное время. «Необходимо — писал тот же «Дейли Хроникль» — соглашение, предусматривающее безусловное сохранение за Англией и союзниками минимума тех завоеваний, которых они добились своей победой над Турцией. Этот минимум сводится к действительной свободе проливов». Из этого мы видим, что одной из основных целей мировой войны было стремление к захвату проливов.

Еще более решительно высказались по тому же вопросу сам Ллойд-Джордж и Чемберлен. Как бы отвечая на интервью, данное тов. Лениным представителю «Обсервер», Ллойд-Джордж через несколько дней в интервью с представителями прессы заявил: «Что бы ни случилось на предстоящей конференции, мы не должны отступать от политики защиты свободы проливов. Мы не стремимся к созданию нового британского Гибралтара. Мы желаем только, чтобы Лига Наций стала хранительницей свободы проливов в интересах всех наций».

А Чемберлен, лидер коалиционных консерваторов, в своей речи, произнесенной в Бирмингаме, прибавил, что «*свобода проливов являлась главной целью союзников в войне с Турцией и самым существенным результатом победы над ними*», и что в случае нужды «мы поднимемся с оружием в руках на защиту достигнутых результатов в интересах Британской империи, заплатившей за свободу проливов кровью своих граждан». Конечно, отстаивая принцип «свободы проливов» и высказывая свою твердую решимость защищать хотя бы с оружием в руках великое достижение мировой войны, английские империалисты доказывали необходимость соблюдения этого принципа опасностью, которой-де грозят Константинополю захватные планы Советской России.

Очень удачно формулирует точку зрения мирового капитализма на этот вопрос французская реакционная газета «Эко де Пари»:

«Правительства Лондона, Парижа и Рима думают, что они не должны более заграждать своему военному флоту проходы, которые существенно касаются всех политических и военных действий, развертывающихся в Восточной Европе. Они полагают, что всякая опасность нападения Советской России на Польшу и Румынию не уничтожена, и что опасность русско-турецкой коалиции еще не ослаблена».

Теперь мы подходим ко второму вопросу. Франция, Англия и Италия, требуя прохода своих боевых судов в Черное море, посягают ли на национальные интересы России? Никоим образом, если принять во внимание, что способ регламентации, принятый союзниками, носит временный характер; что же касается России, наша линия поведения должна быть такова: 1) сохранить некоторые меры защиты против большевистского натиска, грозящего европейскому малоустойчивому спокойствию; 2) уважать наследство России будущего, которая в конце-концов сбросит с себя большевистскую тиранию».

Реакционная французская газета настолько была уверена в непрочности большевистского режима, что предлагала установить срок в пять или шесть лет, по истечении которого можно будет пересмотреть снова вопрос о проходе военных судов в Черное море. Если большевистское правительство будет свергнуто, тогда из уважения к новому национальному правитель-

ству можно будет отказаться — с точки зрения французских реакционеров — от пункта о проходе военных судов в Черное море.

Таким образом, здесь свободный доступ военным судам капиталистических держав в Черное море рассматривается, как главное средство борьбы с большевистской опасностью, грозящей малоустойчивому, как признают сами реакционеры, порядку вещей, царящему в Европе.

Председатель турецкой делегации на Лозанской конференции Исмет-паша в своих речах доказывал, не расходясь в этом отношении с тов. Чичериным — насколько свободный доступ военным судам иностранных государств в проливы грозит безопасности Константинополя и противоречит интересам Турции, как независимого государства. Однако, турецкая делегация быстро пошла на уступки Антанте в вопросе о проходе военных судов через проливы и не обнаружила в защите своей точки зрения на этот вопрос того упорства и энергии, которые были проявлены ею в вопросе о меньшинствах, капитуляциях и экономических отношениях с Западом и т. д. Как об'яснить эту странную уступчивость турецкой делегации в вопросе, столь важном с точки зрения защиты независимости Турции?

Еще при мартовских переговорах 1922 года Антанты с Константинополем и Ангорой, когда проектировалась восточная конференция, Константинополь соглашался на открытие проливов и их демилитаризацию, но Ангора решительно отклонила уступки в этом вопросе. Однако, уже в начале сентября, за две недели до Муданской конференции, Мустафа Кемаль в своем интервью, напечатанном в «Дейли Мейль», говорит о согласии Турции на открытие проливов для военных судов. Итак, был какой-то момент в середине 1922 г., как раз в период охлаждения, связанного с от'ездом Али Фуада из Москвы, когда Турция решилась купить мир с Антантой этой важнейшей из уступок, открытием проливов для военных судов, т.-е. закреплением этой величайшей победы английского империализма на Востоке. Крайняя уступчивость турецкой делегации на Лозаннской конференции по столь жизненному для Турции вопросу об'ясняется тем, что турки, очевидно, были связаны каким-то соглашением.

Заметим, что на парижском совещании (Керзон, Пуанкаре, Сфорца) был принят меморандум от 23 сентября от имени Англии, Франции и Италии, в котором было указано, что предварительным условием созыва Лозаннской конференции является согласие Турции на открытие проливов.

Очевидно, уже тогда было известно, что в этом вопросе Турция уступит.

Открытие проливов является крупнейшей победой Англии, а потому и большим поражением Турции. В самом деле, открытие проливов для военных судов делает Англию, владычицу

морей, полным хозяином в Босфоре и Дарданеллах, и настолько противоречит элементарным интересам безопасности Константинополя, что совершенно ясно, что длительное согласие Турции на эту систему исключено. Даже французский «Тан» указывал, что система Керзона создает ирредентизм, а потому и об'ективную почву для будущего русско-турецкого союза, столь неприятного европейским державам и, прежде всего, Англии.

Открытие проливов бьет по элементарным интересам безопасности Турции. Советская точка зрения на вопрос о проливах, так ярко изложенная тов. Чичериным на Лозаннской конференции — единственная, отвечающая интересам Турции, и поэтому нельзя сомневаться, что вместе с ростом национального самосознания в Турции неизбежна решительная борьба против уступок, сделанных Антанте в вопросе о проливах, и образование единого фронта с Россией на базе программы, формулированной нашей печатью и нашими официальными представителями как до Лозаннской, так и на самой Лозаннской конференции.

Политика Англии на Лозаннской конференции[1], политика, истым вдохновителем которой является Керзон, была лишь прологом к резкому изменению курса Англии по отношению к России, прелюдией к пресловутому русско-английскому конфликту.

УЛЬТИМАТУМ КЕРЗОНА.

Дипломатические осложнения, получившие общее название русско-английского конфликта, внешне выразились в обмене тремя меморандумами со стороны Англии и четырьмя ответами на них со стороны России.

Первый меморандум — «ультиматум Керзона» — был вручен тов. Литвинову английским представителем в Москве г. Ходжсоном 8-го мая 1923 года. Документ этот был изготовлен в Лондоне 2-го мая и содержит следующие требования: 1) отзыва наших представителей в Персии и Афганистане, по обвинению их в анти-британской пропаганде; 2) компенсации за расстрел британского подданного Дейвисона и арест Стан Гардинг в 1920 г.; 3) освобождения задержанных траллеров и отмены 12-тимильной зоны у Мурманских берегов и 4) взятия обратно нот, подписанных Вайнштейном, по вопросу о вмешательстве Англии в дело Цепляка и Буткевича.

Все эти требования должны были быть удовлетворены нами в 10-дневный срок со дня вручения меморандума, т.-е. 18 мая,

---

[1]) Более подробно о Лозанской конференции см. нашу книгу: «Борьба за Азию и Африку», стр. 76—109. Изд. Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения.

в противном случае, торговое соглашение, заключенное 16 марта 1921 г., признавалось Англией потерявшим силу.

Ниже мы приводим перевод полного текста меморандума велико-британского правительства, врученного британским агентом в Москве г. Хонжсоном ссоветскому правительству 8-го мая 1923 года:

«1. Тон и характер нот, полученных недавно британским агентом в Москве от русского комиссаритата по иностранным делам в ответ на известные представления, сделанные порвым, согласно инструкции правительства его величества, налагают на правительство его величества обязанность, которую оно, быть может, слишком долго откладывало тщательно и по пунктам обсудить и в отношении ряда других подобных инцидентов, желательно ли и действительно возможно ли, чтобы отношения между двумя правительствами остались дальше на такой ненормальной и не имеющей прецендентов базе, и может ли правительство его величества с сохранением должного самоуважения продолжать игнорировать повторные вызовы, которые советское правительство считало уместным, с заранее, повидимому, обдуманным намерением, бросить ему. Правительство его величества поэтому решило, что настало время обратиться к советскому правительству с тщательно обдуманным изложением своей точки зрения, с целью окончательного разрешения этого вопроса.

2. Прошло уже больше двух лет с тех пор, как правительство его величества подписало торговое соглашение с советским правительством в целях поощрения торговых сношений между обеими странами, отложив вопрос о политических отношениях до тех пор, пока вышеуказанный договор не будет испытан на практике, и пока советское правительство не выполнит некоторых необходимых условий. Предпринимая этот шаг, который опережал подобные же действия всех других иностранных правительств, правительство его величества тем самым не только показало свое желание установить дружеские отношения с русским правительством и русским народом, но существенно содействовало устойчивости и процветанию российского государства. В то же время оно позаботилось о том, чтобы поставить предварительным условием соглашения требование, обязательное для обеих сторон, воздерживаться от враждебных действий или пропаганды в отношении друг друга. Это обязательство, которое лойяльно и точно соблюдалось правительством его величества с самого начала, упорно и явно нарушалось советским правительством, и переписка между двумя правительствами осенью и зимой 1921 г., уже опубликованная, в достаточной мере выяснила основания для жалоб правительства его величества, равно как и характер русского ответа. *После этого произошло некоторое незначительное сокращение деятельности русских агентов в Азии*, так как советские власти, очевидно, отдали себе отчет, что торговое соглашение, из которого они извлекают столь существенные выгоды, может быть поставлено под угрозу слишком неосмотрительным поведением. *Недавно, однако, эта зловредная деятельность была возобновлена с большей энергией.* Легко было бы заполнить много страниц изложением этих дел, опирающихся на неопровержимые данные. Такое изложение, несомненно, вызвало бы, как это было и раньше, негодующее отрицание со стороны советского правительства со ссылками на ложную информацию и подложные документы. Правительство его вели-

чества не имеет намерения начать подобный спор. Оно довольствуется тем, что опирается исключительно на переписку, имевшую место за последние несколько месяцев между русским правительством и его агентами и находящуюся в распоряжении правительства его величества, а также на несомненно установленные акты членов самого советского правительства.

3. Среди наиболее выгодных баз для русской антибританской пропаганды всегда была территория, охватывающая Персию, Афганистан и индийскую пограничную область.

I. ПЕРСИЯ.

4. Русский посол в Тегеране был самым неутомимым, хотя не всегда самым успешным работником на этом поприще. Он *давал приют индийским мятежникам в своем гостеприимном доме и направлял их на работу в Индии.* Правительству его величества известны в точности суммы, которые русское правительство время от времени посылало ему (послу), главным образом, для целей антибританской интриги; оно видело также инструкции, которые передавались ему от высшего начальства и которые он передавал своим подчиненным агентам, инструкции, имеющие целью пробуждение антибританских движений и мятежей в указанной части света. Деятельность этого агента распространялась даже на соседнюю территорию Ирака, и Керманшах, где имеется советский консул, каковому посылались инструкции, известные правительству его величества, сделался центром действий для этих благих замыслов. Что эта деятельность хорошо известна и разрешалась советским правительством в Москве, доказывается докладом г. Шумяцкого, русского представителя в Тегеране, комиссариату иностранных дел в феврале 1923 года, каковой доклад содержит следующий любопытный абзац: «Наша миссия, выполняя инструкции, дополненные вашей телеграммой, решилась на эту политическую линию действия, особенно в Северной Персии и Тегеране; *организована хорошая группа работников, которые могут действовать в антибританском направлении достаточно энергично.* Если комиссариат иностранных дел согласится на план миссии, то для первых расходов необходим будет кредит в триста тысяч туманов, который даст нам возможность работать.

II. АФГАНИСТАН.

5. Афганистан представляет еще более благоприятную базу для таких начинаний, благодаря его близости к беспокойным племенам в индийской пограничной области. Здесь г. Раскольников, советский представитель в Кабуле, отличился исключительным усердием. 17 февраля 1923 года он известил советские власти в Ташкенте, что необходимо использовать все средства «для того, чтобы усилить несомненно существующий кризис созданием разрыва между Афганистаном и англичанами», и что «немедленная доставка оружия и денег будет иметь огромное значение». Русский комиссариат иностранных дел, несомненно, опознает следующее сообщение, датированное 21 февраля 1923 г., которое было получено от г-на Роскольникова: «Я предпринимаю шаги, чтобы помочь Вазиристану, вероятно, в размере до трех тысяч рублей и десяти ящиков патронов»; и дальнейшее сообщение, датированное 17 марта, в котором г. Раскольников умоляет комиссариат не сокращать его деятельности для

«работы в Индии и экстраординарных расходов», так как это вызовет «непоправимый вред для работы миссии в ее наиболее жизненной сфере». Эти экстраординарные расходы с октября 1922 г. до октября 1923 г. исчислялись г. Раскольниковым в ноябре 1922 г. в размере 800.000 кабульских рупий в то время, как все расходы миссии составляли 1.200.000 рупий.

6. Комиссариат иностранных дел также, несомненно, опознает сообщение, полученное им из Кабула, датированное 8 ноября 1922 г., следующего содержания: «Ваши инструкции относительно осторожности в нашей разведывательной и пропагандистской работе с точностью выполняются. Специальное внимание обращается сейчас на район к северу от Пешавара среди мохмандов, но и в этом отношении мы не можем многого сделать, благодаря недостаточности фондов».

7. Равным образом комиссариат, вероятно, не забыл сообщения, датированного 16 марта 1923 г. от г. Карахана, помощника комиссара иностранных дел, г-ну Роскольникову, в котором он говорит: «Привезите с собой конкретное предложение относительно формы сотрудничества для оказания содействия племенам. От разрешения этого вопроса зависит вопрос о доставке оружия. Пожалуйста, сообщите нам ваши соображения относительно формы сотрудничества, необходимой для обеспечения местного надзора над распределением оружия».

8. Эти сообщения бросают любопытный свет на недавние события в индийской пограничной области.

III. ИНДИЯ.

9. *Советское правительство не преминуло также распространить свою деятельность дальше в Индии.* Уже в ноябре 1922 г. семь индусов, которые подготовлялись, как коммунистические агитаторы в Ташкенте и, после заключения русского торгового договора, в Москве, были арестованы в Индии по своем прибытии из Москвы, откуда они направились под наблюдением русских гражданских и военных чиновников кружным и очень трудным путем для того, чтобы избежать обнаружения.

10. В том же самом году известное число стофунтовых банкнот, выданных через банки Ллойда и Русский Коммерческий Промышленный Банк в Лондоне Николаю Клышко, помощнику официального агента советского правительства в Лондоне, в июне 1921 г. было инкассировано в Индии от имени революционера из Пенджаба, находившегося в связи с другими индийскими мятежниками, которые, в свою очередь, находились в тесной связи с русским представителем в Кабуле.

11. При свете этих инцидентов неудивительно, что в недавнем сообщении г-ну Карахану г. Раскольников выражается так: «Я считаю самым важным поддержку личной связи и оказание по крайней мере минимума помощи индийским революционерам. По самой меньшей мере необходимо ассигновать 25.000 золотых рублей. Если этого не будет, то существующая организация рухнет».

12. В своей ноте от 7 ноября 1921 г. советское правительство с негодованием отвергло всякую связь между собой и зловредной организацией, известной под именем III Интернационала. Если это так, то является крайне несчастным обстоятельством, что член советского правительства Наркомфин г. Сокольников, повидимому, ответственный чиновник, на собрании финансовой комиссии IV конгресса III Интернацио-

нала, состоявшемся в Москве 25 ноября 1922 г., оказался в числе тройки, которая постановила предоставить 80.000 фунтов Британской и 120.000 фунтов Индусской коммунистической партии. Из этой суммы 75.000 фунтов прибыли в Англию в начале января 1923 г. Несколько раньше, а именно в сентябре 1922 г., советское правительство приняло на себя расходы по снаряжению и отправке в другие восточные страны 62 восточных студентов, получивших подготовку в пропагандистских школах III Интернационала.

13. В предыдущих абзацах приведено только несколько избранных примеров, взятых из множества подобных инцидентов, имевших место на широком пространстве Египта, Турции, британских доминионов и даже Великобритании и свидетельствующих о том постоянстве, с которым советское правительство оставляло без внимания и нарушало предварительное условие подписанного договора. Очевидно, не может быть увековечено соглашение, в точности выполняемое одной стороной и систематически нарушаемое другой. Только отказ от такой деятельности, и принесение извинения за нее, только дезавуирование чиновников, ответственных за эту деятельность, и отозвание их с места их зловредной работы могут дать возможность сохранения в силе договора, который иначе является односторонним в своем действии.

IV. НАСИЛИЕ НАД БРИТАНСКИМИ ПОДДАННЫМИ.

14. Эти факты не единичны. Они сопровождались и дополнялись рядом насилий над британскими подданными в течение последних нескольких лет, за каковые насилия не было принесено извинения и не дано компенсаций. Наиболее выдающимся из этих случаев было убийство С. В. Дейвисона в январе 1920 г. и арест, и заключение в тюрьму по ложному обвинению г-жи Гардинг летом того же года. По обоим этим делам велась длительная переписка, опубликованная в обеих странах. Эти дела произвели чрезвычайно тяжелое впечатление в британском парламенте и в прессе Англии, где общественное мнение не может понять, как могли подвергнуться эти злосчастные невинные лица такому обращению со стороны правительства, которому британское правительство простерло дружескую руку, или как британское правительство может в соответствии со своим собственным достоинством и должной защитой законных британских интересов примириться с продолжением подобного скандала.

15. Что касается дела г-на Дэйвисона, правительство его величества в своем меморандуме от 25 января 1922 г. потребовало разрешения просмотреть документы, заключающие в себе доказательства, представленные русскому суду, приговорившему его к расстрелу, и настаивало на уплате полной компенсации его вдове. Ни одно из этих требований не было удовлетворено, но в ответ на них советское правительство ответило рядом не имеющих отношения к делу и легко опровергаемых обвинений против британских властей. Правительство его величества не может примириться с таким бессильным и несправедливым исходом дела.

16. В деле г-жи Стан Гардинг, подробности которого хорошо известны всему миру и которые вызвали единодушную оценку во всех цивилизованных странах, британское правительство пред'явило требование компенсации потерпевшей даме, каковое требование было равным образом отвергнуто советским правительством.

17. В обоих этих случаях правительство его величества не может больше позволить пренебрежительного отношения

к делу. Оно должно сейчас требовать, чтобы советское правительство признало свою ответственность и взяло на себя уплату справедливой компенсации, по определению арбитра, назначенного по соглашению между правительством его величества и советским правительством, а в случае невозможности такового соглашения, по указанию международного суда в Гааге, или же каким-нибудь беспристрастным лицом, занимающим соответствующее положение.

18. Требования компенсации по этим делам не предопределяют судьбы каких-либо других претензий, которые могут быть пред'явлены другими британскими подданными, или в защиту их интересов. Метод, при помощи которого эти претензии могут быть разрешены, является законным об'ектом обсуждения.

V. ОБРАЩЕНИЕ С БРИТАНСКИМИ ТРАЛЕРАМИ.

19. Чувства, возбужденные в Англии этими несправедливыми и до сих пор остающимися без возмездия действиями в отношении британских граждан, были значительно обострены в течение последнего года рядом поступков, совершенных русскими властями в нарушение общепринятых положений международного права, повлекших за собой совершенно недопустимое создание препятствий для британского судоходства, и подвергших британских подданных оскорбительным действиям. По делу об аресте тралера «Магнета» во время лова рыбы в 9 милях от мурманского берега, 31 января 1922 г., велась длительная переписка. Тралер этот, будучи лишен свободы советской властью, потерпел крушение, при чем команда в 10 человек погибла. Переписка происходила и об аресте тралера «Св. Губерт» 3-го марта 1922 г. во время лова, более чем в 12 милях от берега, причем это судно было конфисковано советскими властями, и все еще находится в Мурманской гавани. Повторные требования правительства его величества о признании ответственности и уплаты компенсации по этим двум делам упорно отвергались советским правительством. А совсем недавно произошло еще более вопиющее дело. Паровой тралер «Джеймс Джонсон» был захвачен в марте во время лова в тех же водах; при чем судно вместе с уловом было конфисковано советским правительством, а капитан приговорен к месяцу принудительных работ.

20. Настало время поставить советское правительство в известность, что оно не может безнаказанно обращаться с британскими подданными и британскими судами таким недопустимым и своевольным образом. Правительство его величества вынуждено настаивать на: а) уплате компенсаций владельцам за гибель «Магнета» и родственникам за смерть команды; б) освобождении «Св. Губерта» и «Джеймса Джонсона», равно как и команды последней, и уплате соответствующей компенсации и заверении в том, что британским рыболовным судам не будут чиниться препятствия в ловле рыбы вне трехмильной полосы.

VI. ВОЗВРАЩЕНИЕ НОТ ОТНОСИТЕЛЬНО РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ.

21. В течение прошлого года имел место в России ряд событий, поведших к процессу, осуждению и неоднократно казни выдающихся русских священнослужителей, занимающих высокие посты в иерархии православной и католической церквей в России. В июле 1922 г. петербургский митрополит

Вениамин с 10 другими священниками судились, были приговорены к смертной казни и, как полагают, были казнены за то, что они воспротивились конфискации церковного имущества. В конце марта 1923 г. архиепископ Цепляк и монсиньор Буткевич, руководящие римско-католические прелаты в России, были привлечены к суду за мнимые враждебные действия по отношению к советскому правительству и были приговорены: первый к 10-летнему одиночному заключению, а второй к смертной казни, каковые приговоры были приведены в исполнение. Католикос Грузии и кутаисский епископ арестованы и содержатся в Тифлисе в ожидании суда. Патриарх русской православной церкви Тихон был в мае 1922 г. взят под строгий арест и в скором времени будет судим (процесс, очевидно, временно был отложен) по обвинению в контр-революционной деятельности.

22. Правительство его величества воздерживалось от высказывания своего мнения по поводу характера и основательности обвинений, выдвинутых против этих священнослужителей, понимая, что высказываться по этому вопросу не его дело. В самой России, однако, не делается никакой попытки отрицать, что эти преследования и казни являются частью сознательной кампании, предпринятой советским правительством с определенной целью уничтожения всякой религии в России и замены ее безбожием. Как таковые, эти деяния вызвали ужас, негодующие протесты во всем цивилизованном мире. Когда монсиньор Буткевич был приговорен к смерти, правительства и религиозные организации многих стран обратились к советскому правивтельству с просьбами о помиловании. В согласии с этим взрывом оскорбленного морального чувства человечества британский представитель в Москве, действуя соответственно полученным от правительства его величества инструкциям, обратился к господину Чичерину с указанием, что «приведение приговора в исполнение не может не вызвать чувства ужаса и негодования во всем цивилизованном мире, что вряд ли желательно советскому правительству», и настойчивой, и окончательной просьбой этому правительству о приостановлении приговора. На следующий день господин Ходжсон получил подписанный г. Вайнштейном ответ, заявляющий о неоспоримом праве России выносить приговоры в согласии с действующими в ней законами и указывающий, что «всякая попытка извне выступать против этого права, и вступаться за шпионов и изменников по отношению к России является недружелюбным актом». Далее, в том же письме он делает неуместную и оскорбительную ссылку на сообщение, полученное г. Чичериным от лица, именующего себя представителем, так называемой, ирландской республики во Франции. Эта нота, не находящая себе примера в сношениях между правительствами, считающими, что они находятся в дружелюбных отношениях, была сразу же и с полным основанием возвращена г. Ходжсоном, при чем он тут же отверг какое бы то ни было желание вмешаться в право русского правительства отправлять правосудие на своей собственной территории, 4-го апреля г. Ходжсон получил от г. Вайнштейна новый ответ, составленный в еще более оскорбительных выражениях. Г. Ходжсон оставил это письмо без ответа. Но советское правительство, согласно своему обыкновению, сделавшемуся привычным для всех, опубликовало эту переписку для всеобщего сведения.

23. Ясно, что переписка, ведущаяся одной из сторон в указаном выше тоне и выражениях, не только не соответствует

обычно принятой вежливости в отношениях между правительствами, но и ставит самое продолжение этих отношений под большую опасность. Если далее вспомнить, что это только последний инцидент в длинном ряде намеренных оскорблений, которые перечислены в этом меморандуме, то трудно придти к какому-либо иному заключению, чем то, что либо советское правительство убеждено в том, что правительство его величества скорее примет всякие оскорбления, чем пойдет на разрыв с Советской Россией, или что оно само хочет разрыва отношений, созданных торговым договором.

24. Правительство его величества крайне сожалело бы, как в силу общих оснований, так и в интересах экономического восстановления страны, с народом которой, как оно имело недавно много случаев доказать на деле, нас связывают крепкие узы симпатии и старого союза, если бы пришлось положить конец попытке, предпринятой с его стороны со всею искренностью и проводившейся с неизменной лойяльностью и добросовестностью. Но оно не может согласиться на продолжение того обхождения, которое было суммировано в этом меморандуме, и которое несовместимо как с национальным достоинством, так и с взаимным уважением.

25. В вышеприведенной ноте выставлены требования, которые правительство его величества чувствует себя вынужденным пред'явить. Они сводятся к следующему:

1) Действия и заверения советского правительства в отношении пропаганды и враждебных актов перечислены в ст. 13.

2) Признание ответственности советского правительства и обязательство уплатить компенсацию по делам британских подданных и британских судов согласно требованиям, выставленным в ст.ст. 17 и 20.

3) Недвусмысленное взятие обратно двух нот, подписанных г. Вайнштейном и упоминавшихся в ст. 22.

26. Правительство его величества не имеет ни желания, ни намерения вступать в длительный и возможно неприятный спор по какому бы то ни было из перечисленных вопросов; но, если в течение 10 дней по получении сего сообщения Комиссариатом Иностранных Дел советское правительство не примет на себя полного и безусловного удовлетворения требований, пред'явленных в сем меморандуме,—правительство его величества будет считать, что советское правительство не желает поддерживать существующих отношений. В этом случае правительство его величества со своей стороны, в виду очевидного нарушения торгового договора с советским правительством, как это изложено в предыдущих частях сего меморандума, будет считать себя немедленно свободным от обязательств, налагаемых этим договором, согласно пунктам, предусмотренным 3 абзацем 13-й статьи договора.

При чтении этого документа прежде всего бросается в глаза то внимание, которое бывший вице-король Индии, вдохновитель английской ближне-и средне-восточной политики, лорд Керзон, уделяет Востоку.

Не случайно ультиматум был направлен советскому правительству в момент 2-й Лозаннской конференции, где был поставлен вопрос о проливах, снова выявивший противоречия между Англией и Россией. Не случайно на другой день после английского ультиматума, именно 9 мая, был убит в Лозанне русскими белогвардейцами, агентами английского империали-

ма, полномочный представитель Советской России, тов. Воровский. Совершенно правильно Исполком Коминтерна в своем обращении от 14 мая 1923 г. к трудящимся всех стран писал по поводу истинных мотивов убийства тов. Воровского: «*Через Дарданеллы путь британского империализма направляется не только в сторону присвоения русской нефти в Баку и русских природных богатств на Урале, не только к господству над Константинополем, но и к колонизации всей Турции.* Более того, если Турция склонится перед Антантой, то это также означает конец самостоятельного существования Персии, Афганистана и всех народов от Средиземного моря до Индии. Порабощение этих народов должно также положить конец стремлениям к национальному освобождению народов Египта и Индии, и даже самостоятельному развитию Китая.

«Дарданеллы являются поэтому ключом к свободе азиатских народов, и Советская Россия — единственная великая держава, защищающая этот ключ к их свободе от грабительских покушений. Выстрел в уполномоченного России в Лозанне был направлен также против национального будущего, против освободительного движения народов Азии.

«Цель была избрана удачно. Главный вдохновитель этого подлого убийства, лорд Керзон, в своей ноте Советской России изложил смысл этого выстрела. По его мнению, Советская Россия везде нарушает интересы грабительского британского империализма; она даже не оставляет на свободе шпионов Антанты и не признает интересы английского военного флота ни в Белом, ни наЧерном море. Но требования лорда Керзона идут дальше: Советская Россия не в праве иметь в Персии и Афганистане своих представителей, признающих право за азиатскими народами на национальную самостоятельность. В Индии могут жить лишь колониальные рабы, но не борцы за национальную свободу, но не друзья Советской России. Коммунистический Интернационал не должен поддерживать своей пропагандой освободительное движение трудящихся народных масс Индии и Египета. Вот чего требует лорд Керзон. Деяние его приспешников в Лозанне было последовательным истолкованием его требования. Британское правительство не могло бы лучше обнаружить свое подлинное лицо, чем оно это сделало. Выстрел в Лозанне, подобно яркой молнии, осветил положение всем эксплоатируемым народам Азии. Такая пропаганда действием, несомненно, сделает много больше для революционизирования Азии, чем мог бы сделать за целый год Коммунистический Интернационал.

«Но Лозанский выстрел был направлен не только в свободу азиатских народов; он был направлен одновременно и в революционный пролетариат Европы и всего мира. Этим господствующие фашисты об'явили войну могущественнейшей моральной опоре борющегося пролетариата всего мира. Цель

и в этом отношении была избрана правильно. Это целились в вас, боевые товарищи всех стран, это целились в передовой опорный пункт вашего международного боевого фронта».

Что в основе английского выпада против Советской России лежал прежде всего восточный вопрос, это явствовало даже из статей и речей английских государственных деятелей, членов парламента, критиковавших отправку ультиматума советскому правительству. Так, бывший премьер Ллойд-Джордж в своей речи от 15 мая по поводу англо-русского конфликта, настаивая на необходимости переговоров с большевиками, ссылался на то, что большевики в своей восточной политике ничем де не отличаются от царских дипломатов.

Англия имеет дело не с большевизмом, а со старым русским духом империализма. В 1904 г. Россия тоже тратила большие деньги на пропаганду против Англии на Востоке. А потом, на свидании в Ревеле, достигнуто было полное соглашение. Между царистами и большевиками нет де существенной разницы, когда дело коснется иностранной политики. Чичерин не революционер, а такой же аристократ, как лорд Керзон, и хотя с Красиным и нелегко вести переговоры, но он приятный и толковый человек, в котором нет ничего экстравагантного.

Итак, дело просто. Просто, «большевик» эволюционирует в русского империалиста и продолжает поэтому свою деятельность в Персии, в Вазиристане и в других местах».

«Большевизм постепенно вырождается в старый российский империализм. Это не революция,—продолжал Ллойд-Джордж,— *это старая Россия возвращается.* Я всегда знал, что эта так будет. Я *всегда боялся реальной России.* Но не можем ли мы теперь извлечь урок из прошлого и не можем ли мы притти к полюбовному соглашению с народом, который стоял на нашей стороне в самые мрачные для нас времена». «Правительство должно воспользоваться случаем для переговоров. С Россией трудно вести переговоры, но нынешнее положение — серьезное предостережение для обеих сторон. Правительство должно учесть состояние мира. Момент неподходящий для зажигания спичек «ультиматумов».

Итак, мы видим ясно, что, с точки зрения английских интересов на Востоке, Россия — безразлично какая (царская, буржуазная или советская), является вековым соперником Англии. Лучше всего было бы, если бы Россия была бы уничтожена или попросту провалилась в тартарары, но раз это невозможно, приходится изыскивать пути поставить барьер продвижению России на Восток. С точки зрения Ллойд-Джорджа, для защиты английских интересов на Востоке волей-неволей приходится искать какого-нибудь компромисса и добиться соглашения с Советской Россией по восточным делам, как было уже достигнуто соглашение с царской Россией. Наоборот, с точки зрения Керзона, не следует пропускать случая унизить Советскую

Россию в глазах всего Востока и одновременно обнаружить мощь Англии, заставив первую преклониться перед волей Великобритании; в интересах той же восточной политики необходимо окружить Россию барьером враждебных государств, и если невозможно сомкнуть все звенья этого кольца в виду тяготения некоторых восточных государств к России, нужно сделать все возможное, чтобы усилить государства, явно враждебные России, как, например, Румынию и Польшу, и, таким образом, перенести центр тяжести внимания России от ближне- и средневосточных границ к западным. Во исполнение этого плана, как раз за несколько дней до английского ультиматума 8 мая, именно в конце апреля 1923 г., в Бухарест прибывает английская военная миссия, возглавляемая первым маршалом империи Френчем, главнокомандующим английской армией в минувшую войну. 3 мая эта военная миссия выезжает в Бессарабию, незаконно оккупированную Румынией, и здесь ее торжественно принимает ген. Попович, известный душитель бессарабского населения. Миссия об'езжает границу Бессарабии с Россией и осматривает румынские укрепления. Независимо от махинаций в Румынии, Керзон начинает заигрывать с Польшей, и здесь также нащупывается почва для согласованного выступления против России. Начальник английского генерального штаба, граф Каван, направился в Варшаву и здесь вел какие-то переговоры с польским правительством. Таким образом, ясно намечался план вовлечения России в войну с Румынией и Польшей при поддержке последних всеми военными и финансовыми силами Англии.

Одновременно с ультиматумом, для ответа на который лорд Керзон дал советскому правительству десятидневный срок, *сильная группа английских истребителей была двинута из Мальты в Дарданеллы, куда вслед затем прибыла вся британская Средиземная эскадра*. Независимо от концентрации английского военного флота у самого входа в Черное море, были отправлены эскадры в Белое и Балтийское моря, и несколько английских крейсеров отплыли в Мурманские воды. Вся европейская пресса заговорила о неизбежности войны между Англией и Россией. Но против этой войны, которую Керзон стремился навязать России, выступили прежде всего в самой Англии миллионные массы английского пролетариата и довольно широкие круги английской буржуазии, точку зрения которой выразил Ллойд-Джордж в цитированной выше речи. Настроение рабочих масс и их готовность сделать все зависящее, чтобы помешать войне, выразилось, между прочим, в речи председателя тред-юниона железнодорожников, Марчбенка, который сделал следующее заявление: «Если политическая мощь рабочей партии окажется недостаточной для предотвращения войны с Россией, то партия будет иметь полное право и, я надеюсь, без колебаний использует всю свою промышленную мощь для

того, чтобы заставить правительство взять обратно свою ультиматичную угрозу России».

Независимая рабочая партия циркулярно предписала всем своим отделам организовывать митинги протеста, если правительство решит аннулировать англо-русский договор до возобновления парламентской сессии, а также войти в контакт с тред-юнионами для подготовки сопротивления против разрыва с Россией, следуя, таким образом, программе, намеченной уже две недели тому назад коммунистической партией.

Очень любопытную речь произнес лидер рабочей оппозиции и генеральный секретарь II Интернационала, Рамсей Макдональд, заявивший, *что если большевики виновны в поддержке революции на Востоке, правительство, действительно имело право протестовать в самых резких выражениях*, но все же протестовавший против ультиматума.

«Пора палате и правительству, заявил он, примириться с фактическим положением в России. Я надеюсь, что нынешнее правительство не станет продолжать неудачную политику коалиционного кабинета. Англия израсходовала 100 миллионов ф. ст. на попытки свержения советской власти. Из этого ничего не вышло. Пора принять Россию и ее правительство такими, как они есть.

«*Если бы было установлено, что советское правительство поддерживало антибританскую агитацию в Азии или что оно посылало в Англию агентов и денежные средства для борьбы с нашими конституционными учреждениями, правительство имело бы полное основание протестовать самым энергичным образом.* Но надо быть осторожным. Документы, на основании которых пред'являются обвинения в пропаганде, в значительной части подложны. Эти документы должны быть опубликованы, и палате должна быть дана возможность подробно обследовать их.

«И в вопросе о компенсации в связи с репрессиями в отношении британских граждан, правительству надлежало бы проявить большую осторожность — особенно поскольку речь идет о случае с г-жей Гардинг. Что же касается конфликтов о территориальных водах, то советское правительство предлагает передать этот вопрос на разрешение конференции, и надо надеяться, что британское правительство согласится на это предложение».

Вопросу о религиозных преследованиях Макдональд придавал особенно большое значение. «Но и здесь необходимо серьезное расследование. Есть такие, которые утверждают, что советское правительство вовсе не преследует религию, а лишь политические выступления под маской религии. Я не склонен принять такую трактовку вопроса до конца, ибо знаю, что в революционные эпохи оба эти начала часто смешиваются».

«Нельзя забывать, что еще недавно одной из видных фигур в русской церкви был Распутин. Лица, знакомые с историей русской церкви за последнее время, знают, что она нуждалась в коренном обновлении.

«Запрещение преподавания религиозных предметов в школах — чрезвычайно прискорбная вещь. Но изменить это можно не путем разрыва соглашений. Надеюсь, что правительство серьезно обсудит русскую ноту. Надеюсь также, что оно не вступит на опасный путь разрыва торгового соглашения, имеющего не только экономическое, но и политическое значение».

Как бы то ни было, при всем оппортунистическом характере своей речи, Макдональд вынужден был заявить, что большинство обвинений, несомненно, не обоснованы на действительном положении вещей и, во всяком случае, ими не может быть оправдан образ действий, усвоенный английским правительством.

В заключение Макдональд потребовал от правительства опубликования полностью всех документов, на которых основывается английский меморандум, и приступить к переговорам с русским правительством.

В связи с борьбой английской рабочей партии против войны «Морнинг Пост», самый ожесточенный враг Советской России, писал: «Промежуток времени, предоставленный советскому правительству до истечения срока ультиматума, был использован друзьями большевиков в рабочей партии для распространения в Англии всевозможных превратных толков. Невозможно предположить, чтобы Керзон стал серьезно считаться с искусственной агитацией, ведущейся рабочей партией в интересах советского правительства. Истинные чувства советского правительства и его грубая тирания нашли себе выражение в оскорбительных выходках против Керзона в Москве».

Резкий тон статьи «Морнинг-Пост» указывал уже сам по себе, насколько серьезный характер приняло в Англии рабочее движение против войны с Россией. Равным образом, многочисленные рабочие организации протестовали против разрыва торгового договора с Россией; как формулировал Макдональд в беседе с корреспондентом «Дейли Телеграф»,—*за разрыв торгового договора с Россией стоят только реакционеры, не заинтересованные в восстановлении торговых сношений между европейскими странами,* но расплачиваться придется рабочему классу Англии.

На ультиматум Керзона, врученный Ходжсоном 8 мая 1923 г., Наркоминдел ответил следующим документом.

Москва, 11 мая 1923 г.

Милостивый государь, господин Ходжсон!

«В ответ на меморандум, врученный мне вами 8 сего месяца, позволю себе просить вас довести до сведения вашего правительства нижеследующее:

1. Хотя усилившаяся за последние месяцы в Европе реакция, направленная против рабочего класса и сопровождавшаяся, как всегда, усилением вражды к советским республикам, заставляла опасаться шагов, направленных против республик рабочих и крестьян, тем не менее, меморандум Великобританского правительства, имеющий характер ультиматума и грозящий разрывом мирных хозяйственных отношений между двумя государствами, равно заинтересованными в развитии мирного сотрудничества, явился для правительства РСФСР величайшей неожиданностью по своей резкой и немотивированной враждебности. *Путь ультиматумов и угроз не есть путь улажения частных и второстепенных недоразумений между государствами, во всяком случае, установление правильных отношений с советскими республиками на этом пути недостижимо.*

2. Российская республика, несомненно, оценила то обстоятельство, что Великобритания из всех крупных держав явилась первой, заключившей с ней соглашение, хотя бы временное и недостаточное. Российское правительство учитывает этот факт в своих отношениях к Великобритании, а также в своих переговорах с другими странами, хотя в то же время оно не могло не сознавать, что соглашение отнюдь не давало выгод одной лишь стороне, что из соглашения извлекла как политические, так и экономические выгоды также и Великобритания, что установление мирных отношений с советскими республиками является необходимейшим фактором мира и восстановления экономического благосостояния всех стран Европы, в чем не в малой мере заинтересована Великобритания. Огромное значение появления на европейских рынках русского сырья, экспорт которого, начавшийся лишь в самое недавнее время, уже успел значительно вырасти и возрастает с каждым месяцем, удешевление благодаря этому для населения всех стран Европы, в том числе и Англии, хлеба, керосина, леса, льняных изделий и т. п. никем теперь не оспаривается.

3. Российское правительство не склонно отрицать указываемой в британском меморандуме ненормальности нынешних отношений и недостаточности существующей базы соглашения. Со своей стороны, оно всегда стремилось к полному урегулированию отношений, к откровенному обсуждению всех разделяющих оба государства вопросов, и к установлению более прочной базы, которая в максимальной мере исключала бы возможность трений и конфликтов. Оно должно, однако, констатировать, что нынешняя неудовлетворительная база соглашения выбрана самой Великобританией. Но даже в размере этого Великобританское правительство, к сожалению, уклонялось всегда от делового обсуждения всего комплекса спорных между обеими сторонами вопросов, установив такой порядок отношений, который затруднял и во многих случаях делал невозможным удовлетворительное разрешение возникающих время от времени конфликтов.

4. Меморандум Великобританского правительства говорит о многократных вызовах, которые Советская Россия бросала Великобритании, даже будто бы с обдуманным намерением. Советское правительство позволяет себе констатировать абсолютную голословность такого утверждения и сожалеет, что Великобританское правительство не нашло возможным упомянуть хотя бы один случай такого вызова до возникновения конфликтов, непосредственно предшествовавших настоящему обмену меморандумами. Со своей стороны, советское прави-

тельство готово привести немало случаев за последние два года действительных вызовов со стороны Великобританского правительства, не только советскому правительству, но и всему российскому народу, о симпатиях к которому Великобританское правительство сочло уместным упомянуть в своем ультиматуме. *Достаточно напомнить о всем известном пренебрежении к интересам советских республик, проявленном Великобританским правительством при разрешении целого ряда международных проблем, как, например, по вопросам о проливах, Восточной Галиции, Мемеле, Бессарабии и т. д.*

5. Если Российское правительство не обращалось с нотами протеста по поводу нарушения англо-русского соглашения, то отнюдь не потому, что оно не имеет в своем распоряжении достаточно материала для обоснования подобных протестов, а потому, что не теряло надежды на общее урегулирование всех спорных и неразрешенных вопросов. Оно вынуждено, однако, напомнить, что у него имеется не мало донесений и документов, указывающих *на весьма активную деятельность агентов Великобританского правительства против интересов советских республик на Кавказе, и в особенности в местностях, прилегающих к средне-азиатской части советских республик, на поддержку, оказывающуюся бандитскому движению в Туркестане и Восточной Бухаре, на помощь, оказывавшуюся английскими консулами еще в сравнительно недавнее время белогвардейским генералам для вербовки офицеров и присылки их во Владивосток во время оккупации его белыми.* Указывая сейчас на эти факты, советское правительство отнюдь не имеет в виду выдвигать их в качестве обвинений против Великобританского правительства, а желает лишь показать, что, стремясь к сохранению мирных отношений с Великобританией, а не к провоцированию конфликтов, оно не считает возможным строить свои протесты на донесениях информаторов и перехваченных документах, достоверность которых в таких случаях остается всегда под некоторым сомнением. Подобного рода материалы имеются у всех правительств, и если бы последние пользовались ими не для ориентировки, а для создания конфликтов и обоснования протестов, то вряд ли могли бы существовать мирные отношения между любыми двумя государствами.

6. К сожалению, Великобританское правительство находит возможным пользоваться в официальной переписке такого рода сомнительными материалами в отношении советских республик. Приходится напомнить, что еще в 1921 г., спустя всего лишь пять месяцев после заключения англо-русского соглашения, министерство иностранных дел выступило в обширном меморандуме с обвинениями против Российского правительства, основанными исключительно на материалах вышеописанного характера. Российскому правительству удалось тогда доказать, что само Великобританское правительство было введено в заблуждение корыстными, безответственными и злоумышленными информаторами, и указать на этот мутный источник, откуда ему доставлялись апокрифические документы, долженствовавшие скомпрометировать Российское правительство.

Великобританское правительство в своем меморандуме заранее предвидит возможность отвода нами тех новых материалов, на которых оно базирует свои новые обвинения и этим лишает Российское правительство возможности действительно войти в подробный анализ сообщаемых в меморандуме фактов. Не желая своим молчанием давать повод утверждать, что Российское правительство, хотя бы и косвенно, подтвер-

ждает достоверность этих фактов, оно считает нужным заявить, что приведенные Британским правительством выдержки и цитаты представляют собой сочетание вымысла с тенденциозно обработанными и произвольно дополненными дешифрованными частями телеграмм. Российское правительство решительно заявляет, что цитата, относящаяся к Персии, абсолютно вымышлена, и не имеет отношения ни к каким официальным документам, известным Российскому правительству. Характерный образец тенденциозного искажения сообщений представляет собой ссылка на телеграмму Раскольникова, где говорится о помощи Вазиристану в 3.000 рублей и десять ящиков патронов. Если в распоряжении Великобританского правительства действительно имеется соответственная телеграмма, и она не искажена злостными информаторами, то оно может убедиться, что речь идет не о помощи, оказываемой Раскольниковым, а кем-то иным, к Российскому правительству никакого отношения не имеющим, и имени которого общепринятые правила международного приличия не позволяют советскому правительству раскрыть. Этот пример бросает яркий свет и на остальную информацию подобного характера.

7. Переходя к еще более мелким фактам, упомянутым в меморандуме, советское правительство не считает нужным отрицать, что оно действительно посылало деньги своему представителю в Персии, и делало оно это вполне открыто через лондонские же банки. Мнительность Великобританского правительства должна быть чрезмерной, чтобы считать, что у советского представителя на Востоке не может быть иного употребления денег, как для целей антибританской интриги. Великобританскому правительству больше, чем кому-либо другому, известно, если оно правильно информировано, что советское правительство добивается и достигает добрых отношений с народами Востока не интригами и золотом, а мерами действительного бескорыстия и доброжелательства к ним.

8. Вряд ли какая-нибудь цель будет достигнута дальнейшим разбором обвинений, выставленных в меморандуме, из области, так называемой, пропаганды на Востоке. По существу эти обвинения, помимо их необоснованности, вытекают, повидимому, из неправильного толкования обязательств, взятых на себя Российским правительством в отношении Востока. Обвинения эти дают основания думать что, по мнению Великобританского правительства, Российская республика вообще никакой собственной политики на Востоке не должна иметь, а всюду поддерживать английские стремления. Такого обязательства Российское правительство на себя не брало, и никакого соглашения между ним и Великобританией на этот счет до сих пор не существовало. Отстаивание и развитие дружественных связей с народами Востока на основе искреннего уважения к их интересам и правам, советское правительство не может признать нарушением англо-русского соглашения. Если Великобританское правительство считает такую политику неизбежно антибританской, то недоразумения, возникающие на этой почве, вполне понятны. К сожалению, Великобританское правительство всегда отказывалось специфицировать свои требования к советским республикам в области восточной политики и оставило без ответа предложение Российского правительства в ноте от 27 сентября 1921 г. о дружеском обсуждении путей и средств, которые могли бы вести к устранению подобных недоразумений. Обсуждения во время единственной встречи, имевшей место между главами иностранных ведомств обеих стран в Лозанне, лорд Керзон огра-

ничился повторением общих упреков, отказавшись от раз'яснения и обсуждения их.

9. Великобританское правительство сочло нужным упомянуть в меморандуме также о деятельности III Интернационала, несмотря на многократные заявления советского правительства, что оно ни в коем случае не может быть идентифицировано с III Интернационалом. К этому вопросу, много раз им раз'ясненному, оно вновь возвращаться не намерено, как оно не входит, со своей стороны, в обсуждение заявлений и действий тех политических партий и иных организаций, в состав коих входят члены Великобританского правительства. Что же касается указаний в меморандуме на участие народного комиссара финансов тов. Сокольникова в какой-то финансовой комиссии III Интернационала, ассигновавшей, якобы, деньги коммунистическим партиям, то советское правительство заявляет, что это сообщение абсолютно неверно от начала до конца, и что Великобританское правительство и в данном случае введено в заблуждение злостными информаторами.

10. Останавливаясь на вопросе о, так называемой, пропаганде, Российское правительство не может не отметить с удовлетворением, что Великобританское правительство на этот раз не привело конкретных обвинений в пропаганде в самой Великобритании, несмотря на то, что известная часть английской прессы за последние месяцы с особенной яростью нападала на советское правительство за пропаганду, которую оно, якобы, ведет в Великобритании через свою торговую делегацию и своих представителей.

11. Великобританское правительство сочло нужным обосновать необходимость пред'явления советскому правительству ультиматума с угрозой разрыва сношений, ссылками на случай нарушения Российским правительством интересов великобританских граждан. Советское правительство не может не отметить, что, не считая случаев с тральщиками, о которых речь будет впереди, Великобританское правительство не привело ни одного факта нарушения интересов великобританских граждан за все время действия англо-русского соглашения. Упоминаемый в меморандуме факт, расстрела инженера Дейвисона, в связи с деятельностью в России разведывательной организации известного Поля Дукса имел место в 1920 г., т.-е. за 16 месяцев до заключения соглашения и до окончания периода английской интервенции и блокады. К тому же периоду относится и задержание американской журналистки Гаррисон. Было бы бесполезно вновь повторять об'яснения, данные Российским правительством в продолжительной переписке по поводу этих случаев. Необходимо, однако, помнить, что в указанный период неизмеримо большее количество российских граждан пострадало физически и материально от действия английских властей на севере и юге советских республик, и в сфере влияния Великобритании. Упоминавшиеся в переписке по этому делу 26 расстрелянных бакинских комиссаров представляют один из многочисленных случаев подобного рода. Если стать на точку зрения компенсации, то справедливость требует применения ее ко всем случаям тогдашнего периода, в том числе к семье Коломийцева, Бабушкину, Караханяну и другим гражданам, содержавшимся в течение нескольких лет без всякого обвинения в английских и индусских тюрьмах. Нельзя подходить к случаям одинакового порядка с двумя мерками. Российское правительство из'являет готовность компенсировать семью Дейвисона и г-жу Стен Гардинг, если Великобританское правительство из'явит

ту же готовность в отношении вышеупомянутых российских граждан.

12. Вопрос о территориальных водах всесторонне освещен в ноте Российского правительства от 7-го мая, в которой указывается на отсутствие общеобязательных международных норм, на разнообразие практики в этом отношении у разных стран, на совершенную необоснованность требований о принятии Россией такой же нормы, какая установлена Великобританией и то не на всем протяжении империи. Российское правительство повторяет свое заявление о его готовности принять участие в международной конференции по этому поводу, и подчиниться ее постановлениям. В упомянутой ноте сообщалось, что дело о захваченном тральщике «Джемс Джонсон» было передано для пересмотра в Верховный суд, который уже отменил приговор Мурманского суда, сняв арест со шкипера и конфискацию с судна. Тралеры проникли в территориальные воды с нарушением законов страны, тем не менее, во избежание обострения отношений, Российское правительство приняло надлежащие меры, в результате которых все британские тральщики, в том числе и захваченный на-днях в четырехмильной полосе «Лорд Астор», могут считаться свободными. Оно не может, однако, принять на себя ответственность за тральщик, утонувший вследствие урагана вместе с русской охраной. Российское правительство готово передать вопрос об ответственности за гибель тральщика, вследствие указанной причины, на разрешение третейского суда.

13. Хотя вопрос о положении церквей в советских республиках и не входит ни в малейшей мере в область взаимоотношений этих республик с Великобританией, тем не менее, в интересах правильной информации общественного мнения, Российское правительство считает необходимым самым категорическим образом опровергнуть неосновательное утверждение о преследовании им каких бы то ни было религий. Советское правосудие обрушивается только на тех духовных лиц, которые используют свое положение служителей одной из церквей для политической деятельности, направленной против внутренней или внешней безопасности советских республик. Советское правительство готово признать необычайный тон первой ноты г. Вайнштейна. Необходимо, однако, при этом помнить, то возбуждение и негодование, которое в широких слоях рабоче-крестьянского населения России вызвали попытки вмешательства в это внутреннее дело России одного из соседних с нею государств, желавшего использовать процесс ксендзов в агрессивно-политических целях. Британский агент г. Ходжсон пытался частным образом снестись с заместителем народного комиссара т. Литвиновым по вопросу о процессе и получил от него категорический ответ, что не только официально, но и неофициально он не находит возможным вступать с ним в переписку по этому делу. Г. Ходжсон после этого не мог не предвидеть возможного отношения советского правительства к официальным выступлениям с его стороны, и приходится сожалеть, что он не учел этого обстоятельства и признал возможным послать свою ноту, сочтенную комиссариатом иностранных дел определенным вызовом. Упомянув в своем ответе о представителе Ирландской республики, г. Вайнштейн хотел дать понять, насколько неудобно для обеих сторон вмешиваться во внутренние дела друг друга, и что вмешательство в дело Цепляка оценивается в России так же, как Великобритания оценила бы вмешательство России в дела Ирландии. При этом надо иметь в виду, что, кроме вышеотмеченного соседа России и Великобрита-

нии, никакое другое правительство официально по этому делу к советскому правительству не обращалось. При свете этих обстоятельств должен быть понятен необычайный тон ответной ноты г. Вайнштейна. Во всяком случае, нота эта была г. Ходжсоном возвращена, вторично Великобританскому правительству недоставлена, и поэтому может считаться несуществующей, равно как и вытекающее из нее второе письмо г. Вайнштейна, ничего, впрочем, оскорбительного в себе не заключающее.

14. Российское советское правительство считает, что одной из главных причин постоянно возникающих недоразумений между ним и Великобританским правительством является тот факт, что в связи с положением, создавшимся после Версальского мира, известные круги Антанты не согласны иметь дело с другими странами на началах действительного равенства сторон. Не отрицая того, что очень значительное число стран действительно стало в последние годы в зависимое или полузависимое положение к странам бывшей Антанты, Российское правительство считает нужным сказать, что положение советских республик не имеет, не может и не будет иметь ничего общего с состоянием зависимости от воли постороннего правительства. Если бы правящие круги Великобритании усвоили себе этот факт, то тем самым была бы устранена важнейшая помеха к установлению нормальных и спокойных отношений, равно выгодных для обеих стран.

15. Несмотря на повторное недоразумение, советские республики высоко ценят нынешние отношения с Великобританией и ищут сохранения и развития их в интересах всеобщего мира, в интересах экономического восстановления разрушенной Европы, в интересах как народов Советского Союза, так и английского народа, и поэтому готовы на самое благожелательное и миролюбивое разрешение существующих конфликтов.

16. Шаг Великобританского правительства вызван, повидимому, в корне неправильной оценкой состояния советских республик под явным влиянием белой эмиграции, которая никогда еще не искажала действительности так, как теперь. Принимая особенно во внимание нынешнюю международную ситуацию, события в Центральной Европе, сведения из соседних с советскими республиками стран и возрастающей деятельности милитаристов, об'езд этих стран союзными генералами, в частности недавний осмотр английской военной миссией румынской границы, Российское правительство отдает себе отчет в том, что разрыв отношений был бы чреват новыми опасностями и осложнениями, представляющими угрозу миру, и что Великобританское правительство в случае разрыва взяло бы на себя огромную ответственность перед историей. Российское правительство заявляет, что оснований для разрыва сношений нет, что большинство спорных вопросов между советскими республиками и Великобританией настолько незначительны в сравнении с возможными последствиями разрыва отношений, что при доброй воле обеих сторон удовлетворительное разрешение их на совещании компетентных представителей обоих государств не представляло бы больших затруднений и могло бы быть достигнуто в весьма короткое время. Со стороны советского правительства искреннее желание к достижению соглашения имеется, и ему остается выразить уверенность, что такое же желание будет проявлено и со стороны Великобританского правительства.

17. Советское правительство предлагает поэтому Великобританскому правительству принять метод конференции и условиться относительно места и времени, где и когда авторитетные и полномочные представительства обеих сторон могли бы рассмотреть и разрешить не только спорные второстепенные вопросы, но и урегулировать советско-великобританские отношения в их полном об'еме.

Благоволите принять уверения в совершенном моем уважении и почтении.

Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел
Литвинов.

В устной беседе с тов. Красиным в Лондоне Керзон заявил, что считает наш ответ неудовлетворительным и настаивает на выполнении всех требований, выставленных в ультиматуме. Британское правительство, однако, готово продлить срок ультиматума, чтобы дать т. Красину возможность снестись с Москвой.

23 мая т. Красин вручил Керзону дополнительный ответ, в котором правительство РСФСР идет на дальнейшие уступки, а именно: готово немедленно заключить конвенцию о 3-мильной зоне, предлагает уплатить компенсацию по делам Дейвисона и Гардинг и взять обратно письмо Вайнштейна. В отношении же пропаганды на Востоке мы выражаем готовность обсудить все вопросы, связанные с этим, в специальном совещании, в котором с нашей стороны будет участвовать т. Чичерин.

29 мая Керзон вручил т. Красину второй английский меморандум, признающий, что по трем пунктам из четырех можно при известной модификации достигнуть соглашения. По вопросу о 3-мильной зоне меморандум предлагает ограничиться обменом нот. По делу Дейвисона и Гардинг британское правительство требует уплаты компенсации в размере 10 тысяч фунтов, в первом случае, и 3 тысяч фунтов, во втором, и предлагает создать аппарат для рассмотрения требований других британских подданных. Остается вопрос о пропаганде. Британское правительство отказывается от обсуждения этого вопроса в специальном совещании с участием т. Чичерина и настаивает на отзыве т. Раскольникова и Шумяцкого. Однако, Британское правительство будет удовлетворено, если мы, не отзывая немедленно этих представителей, дадим заверения, что они будут отозваны в более или менее близком будущем. В добавление меморандум предлагает обменяться новыми расширенными декларациями о взаимном воздержании от враждебной пропаганды.

9 июня английскому правительству был вручен наш ответ на второй меморандум Керзона от 29 мая. По вопросу о рыбной ловле мы, не настаивая на конвенции, согласны ограничиться обменом нот. По делу Дейвисона и Гардинг мы готовы уплатить требуемые суммы. Что же касается вопроса об отзыве представителей, то мы настаиваем на выяснении инкриминируемой им вины путем специального совещания при соблюдении принци-

пов взаимности. Такой же принцип взаимности предлагается нами и при решении вопроса о компенсации пострадавших граждан.

13 июня последовал ответ британског оправительства, считающий переписку законченной. Аналогичная нота т. Чичерина от 15-го июня также считает переписку оконченной и с русской стороны. Суть нот сводится только к пояснениям односторонне понятых мест предыдущей переписки.

Ультиматум Керзона вызвал необычайный восторг среди нашей белогвардейской эмиграции. Вся белогвардейская печать доказывала, что единственным виновником англо - русского конфликта является советское правительство, ведущее преступную пропаганду на Востоке в интересах Коминтерна, что материал, послуживший основанием английского ультиматума, материал подлинный, а не подложный, как уверяют большевики. Эмигрантская пресса советовала Керзону не обращать внимания на невиданные по размерам демонстрации народных масс в Москве, Ленинграде, Харькове, Баку, Ташкенте и всех других городах Союза ССР против английского ультиматума, уверяя, что это «демонстрация из-под палки». Больше всего белогвардейцы опасались, как бы все эти поездки английских военных миссий в Румынию и Польшу, все эти передвижения английских эскадр, наконец, угрозы Керзона не кончились одним обменом хотя бы и самых ругательных нот. И в этом случае, как и во всех предшествующих, наша эмигрантская белогвардейщина беззастенчиво показала себя врагом не только советской власти, но и России вообще, выступая неприкрыто в качестве агента и пособника самого разнузданного великобританского империалиста и захватчика. Однако, и наши эмигранты и сам Керзон,—поверивший всем этим белогвардейским сказкам о том, будто вся Россия об'ята пламенем внутренних волнений и даже восстаний, что достаточно-де какого-либо внешнего толчка, чтобы советская власть пала,—жестоко ошиблись. Лорд Керзон не смог собрать большинства вокруг своей ноты даже в английской общественности. Не только широкие круги английской общественности, но целый ряд общественных группировок высказались против воинственных замыслов лорда Керзона, видя в них невыгодную для Англии авантюру.

После розовых надежд, окрыливших всю белогвардейскую эмиграцию в связи с перспективами неизбежной де войны, глубокое разочарование охватило эмигрантов, когда во всей европейской прессе был опубликован ответ Макдональду английского парламента 15 мая, что он не рассматривает нынешнего обострения англо-русских отношений, как вопрос мира или войны. «*Невозможна война,*—заявил Мак-Нейль,—*между двумя великими странами из-за таких вопросов, которые ныне встали между Россией и Англией.* Говорить в данном случае о войне значило бы совершенно превратно понимать сущность дела».

К вящему огорчению эмигрантов англо-русский конфликт кончился не войной, а завершился некоторыми нотами и некоторыми уступками советского правительства требованиям Великобритании, которые совсем не устраивали дел эмиграции.

ИНЦИДЕНТ С РАКОВСКИМ.

Не успело улечься впечатление, вызванное во всей Европе инцидентом 8 мая—18 июня 1923 г., как вспыхнул новый англо-русский конфликт в августе того же года из-за назначения т. Раковского полпредом СССР в Англии.

Заместитель уехавшего в отпуск британского агента в Москве Р. Ходжсона, Питерс, сообщил, что представленная т. Раковскому виза на въезд в Англию отсрочена до выяснения возникших новых обстоятельств. Такими обстоятельствами являются сообщение «Морнинг Пост» о речи т. Раковского с выпадами против Британской империи и желание британского правительства ознакомиться с брошюрой т. Раковского «Англия и Россия», относительно которой появилась рецензия в «Известиях».

Целый ряд консервативных депутатов обрушился на заседании Палаты Общин 3 августа на т. Раковского, ставя ему в вину резкие нападки на Англию. В основе этого инцидента также лежал восточный вопрос прежде всего, ибо английские газеты с особым усердием цитировали те места из речи Раковского 14 мая, где он говорил об английской политике на Востоке, прежде всего в Индии. Особенно не понравились английским империалистам следующие слова т. Раковского: «Все, что преподносится нам в меморандумах—дребедень. Все это—только предлог для разговоров, для того, чтобы делать выводы, которые совершенно не пропорциональны с предпосылками. Но есть другая, гораздо более глубокая причина. И если бы мы сказали, что пойдем абсолютно на все уступки и сделаем даже и то, что несовместимо с нашим достоинством, если бы мы подписали удостоверение, что Англия великое и благородное государство в мире, что в Индии идеальное управление, что т. Раскольников должен быть посажен в тюрьму, и возьмем обратно нашу ноту, которую, между прочим, Англия нам уже отправила обратно, извинимся, подпишем еще раз пункт тринадцатый и тринадцать раз тринадцатый, думаете ли вы, что этим мы вопрос решим? Если это мы делаем сегодня, если мы пойдем на все эти уступки, не явится ли Англия с новыми требованиями? Несчастье наше, и для нас и для Англии, заключается в том, что мы, Советские республики, вообще существуем — наше несчастье, что мы от Ледовитого океана до Чер-

ного моря заняли путь, который ведет от Англии к индийским владениям, несчастье наше в том, что в Индии на нас смотрят, как на защитников угнетенных народов.

«Несколько дней тому назад я видел в одном иллюстрированном журнале воспроизведение чрезвычайно характерной картины, которая встречается в Индии в крестьянских хатах. В этой картине имеется «семь великих гениев человечества». Кто они? Посредине Ганди — это душа индусского национального революционного движения. С левой стороны, сверху вниз: Будда, Брама и Ленин (аплодисменты), с правой — в том же порядке: Христос, Толстой и городской голова гор. Корка в Ирландии, который, как вам известно, обрек себя на голодную смерть, как протест против английского насилия. Он является святым в Ирландии и святым и в Индии, которая перевела на сочувствии к Ирландии всю свою ненависть к Англии.

«Мы здесь можем подписывать сколько угодно и обещаний, и договоров, и тринадцатых параграфов. Разве мы можем выскрести из души и сердца индийского крестьянина образ Ленина, символизирующий для него великое революционное государство, великий революционный народ, революционную пролетарскую Россию».

Инцидент с Раковским кончился тем, что в конце-концов, именно 31 августа 1923 года, английское правительство известило НКИД о том, что к в'езду Раковского в Англию, оффициального агента СССР, препятствий не встречается. Инцидент с Раковским был, таким образом, исчерпан, но Керзон продолжал третировать представителя России, как врага Англии, и Раковский ни разу не был принят английским министром иностранных дел, лордом Керзоном.

Вызывающая политика Керзона по отношению к Советской России, все эти ультиматумы, инцидент с тов. Раковским, попытка поднятия британского флага на острове Врангеля и об'явления этого острова английским владением и т. д.—все это преследовало двоякую цель: с одной стороны, провоцировать конфликт с СССР и по меньшей мере не допустить признания советской республики, с другой — возбуждать общественное мнение Англии против Советской России подчеркиванием опасности, грозящей английскому господству в Индии и английскому влиянию на всем Востоке в результате «интриг» советского правительства и этим самым подготовлять страну к сознанию необходимости принятия в ближайшее время решительных шагов на Востоке для поднятия английского престижа в Индии и английскому влиянию на всем Востоке в результате «интриг» советского правительства и этим самым подготовлять страну к сознанию необходимости принятия в ближайшее время решительных шагов на Востоке для поднятия английского престижа в Индии и на всем Среднем Востоке.

АНГЛО-АФГАНСКИЕ ОСЛОЖНЕНИЯ.

В течение всего 1923 года, вместе с ухудшением англо-русских отношений, ухудшались и англо-афганские отношения. Как правильно отмечается в издании «Годовой отчет за 1923 г. Народного Комиссариата по Иностранным Делам к XI С'езду Советов», чуть ли не каждый месяц в 1923 г. ознаменовывался каким-либо конфликтом между Афганистаном и Англией.

В апреле англичане задержали в Бомбее пароход, прибывший из Германии с военным имуществом для Афганистана, и заставили его уйти обратно. Этим англичане нарушили англо-афганский договор, согласно которому Афганистан имеет право свободного транзита оружия через Индию. В мае между афганцами и англичанами возникли разногласия по вопросу о правах английских подданных в Афганистане. Англичане требовали для своих подданных полного равенства с афганскими гражданами в отношении налогов и других прав и преимуществ. Афганское правительство решительно возражало. В июне этот вопрос был урегулирован на основе status quo. Осенью между англичинами и афганцами возникают новые конфликты. Во-первых, англичане отказываются пропустить через Индию оружие, закупленное Афганистаном в Италии. Во-вторых, на территории независимых племен было убито два английских офицера. Убийцы, из племени афридиев, укрылись на территории Афганистана. Англо-индийское правительство потребовало сперва их выдачи, но затем ограничилось требованием ареста. Они были арестованы , но 4-го октября бежали из кабульской тюрьмы, что вызвало новые обострения англо-афганских отношений. Наконец, за весь год англичане усиленно укрепляли границу. Возводились фортификационные сооружения, проводилась Хейберская жел. дорога, устраивались аэропланные базы, усиливались гарнизоны. К октябрю на границе было уже сосредоточено 74 аэроплана. Начальник инженерных войск Индии Раулинсон дважды, в октябре и ноябре, совершил экспедиционную поездку по территории независимых племен. Все эти военные приготовления англичан свидетельствовали о том, что они не только не оставили своих агрессивных планов по отношению к Афганистану, но, наоборот, усиленно готовятся к наступлению. Это заставляло, в свою очередь, Афганистан зорко следить за деятельностью англичан и озаботиться улучшением своих отношений с единственным возможным союзником — с СССР.

В декабре произошло новое убийство английского офицера на территории независимых племен, которым англичане воспользовались для вручения Афганистану ультиматума с угрозой войны, *требуя одновременно в полу-официальном порядке прекращения дипломатических сношений с СССР.*

Очевидно, что Керзон подготовлял войну с Афганистаном, как пишет Марко Поло в статье «Кабульский вопросительный знак» (Изв. 3 января 1924 г.).

В западно-европейских дипломатических кругах много говорили о загадочных словах английского премьера Болдуина, который некоторое время назад сказал, что «свет скоро с завистью увидит новый бриллиант в короне индийского императора». Под этими словами может иметься в виду только Афганистан.

Действительно, когда Англия ультимативно требует выдачи Афганистаном мусульман, якобы совершивших убийства английских офицеров на английской территории, и требует вывода из Вазиристана афганских войск, которых в действительности там не имеется, вполне естественно, что в этих требованиях усматривается сознательный вызов и нарочно придуманный предлог для давно уже решенной войны. Афганское правительство много раз заявляло, что оно ни в коем случае не может идти на выдачу мусульман, ибо это противоречит обязательным для него религиозным предписаниям.

Английский империализм с крайней враждой относится к прогрессивно-национальному движению в Афганистане. Само собой разумеется, что не в интересах английских захватчиков создание непосредственно на границах Индии, где национально-революционное движение усиливается с каждым днем, независимого и прогрессивного восточного государства, которое из непреодолимого барьера между Советской Россией и пробуждающейся Индией может неожиданно превратиться в мост, соединяющий эти две великие страны, 150 миллионную рабоче-крестьянскую Россию и 300 миллионную Индию, стонущую под британским сапогом и стремящуюся к полному освобождению из-под английского ига.

Однако, все усилия английского правительства навсегда сохранить в Афганистане прежний порядок — при котором правители этой страны (Эмир Абдурахман и его преемник Хабибула-Хан), получавшие ежегодно субсидии от английского правительства, являлись не более, как наемными агентами Великобритании, которые, с одной стороны, всеми силами удерживали Афганистан в состоянии реакционной неподвижности и отгороженности от всего мира, с другой, являлись сторожами Англии у ворот Индии, естественно, рано или поздно должны были оказаться бесплодными.

Одновременно с конституционным движением в Персии, одновременно с младо-бухарским и младо-хивинским движениями новые начала проникли и в Афганистан и нашли себе последователей в передовой молодежи на верхушках афганского общества. Беспримерная встряска мировой войны послужила и тут поворотным пунктом и открыла совершенно новую страницу в истории Афганистана.

Историческим делом Амануллы-Хана явилось полное преобразование всего строя Афганистана, отмена рабства, пыток, создание современных судов, администрации, школ, борьба

против обскурантизма реакционного духовенства, обновление армии, создание промышленности и первые зачатки конституционного строя. Его задача в конечном счете заключается в том, чтобы из средневекового Афганистана с его полунезависимыми племенами, с его самовольством местных администраторов, создать единое прогрессивное национальное государство. Англо-афганский догоовр 1921 г. означал, что Англия на время как будто примирилась с созданием в Афганистане вполне независимого прогрессивного национального государства.

Очевидно, для Англии широкая реформаторская деятельность Аманулла-Хана была неожиданностью. Английские правящие круги думали, что им вскоре удастся попрежнему, путем субсидий правительству и подкупа различных деятелей, восстановить в Афганистане свое прежнее господство.

Одновременно с толками о предстоящих воздушных налетах на афганских базарах распускаются слухи, что в то же время в Афганистане произойдет государственный переворот. В самом Афганистане, в некоторых областях, даже в таком важном пункте, как Кандагар, происходят волнения, вызываемые реакционными муллами, и, конечно, не только одними муллами, которые притом оказываются в обладании средствами, для них совершенно не подобающими. В то время, как Аманулла-Хан ставит на придворной сцене пьесы, высмеивающие духовенство, реакционные муллы ведут против него систематическую агитацию, являясь орудием против создания в Афганистане прогрессивного национального государства. Кто-то старается поссорить Афганистан с советскими республиками и вызывает беспорядки также и у афганских северных границ. Невидимая рука сплачивает реакционные элементы, которые были бы не прочь вернуться к старым временам Абдурахмана. Слухи о заговорах против реформатора эмира, неустанно борющегося за обновление Афганистана, распространяются теми же невидимыми источниками.

Можно сказать, что действительная задача английского консервативного правительства заключается в том, чтобы не дать создаться в Афганистане прогрессивному национальному государству.

С другой стороны, провокационная политика Керзона по отношению к Афганистану лишь усилила антибританское движение в Индии.

На открывшейся в середине января X сессии всеиндийского калифата председателем был избран Шаукет Али, привлекший общее внимание следующей речью: «Каждый мусульманин — сказал он, — теперь понял Великобританию. Спросите любого мусульманина любой части земного шара, *кто величайший враг ислама, и он вам ответит: Великобритания.* Правительство Индии может убить лидеров, но не убьет калифатского движения». Резко критикуя индийскую политику Англии, Шау-

кет Али требовал *немедленно передачи Аравии мусульманам.* Далее оратор заявил, *что мусульмане Индии будут противиться всякой войне.* Коснувшись англо-афганского конфликта, оратор требовал, чтобы *британское правительство оставило Афганистан в покое.*

«Правительство — заявил в заключение оратор, — должно помнить, что всякую войну с соседними мусульманскими странами Великобритании придется вести исключительно английскими солдатами и на средства самой Англии».

В националистических кругах речь произвела громадное впечатление. Индийский полуофициоз называет речь Шаукет Али изменой. Встревоженные выступлением по афганскому вопросу популярнейших лидеров мусульман, братьев Али, английские власти разжигают распри между индусами и мусульманами, распуская слухи, что оба брата Али будто бы подкуплены афганским эмиром и стремятся к созданию мусульманской империи Индии под его властью. Между тем, это было публично опровергнуто братьями Али на заседаниях исполкома конгресса, где они еще раз подчеркнули, что в случае войны с Афганистаном индийские мусульмане окажут противодействие войне.

Европейская проблема и улучшение англо-русских отношений.

ПОРАЖЕНИЕ КОНСЕРВАТОРОВ И ПРАВИТЕЛЬСТВО МАКДОНАЛЬДА.

На декабрьских выборах 1923 года консерваторы, боровшиеся против признания Советской России, ведшие вызывающую политику против рабоче-крестьянского правительства, потерпели решительное поражение. Надежды премьер-министра Болдуина на то, что быстрые выборы дадут ему победу и развяжут ему руки, как во внешней, так и во внутренней политике, рухнули. После поражения консерваторов кабинет Болдуина должен был выйти в отставку, и 24 января в Англии образовалось новое правительство, сформированное рабочей партией с членом II Интернационала Макдональдом, как премьером, во главе. Уже на другой день после того, как выяснились результаты выборов и поражения консерваторов, вся европейская пресса заговорила о неизбежности признания де-юре Советской России Англией в результате усиления влияния английского рабочего класса на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Десять дней колебалось английское правительство, сформированное Макдональдом, между противоположными влия-

ниями и, наконец, решилось на смелый шаг. То, с чем боролся до последнего издыхания лорд Керзон, что не удалось либералу Ллойд Джорджу, выполнило правительство, выдвинутое рабочими, и выполнило под прямым давлением рабочих Англии.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на декабрьских выборах консерваторы получили 254 места (19 новых мандатов, 9 потерь) либералы — 152 места (80 выигрышей, 35 потерь), рабочая партия — 190 мест (63 выигрыша, 15 потерь). Все города, за исключением Бирмингама, голосовавшие на ноябрьских выборах 1922 г. за консерваторов, на этот раз голосовали против последних. Даже в таких традиционных консервативных кругах, как, например, Ливерпуль, крупная победа выпала на долю как либералов, так и рабочей партии.

Единственный город, оставшийся верным консерваторам, это Бирмингам, важнейший центр тяжелой промышленности, населенный наиболее привилегированным слоем пролетариата. Консерваторы рассчитывали сбалансировать свои голоса с помощью сельско-хозяйственных округов, но им и здесь не повезло: хотя либералы не добились почти никакого успеха в сел.-хозяйственных округах, однако, консерваторы встретились здесь с новым могущественным конкурентом — рабочей партией, которая провела там целый ряд своих кандидатов.

Как бы то ни было, и на выборах 1923 г. консерваторы остались самой сильной партией, как по числу поданных за них голосов (5.162.000 голосов, поданных за консерваторов, против 4.435.000 голосов за рабочую партию, вместе с коммунистами и 4.009.000 голосов за либералов) так и по числу мест в палате общин: 254 места против 190 мандатов рабочей партии и 152 мандатов либеральной. Таким образом очевидно, что сформирование кабинета Макдональда и самый факт признания де-юре Советской России могли иметь место благодаря отказу значительной части либеральной партии поддержать консерваторов. В отношении к России английских консерваторов, с одной стороны, английских либералов, с другой, проявляются две различные линии английской буржуазной политики.

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ.

В международной политике современных капиталистических держав борются, начиная с обнаружившегося уже давно банкротства Версальского мира, две концепции. Одна, хозяйственная концепция буржуазного большинства Англии, деловых кругов Италии и, начиная с конца 1922 г., влиятельных кругов французской буржуазии, заключается в признании той аксиомы, что экономический кризис, безработица, свирепствующие во всем мире и обостряющиеся с каждым днем, могут быть ослаблены лишь экономическим сотрудничеством между всеми европейскими странами и включением Советской России и побежденной Германии в европейский концерт.

Другая, чисто милитарная концепция французской военщины и реакционной буржуазии, держащей в своих руках бразды правления в III республике, заключается в идее необходимости, в интересах использования Версальского договора и извлечения всех плодов из победы над Германией, образования в Европе *нового вооруженного лагеря под гегемонией Франции,* включающего в свой состав, кроме последней, Малую Антанту, Польшу, Финляндию, Румынию и, в случае свержения советской власти, новую Россию, которая явится на место рабоче-крестьянского государства. Только этот новый союз обеспечит надолго, по планам французских империалистов, гегемонию Франции в Европе, улучшит экономическое положение III республики, сделает невозможным возрождение Германии, превратив последнюю в раба Франции, и одновременно даст силы последней для борьбы в ближайшем будущем с ее новым наследственным врагом, Великобританией, дипломатия которой, как выразился лорд Керзон в своей речи от 7 февраля, ставит своей главной задачей недопущение образования в Европе снова, как это было перед войной 1914 года, двух вооруженных лагерей.

Между тем фактически осуществление французской концепции повело бы к образованию на континенте Европы одного вооруженного лагеря, находящегося под командованием французского генералитета, лагеря, который господствовал бы над остальной — обезоруженной, связанной по рукам и ногам — Европой, как над порабощенной областью, как над африканской колонией.

Аналогичная милитарная концепция разделяется и крайними английскими империалистами группы Керзона, которые не прочь были бы втянуть в орбиту великобританского влияния все эти малые державы — Польшу, Румынию, Латвию, Юго-Славию и т. д., и, таким образом, если не утвердить английскую гегемонию в Европе, то во всяком случае ослабить господство Франции на европейском континенте. И надо признать, что за последнее время Англии, действительно, удалось усилить свое политическое и экономическое влияние в целом ряде стран Европы за счет Франции. Но *не в европейской политике лежит центр тяжести империалистических устремлений группы Керзона.* Группа эта опирается прежде всего на представителей *тяжелой* индустрии, равно как промышленного и финансового капитала, вложенного в колониальные предприятия и, вообще, в заокеанские страны. Мы видели уже выше, что на декабрьских выборах, когда консерваторы потерпели поражение во всех городах Англии, только один Бирмингам, город железа и стали, столица металлургической Великобритании, остался верен партии милитаризма и захватнической внешней политики.

Естественно, что британские финансисты, купцы и промышленники, ведущие дела с Индией, Цейлоном, Малайским архипелагом, Западной и Восточной Африкой, Китаем, под-

держивали Керзона и более интересовались вопросом об укреплении Сингапура, чем о Руре, восстановлении Германии, признании Советской России и т. п.

Вот как это формулировал т. «Не-дипломат» в статье, напечатанной в Известиях (1/VIII—23 г.).

«Изменение, которое Керзон вносит в политику Биконсфильда, состоит в том, что эта восточная комбинация связана с отказом от попыток восстановления Центральной Европы.

«Идеи, содержащиеся в практических шагах Керзона, с одной стороны, и Болдуина—с другой, скрывают за собой интересы двух различных групп английского капитализма. За Болдуином стоит торговый и промышленный капитал, который не хочет терять европейских рынков, который считает, что рынки английской империи недостаточны, что китайский и южно-американский рынки, являющиеся об'ектом борьбы английского, американского и японского капитализма, также не смогут заменить европейских рынков, Керзон же представляет политику рантье, помещиков и отчасти промышленности, которая работает для колоний. К этим группам примкнули те представители торгового мира, которые хотят свалить монополию внешней торговли России, и те представители промышленного капитала, которые не соглашаются работать в России на условиях, представляемых им Советской Россией, и пытаются шантажировать ее поддержкой Керзона».

Группа Уркарта, поддерживавшая Керзона, с особой силой повела кампанию против Советской России, после того как Совет Народных Комиссаров постановлением 6 окт. 1922 г. отклонил предварительный договор, подписанный в Берлине 9 сентября 1922 г. Уркартом и Л. Б. Красиным [1]).

Накануне и во время выборов английская буржуазия разбилась на два враждебные лагеря: фритредеров (сторонников свободной торговли) и протекционистов. Таким образом, в Англии возобновился *старый* спор между двумя буржуазными партиями. Болдуин, Чемберлен и другие лидеры консервативной партии доказывали, что только введение покровительственных пошлин для иностранных товаров выведет страну из тупика. В одной из своих предвыборных речей Болдуин заявил, что необходимо принять «решительные меры», чтобы покончить с безработицей, продолжающейся четвертую зиму, и что нельзя дальше равнодушно смотреть, как «гибнет промышленность». Великобритания лишь тогда де полностью ликвидирует безработицу, когда восстановит в прежних размерах свой экспорт, причем все новые источники для английской торговли и промышленности лежат *внутри пределов самой Великобри-*

[1]) О концессии Уркарта см. очень интересную брошюру В. Свердлова: «К вопросу о концессии Уркарта». Изд. Торгово-Промышлен. Газеты. Москва 1923, стр. 38.

танской империи. Болдуин, умерявший в качестве премьера-министра агрессивный империализм Керзона, выступил теперь в качестве пропагандиста самого последовательного империализма. Англия, доказывал он, стоит перед дилеммой: *либо стать еще более агрессивной, еще более милитаристической, либо погибнуть.*

Избирательная программа Болдуина сводилась к следующему: в области военной—постройка новых крейсеров, усиление воздушного флота, укрепление морских баз; а в области экономической—покровительственные тарифы, так называемое «предпочтение для колоний», и другие агрессивные экономические меры, направленные против других стран.

Один из сторонников Болдуина, министр торговли и промышленности Ллойд Гримм, заявил на Британской имперской конференции (20 отк. 1923 г.), что на *Европу расчитывать нельзя даже и в том случае, если условия европейских рынков станут наиболее благоприятными,* ибо восстановление европейской экономики, во-первых, пойдет медленным темпом, а во-вторых, индустриальные возможности многих европейских стран выросли настолько, что Англии придется считаться с сильнейшей конкуренцией.

Таким образом, полное восстановление довоенных торговых сношений Англии с Европой не представляется Ллойд-Гримму возможным, а потому он придавал исключительное значение экономике внутриимперской.

Таким образом, мы видим, что часть английской буржуазии пыталась искать спасения от растущего промышленного кризиса и все усиливающейся безработицы в сооружении китайской стены таможенных протекционных тарифов, охватывающих все рынки стран, входящих в Британскую империю, *в бегстве из Европы* в собственные доминионы и колонии.

В связи с этим стали раздаваться в некоторой части прессы голоса за возвращение к старой политике «блестящей изоляции», за невмешательство, по примеру Америки, в европейские дела.

Это было уже возвращением к идеям отца английского империализма, знаменитого представителя Бирмингама, Чемберлена, который вместе с Сесилем Родсом был главным виновником англо-бурской войны.

Англия, главным источником существования которой была торговля с заграницей, считалась в общем в продолжении последних 70—80 лет классической страной свободной торговли. Но с появлением на сцене воинствующего империализма, особенно в лице Джозефа Чемберлена, четверть века тому назад, в период англо-бурской войны, в Англии начало усиливаться среди буржуазии течение, агитирующее за создание протекционистской стены, ограждающей Англию с ее колониями от конкуренции других стран.

В начале XIX столетия Англия, пользуясь тем, что другие европейские страны заняты были войнами между собой, смогла, благодаря богатству страны углем и господству на море, развить обширную торговлю и особенно текстильную промышленность. Английская промышленность господствовала на всех мировых рынках: в Азии, в Африке и т. д. Она мало боялась конкуренции и потому упорно отстаивала принцип свободной торговли, т.-е. свободного проникновения английских товаров во все уголки мира. Свободно получая сырье для своих фабрик со всех стран света, Англия не особенно интересовалась даже своими колониями и не старалась закрепить их за собой. Но «хлопковый голод», который так больно ударил английскую текстильную промышленность во время северо-американской гражданской войны (в 1864 г.), нанес серьезный удар сторонникам свободной торговли в Англии.

Но особенный расцвет получило протекционистское движение в 80-х годах прошлого столетия, когда тяжелая промышленность Англии увидела в быстро развивающейся промышленности Германии своего опасного конкурента. Германские металлические изделия и машины не только стали вытеснять английские из других стран, но и появились в самой Англии. Центром протекционистов явился город Бирмингам, с металлургической промышленностью которого тесно связан Джозеф Чемберлен. Чемберлен рисовал идеал об'единения империи с колониями в единый таможенный союз, защищенный оградительными тарифами; тогда же Чемберлен старался доказать, как это делает теперь Болдуин, что защитительные тарифы не только улучшат положение промышленности, но и укрепят английскую торговлю, а, главное, устранят безработицу. Но Чемберлен потерпел поражение, так как население испугалось пошлин на хлеб, которыми, главным образом, живет Англия.

Либеральная партия во главе с Ллойд-Джорджем и Асквитом решительно выступила, как «рыцарь свободной торговли», на борьбу с протекционистской программой консерваторов, доказывая, что Англия страдает не от излишка импорта из других стран, а от общего недостатка внешней торговли, что необходимо восстановить мир в Европе и расширить торговлю Англии, и тогда исчезнет безработица, которую Асквит считает «переходящим явлением».

Когда Англия, 66 проц. экспорта которой идет в другие страны, а не в империю, вводит протекционизм, она сама для себя создает зловещие осложнения. Высокие пошлины направлены, главным образом, против Америки и Японии. Что Америка, а также и другие страны примут соответствующие меры, в этом сомневаться не приходится.

В этой борьбе больше шансов на стороне противников Англии. И *если британский капитализм не сможет отстоять свою позицию в общемировом масштабе, то он этого не сможет сделать и в пределах империи.* Каждый новый шаг по пути про-

текционизма обостряет внутренние и внешние противоречия. Каждое новое обложение ввоза обозначает увеличение налогов, усиление эксплоатации масс и обострение классовой борьбы.

Либеральные экономисты доказывали неправильность утверждения Болдуина, будто введение пошлин приведет к сокращению числа безработных. Как раз в тех отраслях промышленности, в которых импорт играет самую большую роль, число безработных незначительно в сравнении с общим числом безработных—1.344.000 чел., так что улучшение положения этой небольшой категории безработных не даст общего улучшения, а введение протекционизма еще более ухудшит положение большинства рабочих. Так, в отраслях промышленности с преобладанием экспорта (судостроительная, угольная, железоделательная и металлическая, текстильная, химическая и т. д.) безработных—696.377; в промышленности, расчитанной на внутренний рынок (строительная, торговая, муниципальная и т. д.), насчитывается 395.000 безработных. Между тем, в промышленности с преобладанием импорта (деревообделочная, кожевенная, масляная, бумажная и т. д.) насчитывается лишь 83.000 безработных.

Что покровительственные пошлины вовсе не означают уменьшения ввоза доказывает то, что, несмотря на введение 33⅓ проц. тарифа на автомобили и т. д., ввоз этих предметов увеличился, а безработица в этих отраслях усилилась. Так, в 1913 г. Англия ввозила 6.820 автомобилей, в 1922г.—14.300. (Соединенные Штаты увеличили за это время производство автомобилей с 190.000 до 2.652.000 в год. И этих успехов они достигли еще до введения покровительственного тарифа Форднея).

Манифест сторонников свободной торговли, подписанный виднейшими английскими банковыми деятелями, подчеркивает, что, «только поощряя экспорт из континентальных стран к нам, мы можем восстановить их кредит и доставить средства для уплаты их долгов нам. Мы не можем ограничить импорта в Англию, не ограничивая нашего экспорта и не нанося тяжелого удара нашей мировой торговле, от которой наша страна больше всего зависит».

МИРАЖ САМОДОВЛЕЮЩЕЙ ИМПЕРИИ.

В своей полемике с сторонниками протекционизма либералы ссылались, между прочим, на заключение специальной комиссии для выяснения вопроса о возможности существования замкнутой внутри — имперской экономической системы. Эта комиссия, назначенная федерацией британских промышленников, рассеяла в умах сотен тысяч английских обывателей *мираж самодовлеющей империи.*

Стремление к самодовлеющей империи вызывалось безнадежностью быстрого восстановления мировых торговых связей,

разрушенных войной. Британская промышленность обнаружила все признаки хирения, и в поисках спасения федерация попыталась решить вопрос: нельзя ли эмансипироваться от гниющей Европы и замыкающейся внутри себя Америки и противопоставить им замкнутую Британскую империю, разбросанную по пяти континентам и семи морям.

Доклад комиссии в существенной части сводится к следующему:

«*Мысль о том, что экономические затруднения английской метрополии могут быть всецело устранены быстрым развитием торговли с колониями и доминионами, должна быть оставлена.* Пропорция между внутриимперской и международной торговлей за эти 10 лет ничут не изменилась. *Английское производство приспособлено для стран с белым высокоцивилизованным населением.* Между тем, подавляющее большинство населения британских колоний принадлежит к цветным расам, находящимся на сравнительно низкой ступени развития. В силу этого *торговля с колониями не может заменить собой торговли с Европой.*

«Одновременно с этим колонии, хотя и являются преимущественно источником сырья, стремятся, однако, развить самостоятельное фабричное производство. Эти стремления должны поощряться. Можно только рекомендовать британским капиталистам принять максимальное участие в этих нарождающихся производствах. Вывоз товаров из Англии должен смениться экспортом капитала.

«Далее. Сырье, производимое колониями, не может быть полностью поглощено внутриимперскими потребностями и нуждается в международных рынках. Полное развитие имперской промышленности в целом зависит от восстановления нормальных условий в других частях мира, являвшихся в свое время крупными покупателями колониального сырья. Иными словами, империя не может замкнуться внутри самой себя в качестве самодовлеющей единицы; промышленность—всемирно переплетающийся акт, и *до тех пор, пока Европа не будет восстановлена, нельзя ожидать быстрого роста внутриимперской торговли*».

Сам президент федерации британских промышленников Джедз выступил, с своей стороны, с решительным заявлением, что Англия, как страна, живущая экспортом, «всего тяжелее страдает от настоящего положения дел в Европе». Безработица,—доказывал он,—является прямым следствием этого. Английские промышленники, купцы и банкиры должны проявить крайнюю настойчивость в указании правительству на то, что «самые трудные проблемы Англии растают, как туман от солнца, если Европа будет приведена в устойчивое состояние». Важно отметить, что эта задача представляется самой необходимой для тех, кто стоит во главе английских финансов и индустрии.

В своей бредфордской речи Джедз повторяет аргументы, выставленные Мак-Кенна еще в январе, о невозможности эко-

номического самодовления Британской империи, вследствие того, что экономические интересы всех стран тесно переплетены между собой. Он иллюстрирует это примером, взятым у Мак-Кенна, о довоенных торговых отношениях между Индией, Германией и Англией: неблагоприятный баланс по торговле с Германией Англия покрывает за счет экспорта в Индию, превышающую ее импорт оттуда, последняя же получала средства на покупку английских товаров, продавая свое сырье в Германию.

Програма политического и экономического ухода Англии из Европы и концентрации всех усилий на создании самодовлеющего хозяйства Британской империи потерпела на выборах 1923—1924 г. решительное поражение. Сторонники азиатской и заокеанской политики были разбиты и отступая перед натиском сторонников ориентации на Европу.

Эта точка зрения необходимости восстановления Европы, в первую голову России и Германии—для спасения Англии от все обостряющегося кризиса и уменьшения количества безработных, число которых достигло цифры 1½ миллиона, нашла горячих сторонников не только среди многочисленной части буржуазии метрополии, но и в самих доминионах. Так, на заседании имперской британской конференции в октябре 1923 г. премьер Южной Африки ген. Сметс выступил с нашумевшей речью, в которой он, резко критикуя милитаристическую политику Франции, разрушающую хозяйство Европы, требовал от английского кабинета сильной и положительной политики *в деле экономического восстановления Европы* и решительной борьбы с мировым торговым кризисом. Выступление Сметса было поддержано остальными делегатами доминионов. Сенсацию вызвало выступление ирландского премьера Косгрева, который горячо поддерживал требование Сметса.

Речь Сметса явилась лишь ярким выражением той точки зрения на «*европейскую проблему*», на которой стояли значительные круги буржуазии не только в метрополии, но и в английских доминионах и колониях. Экономическое благосостояние и мощь Британской империи, ее цветущая внешняя торговля в течение столетий покоилась на двух гранитных столбах: с одной стороны, на товарообороте с европейскими странами, с каждым десятилетием пред'являвшими все больший и больший спрос на английские товары [1]), а в течение последних десятилетий и на английские капиталы, шедшие на создание различных предприятий не только в Испании, Италии, Австро-

---

[1]) Накануне мировой войны Англия экспортировала в одну Германию товаров в круглых цифрах на 41 мил. фунт. стер., т.-е. на сумму, равную английскому экспорту в Китай (15 милл. ф. стерлингов), Японию (15 милл. фунт. стерлинг.) и Египет (10 милл. фунт. стерлинг.). (См. «Ежегодник Коминтерна», 1923, стр. 573). Что касается торговли с Индией, английский ввоз в эту страну за последние годы падает: 1920 г.— 184 милл. ф. ст., 1921 г.— 111 милл. ф. ст., 1922 г.— 92,2 милл. ф. ст.

Венгрии, на Балканах, в России, но даже в таких странах, как Франция, Голландия, Швеция и даже Германия; с другой стороны, на экспорте товаров и капиталов в заокеанские страны. Само собой разумеется, что план — уйти из Европы и наверстать потерянное на усилении торговли с заокеанскими странами — являлся чистейшей утопией, и ни один здравомыслящий экономист не мог признать подобного решения выходом из положения. С потрясением одного из двух столбов, на которых держалось промышленное здание Великобритании, последнее, естественно, должно было выйти из состояния устойчивого равновесия и очутиться перед опасностью полного разрушения.

Поражение консерваторов на выборах 1923 г. и образование нового кабинета Макдональда, находящегося под сильным влиянием либеральной партии, обеспечившей «рабочему правительству» победу над консерваторами, должно было повлечь сдвиг в английской внешней политике: *перемещение центра тяжести Великобританской мировой политики на европейский континент* с сохранением старых позиций в Азии и Африке. Выше мы цитировали уже слова Макдональда, когда он еще не был премьером, во время керзонского наступления на Советскую Россию, о необходимости борьбы с анти-британской агитацией в Азии. Конечно, от деятеля II Интернационала было бы наивно ожидать сочувствия или, тем более, помощи борьбе угнетенных народов Азии или Африки за свое освобождение. Вот что мы писали уже об этом в нашей работе «Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационала»:

«Второй Интернационал по самой природе своей не был способен поддерживать революционное движение среди угнетенных народов в Марокко, Алжире, Тунисе, Малой Азии, Персии, Индии, Египте и т. д. Тем более был неспособен он взять на себя инициативу в деле революционизирования черного и желтого континента и даже, попросту, в деле пропаганды освободительных идей среди многострадальных народных масс Азии и Африки. Второй Интернационал не хотел и не хочет знать Востока с этой стороны. Конечно, на словах деятели II Интернационала позволяли себя осуждать колониальную политику своих правительств и выпускали даже порой в Париже, Лондоне или Берлине, книги и брошюры на эти темы, в роде книг Шарля Дюма и т. п., но никогда все эти господа не переводили все эти книги и брошюры на туземные языки и писали на колониальные темы просто для того, чтобы обратить на себя внимание в метрополии, в парламентских кругах, вообще, или в социалистической партии, в частности. На деле все эти ярые защитники туземцев поддерживали колониальную политику своих правительств. Когда получались известия об армянских погромах в Турции, европейские социалисты охотно устраивали демонстрации, организовывали грандиозные митинги протеста против кровавого султана. Но когда

французское правительство год за годом посылало новые и новые войска в Марокко и вырезывало мусульманские племена, социалисты II Интернационала молчали. Так же поступали английские социалисты по отношению к зверствам в Индии, к удушению Персии, к порабощению Египта, к массовому избиению и кровавым оргиям английских войск на черном континенте.

Более того, находились социалисты в роде Лагрозирьера и др. члены партии, делегаты всяких социалистических национальных и интернациональных конгрессов, открыто защищавшие колониальную политику, оправдывавшие последнюю необходимостью «приобщения туземцев к благам цивилизации и прогресса».

Совершенно неосновательно накануне образования в Англии рабочего правительства во главе с Макдональдом желтая «Дейли Мейль» пугала в передовой статье от 3 января 1924 г. английского обывателя гибельными последствиями для сохранения английского господства в Индии в результате перехода власти в метрополии в руки одного из виднейших представителей II Интернационала. Газета напоминает, что Макдональд 26 июня 1923 г. на конференции британских доминионов поддерживал проект об особом статуте для Индии, который повел бы за собой «индианизацию» армии и правительственных учреждений, лишив, таким образом, службы английское население в Индии. «В Индии, — говорит в заключение газета,—накопилось столько взрывчатого материала, что допустить к власти в нашей стране социалистическое правительство было бы то же самое, что бросить огонь в пороховой погреб».

Однако, мы видим, что, как только Макдональд стал во главе правительства Англии, он счел долгом открыто выступить с прямыми угрозами по адресу индийских революционеров. В телеграмме, посланной им в Индию и напечатанной в «Таймсе» от 26 января 1924 г., мы читаем:

«*Временами я с немалой тревогой слежу за ходом событий в Индии.* В течение всей моей политической деятельности я основывался на твердом убеждении, что прочный базис для прогресса может быть обеспечен только конституционным путем. *Наше поколение пережило разные виды революционного движения, на первый взгляд казавшиеся успешными*, которые порвали было все узы с прошлым, но которым впоследствии, после многих тяжелых испытаний, пришлось восстановить расторгнутые узы и вернуться к тем же принципам, которые они сами отвергли.

Я могу сказать, что *для Индии не будет никакой надежды, если она станет ареной борьбы между конституционализмом и революцией. Ни одна партия в Великобритании не поддастся угрозам насилия или политике, которая желает привести правительство к параличу;* если некоторые группировки в Индии

находятся под ложными впечатлениями, что это не так, то события их весьма горько разочаруют. Я настойчиво рекомендую всем лучшим друзьям Индии притти к нам поближе вместо того, чтобы оставаться в стороне.

Я с горечью констатирую наличие отсталости во взглядах у некоторых групп, но пусть никто не смешивает причины и следствия. *Обращение к революционным методам, будь это методы активные или пассивные, обычно влечет за собой реакцию, которая сметает со сцены людей и партии с самыми искренними намерениями,* между тем как обе борющиеся между собой формы реакции, левая и правая, грызут друг друга, покуда они обе не покажут свою полную несостоятельность.

Я знаю, что сближение и благожелательность должны быть взаимными. Мое обращение направлено поэтому не только к индийцам, но также и к английским властям».

Заметим, что другой член «рабочего правительства», видный представитель и теоретик независимой партии, канцлер казначейства (министр финансов) в кабинете Макдональда, Сноуден, еще до образования первого рабочего правительства в Англии пытался обосновать право Англии господствовать над Индией, африканскими колониями и т. д. В своей книжке «Если рабочие будут править» Сноуден доказывал, что «Британская империя — это факт», а потому о расчленении империи могут говорить только экстремисты. Рабочее правительство должно обеспечить всем народностям, подвластным Великобритании, гуманное правление под руководством Англии до приведения их в культурное состояние, когда они смогут сами собой управляться.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОСЛОЖНЕНИЯ.

Отказ от программы политического и экономического ухода Англии из Европы обозначает вместе с тем дальнейшее обострение англо-французского конфликта. Англия не примирится с планами французской гегемонии в Европе, с образованием германо-французского концерна тяжелой промышленности и будет бороться против сосредоточения в руках французских империалистов и пресловутого «Comité de forges» колоссальных железных и угольных богатств путем аннексии Рура и расчленения Германии. Подобно тому, как накануне мировой войны, в эпоху Эдуарда VII и Сердечного Соглашения английская дипломатия вела политику окружения Германии, теперь та же политика будет применяться к главному ныне врагу Англии на европейском континенте, именно к Франции.

В течение последних лет противоречие между английской (Ллойд Джордж) и французский (Пуанкаре) политикой в европейском вопросе заключалось в следующем: Франция требовала, во-первых, в вопросе о репарациях полного возмещения Германией ее долга Франции, определенного Верховным Сове-

том в 99 миллиардов марок золотом[1]), во-вторых, гарантии военной безопасности Франции против возможной опасности со стороны Германии в будущем, гарантии путем оккупации французскими войсками левого берега Рейна. Основная цель Франции заключалась в расчленении Германии и низведении последней на степень второстепенного государства.

Англия находила, что при нынешнем экономическом кризисе разделение Европы на два лагеря — союзников (Англия, Франция, Италия и т. д.) и врагов (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Болгария и т. д.) — неизбежно ведет Великобританию к экономическому крушению, препятствуя открытию довоенных рынков, от которых зависит само существование британского народа. С другой стороны, по мнению английских государственных деятелей, французская политика, клонящаяся к продлению такого положения вещей, при котором Европа оказывается разделенной на два лагеря, является угрозой не только для самой Франции, питая идею немецкого реванша, но и для всех других государств, и одновременно служит непреодолимым препятствием к возобновлению коммерческих сношений, открытию рынков и возрождению английской и, вообще, мировой торговли.

Как констатировала сама французская печать (см., например, «Revue Bleue» 1922, № 2), французская политика вызывает возбуждение против Франции во всей Европе, «так что порой не отличишь по враждебному тону по отношению к Франции английские, швейцарские, итальянские, голландские, скандинавские газеты от газет немецких». Английские газеты нередко печатали статьи на тему: «Франция против всего мира». Все журналисты старого и нового света — жалуется «Revue Bleue» — убеждены в существовании французской опасности, французского империализма, угрожающего сохранению международного мира.

«Одна только Франция своей непрекращающейся злобой, своими затаенными стремлениями к захвату Рейна, к гегемонии над центральной Европой, своей жадностью и своей протекционной системой, мешает восстановлению всеобщего мира в Европе, установлению порядка, возобновлению товарооборота, организации производства и под'ему производительных сил во всем мире; она одна, в силу своего реакционного духа и своекорыстных интересов, препятствует экономическому возрождению России».

---

[1]) Общая сумма германских долгов определялась по Версальскому договору в 223.5 милл. марок золотом, в том числе Франции 99 миллиардов, Англии — 54, Италии — 27, Бельгии — 16,5. Японии — 1,5, Румынии — 14, мелким государствам—11,5. Таким образом, германский долг Франции равняется приблизительно 45 % всего немецкого репарационного долга. По настоянию английского правительства, сумма германских долгов была значительно понижена, именно определена в 132 миллиарда марок.

Вот тема, которую, по словам французской прессы, развивает не только английская, но вообще вся европейская и американская печать. Однако, тот же журнал «Rêvue Bleue», который констатировал враждебное отношение всей европейской буржуазной печати к современной французской политике, подчеркивал, что Франция от этой политики, как единственно правильной, не может отказаться. Военная безопасность Франции может быть-де гарантирована только занятием левого берега Рейна, оккупацией Рура, образованием независимой или находящейся под протекторатом Франции Рейнской области, оборонительно - наступательным союзом с Бельгией и сохранением англо-французского соглашения, которое даст возможность двум наиболее передовым народам подчинить своему протекторату весь мир. Однако, английские политики прекрасно понимают, что, если французские империалисты говорят о необходимости соглашения с Англией для утверждения англо-французского протектората над Европой, то фактически Франция стремится к гегемонии над европейским континентом. И, вообще, вся прошлая история показывает, что всякого рода переговоры правительств двух стран о полюбовном разделе всего земного шара между ними приводили неизбежно к войне между этими странами.

Влиятельная часть английской буржуазии стремится прежде всего к восстановлению мира в центральной и восточной Европе. Именно так формулировал уже во время Генуэзской конференции задачи Англии дипломатический сотрудник «Дейли Телеграф», официоза английского министерства иностранных дел в статье от 8 февраля, где подчеркивалась необходимость разрешить целый ряд политических и экономических вопросов в восточной и юго-восточной Европе.

Англия заинтересована в экономическом возрождении не только России, но и Австро-Венгрии. Целый ряд органов английской прессы, как, например, «Вестминстерская газета», указывали на необходимость уничтожения экономических барьеров и проволочных заграждений между Австрией, Венгрией и Чехо-Словакой, препятствующих возрождению этих стран, и настаивали на отмене соответствующих пунктов мирных трактатов с Австрией и с Венгрией.

В соответствии с этой точкой зрения Асквит, говоря от имени своей партии на торжественном обеде в Кобденском клубе, выразил сожаление, что союзники не остались верны принципу свободной торговли и не навязали в качестве основного усилия государствам, родившимся из прежних монархий, обязательства организовать свою хозяйственную жизнь на базе полного экономического единства.

Итак, мы видим, что английская и «французская» концепции все более и более сталкиваются. Многие английские государственные деятели, выдающиеся представители английской

буржуазии начинают все более и более ясно понимать все бессмыслие Версальского мира, обрекающего центральную и восточную Европу, стало быть, и самую Англию, на нищету и обостряющийся промышленный кризис. Английская буржуазия все более и более проникается сознанием, что блокированная, отрезанная экономически от Европы Россия, находящаяся под сапогом французского жандарма Германия, разбитая на части бывшая Австро-Венгерская империя не могут являться выгодными рынками для Англии, как это было до войны. Россия должна быть вовлечена в мировой товарооборот, Германия должна быть освобождена от французского пресса, не дающего ей возможности свободно вздохнуть; государства, образовавшиеся на развалинах старой Австро-Венгерской империи, должны вновь образовать одно экономическое целое. Итак, во имя спасения самой Великобритании от полного экономического кризиса. Англия должна стремиться к уничтожению всех результатов Версальского мира, к восстановлению сильных экономических единиц на европейском континенте, которые могли бы составить солидную базу для воссоздания английской мировой торговли и промышленности, не могущей развиваться без прогрессирующего товарообмена с Европой.

Наоборот, Франция Пуанкаре и особенно Мильерана, представителя французской тяжелой индустрии с ее милитаристическими тенденциями, стремится к расчленению Европы на ряд враждующих между собой и слабых экономически государств, находящихся в финансовой кабале у Франции и связанных, по планам последней, друг с другом лишь в той мере, в какой подвластные колонии, имеющие одного господина, связаны между собой лишь волей и своекорыстными интересами последнего.

Недаром французские буржуазные политики отнеслись с такой антипатией к самой идее созыва Генуэзской конференции с участием России и Германии. Как писала «Опинион» в статье от 8 февраля, Генуэзская конференция, еще более чем Вашингтонская, грозит Франции той опасностью, что она окончательно укрепит во всем мире мнение об исчезновении французского идеализма и укрепит легенду о французском империализме.

По словам французской прессы, перед конференцией в Генуе, на секретном свидании в Булони, Пуанкаре и Ллойд-Джордж пришли к полному соглашению по всем основным вопросам, которые будут затронуты на Генуэзской конференции. Как рассказывает влиятельная французская консервативная газета «Журнал де Деба», Ллойд-Джордж в своей беседе с Пуанкаре несколько раз просил последнего не забывать, что *в Англии имеется два миллиона безработных, и что этот экономический кризис является главной причиной, заставляющей Великобританию так интересоваться вопросом об эконо-*

мическом возстановлении всей Европы и в особенности России[1]).

Ллойд Джордж напомнил Пуанкаре, что в критический для Франции 1914 год Англия, не колеблясь ни минуты, пришла на помощь всеми своими силами Франции, и что при данных тяжелых для Англии условиях Франция, в свою очередь, должна притти на помощь. На это Пуанкаре ответил, что Франция помнит о великой помощи, оказанной ей Англией в годы опасности, и сделает теперь все от нее завивсящее, чтобы помочь Великобритании в борьбе с безработицей.

Однако, эти клятвы о вечной дружбе кончились все-таки тем, что Ллойд Джордж, как констатировала с радостью английская пресса, отказался подписать противоречащие английским традициям военные обязательства, которые связали бы Англию в империалистических интересах Франции, и, с другой стороны, тем, что Пуанкаре добился, как торжествующе подчеркивала французская печать, снятия с порядка дня Генуэзской конференции двух неприятных Франции вопросов, именно о репарациях и пересмотре Версальского, Сен-Жерменского, Трианонского и других договоров, подписанных в результате мировой войны. Таким образом, те основные вопросы, в которых ярко проявляется противоречие англо-французских интересов, не обсуждались на Генуэзской конференции. Однако, снятие определенных вопросов еще никогда не вело к разрешению последних.

Генуэзская конференция не ослабила англо-французского антагонизма. В рамках капиталистического строя Англия и Франция, подобно Америке и Японии, несмотря на всякого рода соглашения и конференции, с фатальной силой движутся по той же роковой дороге, по которой в период, предшествовавший мировой войне, увлекались стихийным роком экономи-

---

[1]) Следует указать, что некоторые французские публицисты советовали предупредить Англию и сблизиться с Россией и Германией раньше, чем это сделала Англия. Так, на с'езде радикальной партии в Марсели (1922 г.) марсельский журналист Одибер внес в резолюцию о возобновлении фактических сношений с Советской Россией поправку, в которой рекомендовалось «*как средство покончить с финансовым и экономическим кризисом — франко-германо-русское сближение*». Предложение Одибера вызвало протесты собрания... «Политику не менять, как этикетку, заявил Рипо: это политика войны, а не мира. Наш враг—бош, наш друг—англичанин». Затем на выручку подоспел глава партии Эррио, который сказал: «Союзы также иногда бывают причинами войн, наша интернациональная доктрина основана не на том или другом союзе, а на Лиге Наций». Закончил Эррио указанием, что «надо взыскать долги с Германии—без всякого снисхождения с германских капиталистов, а германский народ допустить в Лигу Наций.»

Предложение «предупредить» Англию не нашло отклика в правящих кругах Франции. Французские империалисты надеялись, что им удастся не допустить сепаратного выступления Англии и других государств в вопросе о признании СССР, но эти рассчеты французской реакции не оправдались.

ческих законов Англия и Германия, Германия и Франция, т.-е. навстречу вооруженному конфликту.

После-генуэзский период отнюдь не улучшил англо-французских отношений. Оккупация Рура, поддержка Францией сепаратистского движения в Рейнской области возбудила против Франции широкие слои английской буржуазии[1]). Речь Сметса и отклик, который она нашла в Австралии и Канаде, показали, что английские доминионы в лице правящих классов начинают относиться к Франции так, как накануне мировой войны они относились к Германии.

Что касается вообще тона английской прессы по отношению к Франции, достаточно сослаться хотя бы на статью Августа Говена в «Журнал де Деба» от 23 января 1924 г., где автор жалуется на то, что английская печать в борьбе с Францией использует «чисто немецкие приемы», и что многие статьи в английских газетах, например, в самом влиятельном органе, «Таймсе», могли бы быть подписаны немцем.

ПРИЗНАНИЕ СССР АНГЛИЕЙ И ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО АКТА.

В происхождении мировой войны 1914—1918 г.г. роль главнейшего фактора, как известно, сыграл англо-германский конфликт. В необычайном усилении вооружений послевоенного периода, в подготовке будущей войны все большую и большую роль начинает играть англо-французский антагонизм. Не подлежит сомнению, что противоречие интересов правящих кругов после-военной Англии и Франции гораздо глубже, чем то противоречие, которое разделяло до-военную Англию и Германию.

В англо-французском конфликте речь идет не только о борьбе за гегемонию на европейском континенте, за важнейшие позиции в Азии и Африке. Как мы уже подчеркивали выше, противоречие англо-французских интересов ставит в порядок дня вопрос о двух концепциях, двух направлениях международной политики современных капиталистических держав. Суть *хозяйственной* концепции английских либеральных кругов заключается в признании той истины, что экономический кризис, безработица, свирепствующие во всем мире, и обостряющиеся с каждым днем, могут быть ослаблены лишь экономическим сотрудничеством между всеми европейскими странами с включением Советской России и побежденной Германии в европейский концерт держав.

Это программа, которую, начиная с обнаружившегося уже давно банкротства Версальского мира, защищают буржуазные экономисты и государственные деятели: Кейнс, Кайо, Нитти,

---

[1]) Более подробно об обострении англо-французских отношений в связи с оккупацией Рура см. нашу книгу: «Империализм». Изд. «Красная Новь», стр. 273 — 287.

программа, которую правда, нерешительно, пытался провести в жизнь Ллойд Джордж.

Между программой Пуанкаре и Мильерана, с одной стороны, Ллойд Джорджа, Макдональда и т. д., с другой,—нет и не может быть примирения. Не для того Англия воевала с Германией, чтобы на место последней создать на европейском материке еще более сильного, в военном и экономическом отношении, еще более опасного для Великобритании соперника в лице вооруженной до зубов Франции, опирающейся на такой мощный хозяйственный базис, как угольножелезный район Брпейского, Эльзас-Лотарингского, Саарского и Рурского бассейнов. И поражение консерваторов на декабрьских выборах, падение кабинета Болдуина — Керзона, обозначало прежде всего — отказ Англии от ухода из Европы, решительный шаг на пути вмешательства Англии в европейские дела, начало новой борьбы с Францией, борьбы против планов гегемонии последней на европейском материке.

Отказ правительства Макдональда от проекта укрепления Сингапурской базы, принятого прошлой палатой, обозначает лишь, что в данный момент Англия уменьшает новые расходы на усиление своей военной мощи в Азии и переносит центр тяжести своего внимания на укрепление своей силы в Европе, на увеличение своего воздушного флота, своих атлантических и средиземных эскадр, на оборону берегового побережья для подготовки к будущей войне.

Образование в Англии «рабочего правительства» с Макдональдом во главе не могло, конечно, улучшить англо-французских отношений. В начале марта 1924 г. английское министерство иностранных дел опубликовало письма, которыми обменялись Макдональд и Пуанкаре по вопросу об англо-французских отношениях. В своем письме от 21 февраля Макдональд подчеркивает опасность французской империалистической политики с точки зрения сохранения европейского мира, указывает, что *Франция виновна в разрушении европейских рынков*, что Франция не платит своих долгов, но за то дает военные займы новым государствам центральной Европы, в целях создания своей гегемонии на континенте. Франция пытается выйти за пределы Версальского мира и захватить не только левый берег Рейна, но и Рурский бассейн. Она строит воздушный флот против Англии, создает в лице Малой Антанты систему военных союзов, явно направленную против Англии. Своей репарационной политикой Франция усиливает международный экономический хаос, создавая, таким образом, громаднейшие затруднения для английского экспорта.

— В английских общественных кругах считают,—указывает Макдональд, — что Франция, вопреки постановлениям Версальского договора стремится создать положение, при котором она могла бы добиться тех выгод, которых ей не удалось

выговорить во время мирных переговоров. «Английское общественное мнение, — пишет Макдональд, — считает, что такая политика лишь усиливает неопределенность существующего положения и *содержит в себе угрозу сохранению мира* и, в конечном счете, вредит стремлениям Франции гарантировать свою безопасность». Макдональд указывает, что надежды, возлагавшиеся Францией на применение репрессий к Германии в целях получения репараций, не оправдались, и что трудности, стоявшие перед французским правительством в 1921 г., не устранены и ныне. Макдональд подчеркивает, что положение Англии существенно отличается от положения Франции, ибо Англии не грозит никакой опасности ни с моря, ни с суши.

«Не так обстоит дело с нашим экономическим положением,—гласит далее письмо.—Оно серьезно пострадало, конечно, не от неуплаты Германией репарационных сумм, но от систематического разрушения европейских рынков, что вызвано неопределенностью взаимоотношений между Францией и Германией. Английский народ с тревогой следит за деятельностью французского правительства, которую он оценивает, как *стремление разорить Германию и обеспечить себе гегемонию на континенте, не считаясь с интересами нашей страны* и с возможными последствиями такой политики.

Английский народ опасается милитаризация Франции и с тревогой следит за созданием баз французского военного воздушного флота не только на Востоке, но и на Западе. «Нас смущает также интерес, проявленный Францией к военной организации новых государств Центральной Европы. Возникает вопрос, почему деятельность военных министерств этих стран финансируется фрацузским правительством, в то время как британский плательщик налогов должен ежегодно изыскивать средства для покрытия 30 миллионов фунтов стерлингов в год, составляющих проценты на заем, заключенный в Америке, когда часть этих платежей могла бы быть покрыта Францией в счет ее долга нам. Франция не только не пыталась сделать этого, но даже не высказывалась по этому поводу. По моему мнению, вот эти обстоятельства и ухудшили взаимоотношения между Францией и Англией. Я хочу от всей души, чтобы мы совместно смогли доказать неосновательность этих опасений».

Макдональд подчеркивает, что препятствием к соглашению является различие точек зрения Франции и Англии по вопросам оккупации Рура и Рейна, а также по пфальцскому вопросу. *Наши точки зрения расходятся по самым основным пунктам.* Французский народ жаждет безопасности. Английский народ стремится к тому же. Но в то время, как Франция под безопасностью подразумевает, главным образом, обеспечение от нападений Германии, британское правительство смотрит на

этот вопрос шире. *Мы хотим гарантий против новой войны.* По моему мнению, проблема безопасности не является исключительно проблемой Франции; это проблема европейская, в разрешении которой одинаково заинтересованы как Англия, так и Германия, Польша и Чехо-Словакия, Венгрия и Юго-Славия, СССР и Румыния, Италия и Греция.

Французский народ хочет уплаты репараций, но он рассматривает этот вопрос, главным образом, как конкретное возмещение Германией за материальный ущерб, понесенный Францией. Английский народ также стремится к восстановлению разрушенного войной. Но это восстановление понимается им более широко, а именно, *как восстановление разрушенных рынков, восстановление покупательной способности, морской и международной торговли, уничтожение резкого* колебания валюты и разрешение вопроса о безработице.

В своем ответе Макдональду Пуанкаре пытался рассеять все опасения английского премьера. По мнению Пуанкаре, при взаимной доброй воле недоразумения могут быть рассеяны без больших затруднений. Он хотел бы рассеять опасения Англии относительно французского правительства, и отрицает какое бы то ни было намерение захватить германские области, равно как и установить французскую гегемонию в Европе. Далее он указывает, что *вооружение Франции, равно как и усиление воздушного флота, имеет целью исключительно обезопасить Францию от германского реванша*, и что французская политика по отношению к Малой Антанте диктуется исключительно желанием сохранить мир. Займы, предоставляемые Малой Антанте, указывает Пуанкаре, не являются препятствивем для уплаты Францией ее долгов, ибо эти займы были даны под определенные гарантии.

Само собою разумеется, что уверения Пуанкаре, будто громадный французский воздушный флот имеет единственной целью защитить Францию против безоружной Германии никого в Англии не убедили. На-ряду с усилением французского воздушного флота, превосходящего, по вычислениям английских специалистов, в *пятнадцат раз* воздушный флот Англии, сильную тревогу в некоторых кругах Англии возбуждают сведения о военных приготовлениях Франции, заключающихся в установке в двух пунктах французского побережья *дальнобойных* орудий, которые могли бы обстреливать английский берег. По поводу этих, столь опасных для Англии таинственных вооружений Франции на пебережье, отстоящим столь близко от английской территории, был сделан запрос в Палате Общин депутатом Ганноном, предложившим Макдональду запросить французское правительство о назначении этих дальнобойных батарей. Вместе с тем, английская пресса обратила внимание на лихорадочные работы, которые производятся в последнее время по укреплению бельгийского побережья,

в частности, в Зеербюгге, где сооружаются пловучие доки и устанавливаются защитные причалы для подводных лодок. Эти работы были начаты Германией во время мировой войны и были напарвлены против Англии, теперь они возобновляются Бельгией. Возникает опасение, что все эти приготовления совершаются на основании тайной франко-бельгийской военной конвенции и производятся за счет Франции, которая стремится превратить бельгийское побережье в новую морскую базу для действий против Англии в предстоящей войне.

Английская пресса обращала внимание и на то обстоятельство, что бельгийский флот всецело находится под французским влиянием. Обучение бельгийских матросов происходит в Брюгге на *французском* школьном корабле. Офицеры бельгийского флота обучаются на французских военных судах. Самый законопроект о реорганизации порта Зеербюгге, устройство которого обошлось в 75 миллионов франков, предусматривает уступку этих сооружений брюссельскому банку, тесно связанному с пресловутым комитетом горнозаводчиков (Comité de forge) во Франции, руководящим всей французской империалистической политикой и вооружением III-ей республики.

По сообщениям «Юманите» между Бельгией и Северной Францией, предполагается построить новые стратегические железнодорожные линии.

Конечно, нельзя сказать теперь, против кого будут направлены в будущей войне бельгийские вооружения, против Англии или против Франции. Военная конвенция между Австрией и Германией, подписанная румынским королем, не помешала Румынии перейти на сторону Антанты и воевать со своими вчерашними союзниками, равным образом, военный союз Италии с Австрией и Германией не помешал войне Италии против центральных держав на стороне Антанты. Как бы то ни было, работы по укреплению бельгийского побережья к созданию новой морской базы на Северном море, очевидно, направлены против Англии.

Само собой разумеется, что рабочее правительство Макдональда, в свою очередь, продолжало прежнюю политику вооружений и усиленно готовится к войне с Францией. Эта подготовка прежде всего выражается в усилении английского воздушного флота. На заседании Палаты Общин от 20 февраля 1924 г. бывший министр воздушного флота сэр Самюэль Хор внес резолюцию, в которой подчеркивал, что принцип старого правительства, руководившегося в вопросе об обороне страны планом создания сильного воздушного флота, который мог бы оказать противодействие воздушным силам более сильной державы, должен оставаться нерушимым. При этом Хор сослался на известные уже данные о соотношении между воздушными силами Франции и Англии и предложил рабочему правительству руководствоваться планом Бонар Лоу, который

предусматривал постройку шестисот машин первого класса, в составе 52 воздушных эскадр.

Хору отвечал товарищ министра воздухоплавания Вильям Лич, который указал, что несоответствие между воздушными силами Англии и Франции не может быть вменено в ответственность рабочему правительству, ибо несоответствие это есть наследство, полученное им от прежних правительств. Рабочее правительство, однако, не намерено поддаваться из-за этого панике, ибо оно руководится-де иными принципами в сношениях с иностранными державами. Вместе с тем, министр указал на безтактность заявления о *необходимости для Англии иметь воздушный флот, равный воздушным силам наиболее сильной соседней державы*, ибо такой державой является Франция, с которой Англия находится в дружбе. Очевидно, Вильям Лич предпочитает держаться тактики Гамбетты, который когда-то сказал по поводу французских стремлений к реваншу, выразившихся в речах и статьях о «расщелине в Вогезах»: «*Будем об этом всегда помнить, но никогда не говорить*». Нужно всегда думать о французской опасности, готовиться к войне с Францией, но поменьше кричать об этом. И английское правительство, уверяя весь мир в своем миролюбии, готовности «разоружиться» и т. д., усиливает свой воздушный флот. Расходы на воздушный флот в Англии составляют в текущем году 14.500.000 ф. ст., т.-е. на 2½ миллиона больше, чем в прошлом году. В настоящее время, воздушный флот Англии состоит всего из 10 эскадрилий внутренней защиты, которые за текущий год должны быть увеличены до 18-ти, причем за период 1925—26 г.г. предположено сооружение еще 6 эскадрилий. Помимо того, предполагается создание специальных запасных эскадрилий. Наличный состав экипажа воздушных эскадрилий будет доведен до 35.000 человек.

Громадный перевес Франции над Англией в области воздушного вооружения, давно уже тревожит правящие круги Великобритании. В речи, произнесенной в Палате Лордов 12 июля 1923 г., лорд Грей заявил, что он приветствует готовность правительства обсудить вопрос о взаимном сокращении расходов на вооружение, но признает, что у правительства нет другого выбора, как приступить к увеличению воздушных сил Англии. «Положение Англии,— сказал Грей,— особенно опасно в отношении возможности нападения на нее неприятельского воздушного флота. Предположим, что на Лондон вчера ночью было сделано такое нападение. При теперешнем положении обороны трудно сказать, каково было бы положение правительства. Расходы на воздушный флот, главным образом, преследуют цель обороны, но они знаменуют собой начало новой конкуренции в области вооружения. Мы должны соразмерить мощь нашего воздушного флота *с мощью силь-*

нейшей в этом отношении державы, находящейся в непосредственной от нас близости».

Грей в дальнейшем открыто указал, что этой державой является Франция, с которой начинается конкуренция по вооружению. «*Если эта конкуренция,*— сказал Грей,— *будет продолжаться, то она несомненно, приведет к более ужасной войне, чем последняя.* Англия может погибнуть, если она окажется не в состоянии защитить себя, но если конкуренция в области вооружения будет продолжаться, то погибнет вся Европа». Перейдя затем к вопросу о расходах на учреждение морской базы в Сингапуре, Грей продолжал: «В Тихом океане только две великие морские державы: Америка и Япония. Американцы понимают, что расходы в Сингапуре не направлены против Америки. Следовательно, в действительности, мы руководимся возможностью будущей войны с Японией. Допуская даже эту возможность, спрашивается, являются ли расходы в Сингапуре действительно необходимыми и существенными. Война имела бы расовый характер, вследствие чего, Америка выступила бы совместно с Англией. Учреждение морской базы в непосредственной близости от зоны, в которой это воспрещено вашингтонским соглашением, может только повлечь за собой аналогичные выступления со стороны других держав, и является излишней и неразумной предосторожностью».

Из этой речи ясно, что лорд Грей уже в 1923 г. высказался против расходов на укрепление Сингапурской базы, считая, очевидно, целесообразным принятие, прежде всего, мер «необходимой и разумной предосторожности против опасности, угрожающей Англии со стороны сильнейшей по воздушному флоту державы, находящейся в непосредственной близости от Англии».

Из многочисленных статей, опубликованных в английской прессе со времени образования рабочего правительства. из целого ряда заявлений государственных деятелей и членов правительства Великобритании, не подлежит сомнению, что принцип «равенство английского воздушного флота — флоту сильнейшей державы», скоро сделается таким же незыблемым принципом английской военной политики, каким был когда то принцип «two powers standart» (равенство английского морского флота флотам двух сильнейших держав). Декларация, только недавно сделанная министром воздушного флота лордом Томсоном, не оставляет сомнения, что Англия решительно выступила на путь усиления своего воздушного флота. На вопрос, не будет ли новое правительство продолжать политику прежнего правительства в том направлении, что воздушные силы Британии должны быть, по меньшей мере, равными воздушному флоту соседних стран с Англией,— на этот вопрос он ответил, что «*единственной серьезной угрозой для Англии*

является угроза войны в воздухе, и что защита в воздухе, по всем вероятиям, является самым насущным средством к защите в настоящее время». Лорд Томсон самым решительным образом заявил, что планы, выработанные предыдущим правительством относительно воздушных сил, будут осуществляться и далее. «Дейли Геральд» называет это «подготовлением мира». «Новое правительство,— заявил Томсон,— благосклонно встретит всякий случай сократить вооружения... при условии безопасности страны», т.-е. иначе говоря, при условии значительного усиления английского воздушного флота. Мы видим выше, что английский воздушный флот, который состоял в 1923 г. из 10 эскадрилий, будет состоять к концу 1924 г. из 18 эскадрилий, а в 1925 г. из 24,—если за этот период не последуют какие-нибудь новые экстраординарные ассигновки на увеличение воздушных сил Англии.

Однако, если можно с натяжкой утверждать, будто усиление воздушного флота Англии преследует исключительно оборонительные цели в виду серьезной опасности, угрожающей Англии со стороны одной державы, «находящейся в непосредственной близости от Англии», ни в коем случае нельзя сказать того же относительно военно-морских вооружений Англии. Известно, что «рабочее правительство» Макдональда решило приступить к постройке 5 новых крейсеров и 2 контрминоносцев. Так как морской флот Англии — сильнейший в мире и значительно превосходит флот Франции, а тем более других европейских государств [1]), ссылка на «*оборонительный*» характер новых вооружений» была бы очевидной ложью, поэтому, в данном случае пускаются в ход новые аргументы. Оказывается, как об'яснил Макдональд на заседании Палаты Общин 21 февраля 1924 г.—новые военные суда сооружаются исключительно в целях борьбы с безработицей. «Почему не попытаются уменьшить безработицу, об'явив кому-нибудь добрую войну», иронически спросил, порицая подобные об'яснения, депутат Кенворти.

В действительности, постройка пяти крейсеров новейшей системы, начатая при Макдональде, является лишь первым звеном в осуществлении целой программы, выработанной английским адмиралтейством. Как указывало французское «Тан», Англия решила в ближайшие десять лет построить 53 легких крейсера по 10.000 тонн. Французский оффициоз бьет тревогу по поводу этих английских вооружений и указывает, что Франция недостаточно-де вооружается на море, строя сейчас только три крейсера по 8.000 тонн, 6 контр-миноносцев, 12 миноносцев и 12 подводных лодок.

[1]) Англия лучше всех других стран оборудована крейсерами, типом военного корабля, служащего не для борьбы, а для нападения. Она имеет 48 крейсеров, тогда как С.-Штаты только 29, Япония—28, Франция 16. Наличный состав всего английского флота достигает 100.500 чел.

С особой неприязненностью французская пресса комментировала маневры Британского флота в Средиземном море у Балеарских островов на линии морского пути от берегов французской метрополии к северо-африканским колониям последней Алжиру и Тунису. Беспокойство политических кругов Франции видно из того, что пишет по этому поводу «Эклер»: «Пацифистская, управляемая социалистами Англия, хочет с помощью своих эскадр, непрестанно вырастающих и усиленных германскими судами, еще раз подтвердить горделивый девиз: «Владей Британия морями».

Фактически, грандиозные морские маневры английского флота, в которых участвовали почти 94 стальных чудовища, явились как бы пробой, демонстрацией *морского окружения* Франции, предостережением по адресу империалистических кругов III-й республики, слишком надеющихся на воздушные силы и сухопутную армию своей страны. Великобритания остается гегемоном на морях и без труда может отрезать Францию от ее колоний, от ее Алжирских корпусов и пресловутой «черной армии». Безопасность Франции,— пишет «Тан»,— покоится не только на Рейне, но и не в меньшей степени также на защите западной части Средиземного моря: без свободного сообщения между Марселем, Алжиром и Ораном, мы не сможем отправлять на Рейн войска из Алжира, Туниса, Конго, Нигера и центра Африки. «Тан» жалуется, что четырехугольник французских крепостей Бизерта—Аяччио—Тулон—Оран будет немедленно разорван, как только вступят в действие английские легкие крейсера. Однородной дивизии из самых легких крейсеров типа Кюрасо, как она имеется у Англии, нет равной ни у Франции, ни у Италии. А такие линейные крейсера, как «Королева Елизавета» в 27.500 тонн и «Ройяль-Соверен» в 25.750 тонн, с орудиями в 380 миллиметров, намного превосходят самые крупные единицы как французского, так и итальянского флота.

Грандиознейшая морская демонстрация после мировой войны британских вооруженных сил на Средиземном море является вместе с тем началом возвращения Англии на путь традиционной английской морской политики, проводником которой был творец пред-военного могучего флота Англии лорд Фишер, именно политики концентрации главных сил английского флота у берегов Мальты, на Средиземном море. До усиления германского флота—в период, предшествовавший мировой войне,— Англия концентрировала главные свои морские силы на Средиземном море, на великой английской военно-морской дороге от Гибралтара до Суэца. Вместе с обострением англо-германских отншений, в связи с усилением немецкого флота, пришлось отвлечь часть британских эскадр из Средиземного моря в Северное. Теперь, когда немецкий флот уничтожен и часть немецких военных судов перешла в руки

Англии, возобновляется старая политика, и английское адмиралтейство предполагает сосредоточить в Средиземном море 10 наиболее крупных единиц более легкого типа. Против кого же заостряется это оружие? Несомненно, прежде всего против Франции.

Военные приготовления Англии и Франции являются лишь внешним выражением соперничества этих держав, знающих, что рано или поздно борьба за мировые рынки, за черный и желтый континеты и прежде всего за гегемонию в Европе должна будет разрешиться силой оружия.

В одной из своих речей перед рабочими в январе 1924 г. Макдональд, говоря о необходимости бороться против опасности войны, сказал: «Война еще не окончена. *Во всех столицах имеются еще тлеющие очаги последней войны, и малейший ветер может разнести огонь во все углы Европы, где накоплен горючий материал, и вызвать новую войну.* Мои товарищи и я войдем в правительство тяжелыми ступнями и растопчем эти тлеющие угольки. Пробудем ли мы у власти 6 месяцев или 6 лет или 6 десятилетий,—ни в одном углу Европы не останется больше тех тлеющих угольков, которые могли бы разростись и большое пламя. Споры, недоразумения и раздражительность, которые существуют между Францией и нами, абсолютно нежелательны. Они не проистекают от благонамеренных граждан обоих стран. Великим делом будет похоронить все эти недоразумения и установить с Францией, Италией, Россией, Германией, Чехо-Словакией, со всеми народами согласие,—*не согласие соперничающих военных сил,* но согласие людей, не имеющих между собой никаких оснований для войны. Я уверен, что правительство рабочей партии является единственным, которое может придать силу мирным стремлениям во всех частях Европы. Это будет наша первая великая задача. Мы сделаем все, что в нашей власти, чтобы усовершенствовать структуру Лиги Наций и всецело использовать ее, как главный инструмент для достижения международной справедливости и создания условий международного мира».

С той поры, как Макдональд произнес эти слова, прошло много месяцев. Между тем недоразумения, споры и раздражительность между Францией и Англией не только не исчезли, а наоборот, еще более обострились. Соперничество в вооружениях еще более усилилось.

В результате, тлеющие угольки, которые Макдональд хвастливо обещал потушить так, чтобы не оставалось ни одного из них, не погасли, а наоборот, лишь начинают еще более разгораться и, таким образом, малейший ветер может разнести огонь во все углы Европы, где накоплен горючий материал и вызвать новую войну.

Признание СССР Англией.

Одновременно с кампанией против протекционизма в Англии и против душащего Европу французского милитаризма усилилась кампания в пользу признания Советской России. Целый ряд органов буржуазной прессы печатали статьи, в которых доказывалось, что восстановление европейского хозяйства возможно только при условии возвращения России к той роли, которую она исполняла до войны в мировой хозяйственной жизни; что если Россия нуждается в Великобритании, то не следует забывать и того, что Великобритания вместе с остальной Европой нуждается в России.

Английская провинциальная пресса проявила живейший интерес к мнениям возвратившейся из СССР группы английских промышленников. «Глазго Геральд» писала в сентябре 1923 г.: «Осложнения в Руре отсрочили на неопределенное время экономическое восстановление Германии. Поэтому внимание торгового и финансового мира опять устремлено на Россию. В течение последних месяцев Москва стала центром внимания Европы и Америки». Манчестерская газета «Дейли Диспеч» писала: «Экономическое положение Англии таково. что она не может игнорировать надежд, высказываемых приехавшей из России группой английских промышленников тем более, что торгово-промышленные круги считаются всегда только с реальными возможностями».

С каждым днем в течение последних месяцев 1923 г. все более и более намечался сдвиг в настроении английской буржуазии в сторону признания Советской России. 8 января 1924 г. русско-британская торговая палата (общество, в состав которого входят английские купцы, имевшие дела в России) в Лондоне приняла резолюцию, в которой, принимая во внимание улучшение экономического положения России, предложила британскому правительству принять немедленно меры к развитию торговых сношений с Россией, одновременно озаботившись, чтобы советское правительство признало свои довоенные долги. В дальнейшем резолюция обращает внимание английского правительства на отсутствие дипломатических сношений между обоими странами и указывает, что акт о ликвидации долгов является серьезным препятствием для обеспечения русско-английской торговли кредитами. Эта резолюция явилась в общем повторением резолюции, принятой два месяца перед тем ассоциацией торговых палат Англии.

Через неделю, 15 января, ассоциация британских торговых палат одобрила резолюцию, принятую русско-французской торговой палатой, и высказалась в том смысле, что в виду улучшения экономического положения СССР английскому правительству предлагается расширять торговлю с русским рынком и озаботиться признанием со стороны советского пра-

вительства русских довоенных долгов, для каковой цели необходимо возобновление дипломатических и консульских сношений.

«Финэншиэл Таймс» указывала, что общеевропейская ситуация в последнее время улучшилась, и что отрицательным фактором в ней является лишь политика Франции. «Зато, — пишет газета, — предстоящее политическое признание советского правительства сильно поднимает шансы на общее урегулирование европейского положения. Считается уже несомненным, что одним из первых актов рабочего правительства Англии явится возобновление нормальных регулярных дипломатических сношений с Москвой. Это пробьет лед, и нет никакого сомнения, что большинство континентальных стран немедленно последует этому примеру.

Между тем требования со стороны английского рабочего класса в пользу безоговорочного признания Советской России становились все громче, все настойчивее. Конгрес английских тред-юнионов, собравшихся в сентябре 1923 г., на котором участвовало несколько сот делегатов от 4.000.000 рабочих, единогласно принял резолюцию о признании Советской России.

«Конгресс повторяет заявление предыдущих конгрессов о *необходимости возобновления во всей полноте дипломатических и торговых отношений с Россией.* Далее конгресс выражает мнение, что, в виду невозможности установления нормальных отношений между Европой и Азией, пока Россия остается вне семьи народов, должна быть безотлагательно созвана англо-русская конференция для урегулирования всех вопросов между русским и великобританским правительствами. Конгресс предлагает великобританскому правительству войти в переговоры с советским правительством по вопросу о скорейшем созыве такой конференции. Конгресс предлагает генеральному совету довести эту резолюцию возможно скорее до сведения правивтельства». Резолюция принята без обсуждения.

Таким образом, когда в результате декабрьских выборов 1923 г. у власти стало правительство представителя II Интернационала — Макдональда, не могло быть уже сомнений в том, что это правительство, желает ли оно этого или нет, вынуждено будет немедленно признать советскую власть под угрозой в противном случае окончательной дискредитации «рабочей» партии и всего II Интернационала в глазах миллионов английских пролетариев.

Мы цитировали уже слова, сказанные одним английским империалистом реакционному французскому писателю Эмилю Бюре: «Нам труднее вести внешнюю политику согласно нашим желаниям, чем вам. *В Англии рабочие имеют большинство на своей стороне, и нам приходится считаться с ними*». Если

даже английские империалисты чувствовали на себе давление английских рабочих масс и вынуждены были умерять свои захватнические планы, тем более с волей рабочего класса оказалось вынужденным считаться правительство Макдональда, генерального секретаря II Интернационала.

Роль рабочего класса Англии в деле юридического признания СССР правительством Великобритании правильно подчеркнута в резолюции Всесоюзного С'езда Советов, в которой мы читаем, между прочим, следующие строки:

> «Заслушав сообщение о последовавшем полном признании де-юре правительства Союза Советских Социалистических Республик со стороны Великобритании и установлении между этими двумя государствами дипломатических сношений в полном об'еме, 2-й С'езд Советов с удовлетворением констатирует, что этот исторический факт появился одним из первых актов первого правительства в Англии, выдвинутого рабочим классом...
>
> «Рабочий класс Англии являлся в продолжение всего этого времени верным союзником трудящихся масс СССР в их борьбе за мир. Народы Союза Советских Социалистических Республик помнят усилия трудящихся масс Англии и передовой части английского общества, направленные к уничтожению бойкота, блокады и вооруженной интервенции.
>
> «Они отдают себе отчет в том, что последовавшее признание явилось результатом настойчивой воли английского народа».

Признание СССР Великобританией, одной из сильнейших мировых держав, явится, — писали мы в предшествующем издании — несомненно, началом нового периода во взаимоотношениях капиталистических стран и Советской Республики. Прежде всего, несомненно, что этот «исторический шаг», как охарактеризовал Второй Союзный С'езд Советов ноту английского правительства, содержащую юридическое признание Советской России, в необычайной степени усилит давление на свои правительства сторонников безоговорочного признания России во Франции, Италии, Швеции, Юго-Славии, Чехо-Словакии и т. д. и ослабит сопротивление противников признания СССР. С английской нотой дипломатическая блокада Союза Советских Республик со стороны великих держав приходит к концу, и это должно будет отозваться на ослаблении враждебной к СССР политики некоторых пограничных с нами западных держав, равно как восточных, вроде Японии. Вместе с тем можно надеяться, что признание Англией СССР де-юре и крах восточной политики Керзона явятся первым реальным шагом к водворению мира на Востоке, к прекращению провокационной политики английских империалистов по отношению к дружественным и сопредельным с Россией восточным странам — Персии и Афганистану.

Далее писали мы—сближение между Россией и Англией в эпоху царизма—было роковым ударом для Афганистана, Персии и Тибета и повело к англо-русскому соглашению 18 авг.

1907 г. (см. выше), фактически уничтожившему суверенитет этих восточных государств. Англия Макдональда, вступая в соглашение с советским правительством по вопросам Востока, вынуждена будет считаться с незыблемыми принципами советской политики по отношению к Востоку и уважать независимость Афганистана, Персии и Тибета, если не пожелает итти на разрыв с СССР. Вот почему признание СССР Англией встретило самый сочувственный отклик, как в широких слоях населения, так и в правящих кругах этих сопредельных с нами восточных стран.

Что касается экономических последствий признания СССР Англией и сближения между этими обеими странами, то на этом вопросе мы уже останавливались в нашей работе «Советская Россия и капиталистическая Англия» (см. стр. 47—51).

По данным НКВТ за 1922—23 операционный год в группе государств Западной Европы второе место по торговле с СССР после Германии *занимает Англия.*

Импорт из Англии в этом операционном году выразился в 25,04 проц. всего ввоза в СССР и состоял преимущественно из технических материалов и изделий промышленности. Главный контингент этих товаров составляли машины для восстановления промышленного и крестьянского хозяйства страны, и части к машинам.

В свою очередь Англия явилась также и главнейшим нашим контрагентом после Германии по экспорту. Вывоз из СССР, при посредстве английских контр-агентов и непосредственно в Англию, выразился в размере 21,7 проц. всего нашего вывоза.

По отдельным статьям нашего вывоза Англия, как рынок сбыта, занимала следующее место в процентах к общему вывозу тех или иных грузов: хлеб — 2,3 проц., лес — 52,6 проц., жмыхи — 14,4 проц., лен и пенька — 12,4 проц., конский волос — 29,3 проц., щетина — 34,3 проц., нефтепродукты — 50,1 проц. *Таким образом, больше половины общего количества нефти и леса, вывезенных нами за границу, были приобретены Англией.*

Англо-Советский договор 8 авг. 1924 г. Ожесточенная борьба либералов и консерваторов за срыв договоров.

Англия признала СССР де-юре 1 февраля 1924 г. За Англией последовали Италия, Швеция, Норвегия, Дания, Китай, Греция.

Юридическое признание, являясь большой дипломатической победой, выдвинуло целый ряд политических и экономических проблем. Нота английского правительства о признании указывала на необходимость разрешения вопросов о так называемой пропаганде и враждебных действиях, о взаимоотношениях СССР с Англией на Востоке; с другой стороны, выдвигалась необходимость разрешения вопроса о царских довоенных и военных долгах, о претензиях британских граждан за национализированную собственность и за ущерб, понесенный ими от революции.

Англо-советская конференция открылась 14 апр. 1924 г. речами Макдональда и тов. Раковского. В своей речи Макдональд перечислил вопросы, подлежащие разрешению. На втором заседании конференции, 15 апреля, и на третьем заседании, 16 апреля, устанавливается окончательный порядок работ англо-советской конференции:

1) старые договоры;
2) междуправительственные долги;
3) арбитражный договор;
4) рабочее законодательство;
5) претензии за личный ущерб и вообще претензии британских граждан к правительству СССР;
6) территориальные воды;
7) разоружение и Лига Наций.

Основными финансово-расчетными вопросами, стоявшими перед конференцией, были следующие:

1) довоенные долги царского правительства британским гражданам;

2) военные долги царского правительства британскому правительству;

3) претензии британских граждан за личный ущерб и материальные убытки, понесенные от революции;

4) претензии британских граждан за крупную национализированную собственность (фабрики и заводы);

5) претензии советского правительства и граждан СССР к английскому правительству за убытки от интервенции;

6) вопрос о возврате золота, принадлежащего царскому правительству и находящегося в Англии;

7) вопрос о новом займе.

Размеры разных претензий, по предварительном выяснении, путем обмена меморандумами, определялись следующими, приблизительно, цифрами:

Довоенные долги — 40 миллионов фунтов стерлингов; сюда входят как довоенные займы русского правительства, так и довоенные займы русских городских самоуправлений и жел. дорог, гарантированных российским правительством; владельцем бумаг по этим займам является не английское правительство, а английские частные лица.

Военные долги — 650 миллионов фунтов стерлингов; эту сумму составляют займы, реализованные в Англии на нужды войны, главным образом, для оплаты военных поставок и заказов английским заводам; этот долг является непосредственным долгом британскому правительству.

Претензии британских граждан, за личный ущерб и материальные убытки, понесенные от революции, составляют от 30 — 40 миллионов фунтов стерлингов.

Претензии за крупную национализированную собственность — около 200 миллионов фунтов стерлингов.

Нашей делегации на англо-советской конференции приходилось работать в крайне тяжелых условиях. Конференция закончилась 12 августа 1924 г. За эти пять месяцев конференция несколько раз прерывала свои заседания, а 5 августа произошел даже разрыв переговоров. Однако, под давлением рабочих масс Англии и энергичного вмешательства в переговоры лидеров левого крыла рабочей партии, в лице Перселя, Лэнсбери и др., переговоры были возобновлены, и 8 августа был подписан генеральный (общий) договор между Великобританией и СССР.

Текст договора, заключенного 8 августа 1924 г. между Великобританией и СССР, гласит следующее:

Великобритания и Северная Ирландия, с одной стороны, и СССР, с другой,— будучи одушевлены желанием расширить и развить торговые отношения, установленные после подписания торгового соглашения от 16 марта 1921 г., и устранить все поводы к трению и к неудовольствию между обеими странами и построить свои взаимоотношения на твердой, справедливой и прочной основе, решили заключить для этой цели договор, и для заключения такового они были представлены следующим образом:

Великобритания и Северная Ирландия — Джемсом Рамзеем *Мак-Дональдом,* членом парламента, первым лордом каз-

начейства и премьер-министром, главным государственным секретарем по иностранным делам; Артуром-Августом-Уилльямом-Гарри *Понсонби*, членом парламента, помощником статссекретаря по иностранным делам.

СССР — Христианом Георгиевичем *Раковским*, членом президиума ЦИК СССР, заместителем народного комиссара по иностранным делам, поверенным в делах СССР в Лондоне; Адольфом Абрамовичем *Иоффе*, членом ЦИК СССР; Андреем Федоровичем *Радченко*, членом ЦИК СССР, председателем областного совета профессиональных союзов Донецкого бассейна; Аароном Львовичем *Шейнманом*, членом коллегии народного комиссариата финансов; Михаилом Павловичем *Томским*, членом президиума ЦИК СССР, председателем ВЦСПС.

Указанные уполномоченные, сообщив свои полномочия, найденные в доброй и законной форме, согласились о следующем:

Статья 1-я.

Настоящий договор составляет формальный общий договор, предусмотренный во вступлении к торговому соглашению между правительством его британского величества и правительством РСФСР, подписанному в Лондоне 16 марта 1921 г., и заменяет между Великобританией, включая и Северную Ирландию, и Союзом это соглашение.

Торговые отношения между обеими странами будут впредь регулироваться торговым договором, подписанным сего числа представителями обеих сторон.

Глава 1-я—договоры.

Статья 2-я.

Следующие договоры признаются обеими сторонами, как потерявшие свою силу:

1. Договоры: бракосочетание Е. К. В. герцога Эдинбургского: С.-Петербург, 22 января 1874 г.

2. Протокол: Афганская граница: Лондон, 10 сентября 1885 г.

3. Протокол: северо-западная граница Афганистана: С.-Петербург, 10/22 июля 1887 г.

4. Ноты: Афганская граница: С.-ПБ., 31 мая (12 июня) и 8/20 июня 1888 г.

5. Протокол: водные права в долине Кушки: 22 августа/3 сентября 1893 г.

6. Нота: отмена русской экстерриториальной юрисдикции в Занзибаре: С.-ПБ., 5 июля 1907 г.

7. Ноты: научные миссии в Тибете: С.-ПБ., 23 сентября 1910 г./9 января 1911 г.

8. Соглашение: отмена взимания консульских сборов со свидетельств о происхождении: Петроград, 16 июля 1915 г.

9. Соглашение: военная служба во время европейской войны: Петроград, 16 июля 1917 г.

10. Соглашение: сферы влияния в районе Памиров: Лондон, 11 марта 1895 г.

11. Соглашение: торговые отношения между Россией и Занзибаром: Лондон, 12/24 августа 1896 г.

12. Ноты: железнодорожные интересы в Китае: С.-ПБ., 28 апреля 1899 г.

13. Обмен нотами: фабричные марки в Китае: Пекин, 22/30 октября 1906 г.

14. Конвенция: персидские, афганские и тибетские дела: С.-ПБ., 31 августа 1907 г.

15. Соглашение: Мешед-Сеистанская и Мешед-Тегеранская телеграфные линии: С.-ПБ., 31 августа 1907 г.

16. Обмен нотами: защита патентов и товарных знаков в Марокко:Танжер, 9/11 октября 1908 г.

17. Ноты:речная комиссия Шат-Эль-Араба: С.-Петербург. 23/29 апреля 1914 г.

Статья 3я..

Следующие договоры признаются обеими сторонами, как находящиеся между ними в силе. Условлено, однако, что при существующих условиях эти договоры требуют изменения. Переговоры, в целях производства необходимых изменений в этих договорах, будут начаты по вступлении в силу настоящего договора. Впредь до завершения этих переговоров постановления договоров будут применяться между обеими сторонами, поскольку это позволят существующие условия:

1. Декларация: наследства умерших мореходцев: Лондон, 9 августа 1880 г.

2. Декларация: мерительные свидетельства: Лондон, 9 июня 1882 г.

3. Договор: выдача бежавших преступников: Лондон, 24 ноября 1886 г.

4. Соглашение: денежные переводы: Лондон, С.-Петербург. 17/29 октября 1904 г.

Статья 4-я.

Следующие многосторонние договоры будут в будущем применяемы между обеими сторонами, в виду неимения препятствий к соблюдению положений этих договоров между обеими договаривающимися сторонами. В отношении тех из этих договоров, которые на деле ныне не применяются между обеими сторонами, применение их положений начнется не позднее вступления в силу настоящего договора:

1. Договор и т. д.: Выкуп зундских пошлин: Копенгаген, 14 марта 1857 г.

2. Конвенция: Телеграфы: С.-ПБ., 1875 год.

3. Конвенция: Подводные кабели: Париж, 14 марта 1884 г.

4. Декларация: Подводные кабели: Париж, 1 декабря 1886 г.

5. Протокол: Подводные кабели: Париж, 7 июля 1887 г.

6. Заключительный акт: Морская конференция: Вашингтон, 31 декабря 1889 г.

7. Соглашение: об'единение фармакопеи сильно действующих лекарств: Брюссель, 29 ноября 1906 г.

8. Регламент: Телеграфы: Лиссабон, 11 июня 1908 г.

9. Конвенция: Движение автомобильных экипажей: Париж, 11 октября 1909 г.

10. Конвенция: Правила: 1) о столкновениях и 2) о спасении: Брюссель, 23 сентября 1910 г.

11. Конвенция: охрана котиков в северной части Тихого океана: Вашингтон, 7 июля 1911 г.

Добавления к указанному выше списку многосторонних договоров могут быть произведены путем взаимного соглашения между обеими договаривающимися сторонами и будут осуществляться путем обмена нот.

Глава 2-я—рыбные ловли.

Статья 5-я.

Положения, содержащиеся в приложении к этой статье, будут регулировать между договаривающимися сторонами рыбную ловлю в водах, прилегающих к северным берегам территории СССР.

Эта статья не должна быть понимаема в смысле стеснения в чем-либо точки зрения каждой из сторон по вопросу об определении международным правом границ территориальных вод.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I. Положения настоящего приложения, целью которого является урегулировать порядок рыболовства в водах, прилегающих к северным берегам территории СССР вне указанных ниже границ, в которых граждане Союза будут пользоваться исключительным правом рыболовства, будут применяться к гражданам договаривающихся сторон.

II. Граждане Союза будут пользоваться исключительным правом рыболовства в пределах 3 миль от линии наибольшего отлива вдоль побережья территории Союза, а равно и приле-

гающих к ней островов и, кроме того, в тех водах Белого моря и входа в оное, которое лежат к югу от 67° 40' северной широты.

В отношении бухт расстояние в 3 мили будут измеряться от прямой линии, проведенной через бухту в части, наиболее близкой к выходу в первом месте, где ширина не превышает 10 миль.

Настоящее положение не нанесет ущерба праву британских рыбачьих судов плавать и становиться на якорь внутри указанных выше границ.

III. Мили, упоминаемые в предыдущем положении, являются географическими милями, 60 которых составляют градус широты.

IV. Географические границы для применения положений настоящего Приложения будут установлены следующим образом:

На Юге границами, указанными в ст. II настоящего положения, на Западе—32 град. восточной долготы, на Севере—71 град. северной широты и на Востоке—48 град. восточной долготы.

V. Суда, приходящие на рыболовные банки, не будут становиться и не будут кидать свои сети таким образом, чтобы мешать друг другу или мешать рыбакам, которые уже начали свой промысел.

VI. Ни один рыбак не будет иметь права закреплять и приставать со своим судном к сетям, буям, поплавкам или иным частям рыболовного снаряжения другого рыбака.

VII. В случае, когда тралящие рыбаки увидят сетных или ярусных рыбаков, они не должны будут приближаться на расстояние ближе одной мили от них и должны будут принимать все нужные меры, дабы избежать причинения им ущерба. Если ущерб будет причинен, ответственность будет лежать на тралерах, поскольку они не смогут доказать, что они находились под давлением непреодолимых обстоятельств или что испытанная потеря последовала не от их вины.

Установлено, что ни одно судно не будет ответственно за ущерб, нанесенный ярусам или иным закрепленным снастям, положение которых не было ясно обозначено огнями или буями, или судном, стоящим около них.

VIII. За исключением случаев спасания, ни один рыбак не будет иметь, ни под каким предлогом, права отрезывать, вылавливать или поднимать сети, ярусы или иные снасти, ему не принадлежащие.

Поскольку рыбак запутывается или иначе соприкасается с рыболовными снастями другого рыбака, он должен будет принять все нужные меры для сведения к минимуму убытков, которые могли бы произойти для снастей или для судна другого рыбака.

IX. Пользование каким-либо инструментом или снарядом, который служит только для разрезания или разрушения сети, воспрещается.

Наличие таких снарядов на судне также воспрещается.

Договаривающиеся стороны обязуются принять нужные меры для предупреждения погрузки таких снарядов на рыболовные суда.

X. Рыболовные суда должны будут сообразовываться с общими правилами об огнях и звуковых сигналах, равно как и тех, которые касаются судоводительства и судоходства, которые могли бы быть, или были приняты в отношении этих судов путем взаимного соглашения между договаривающимися сторонами в целях предупреждения столкновений на море.

XI. Все рыболовные суда, все их мелкие лодки, все снаряжение, снасти или иные принадлежности рыболовных судов, все сети, ярусы, буи, поплавки и иные рыболовные принадлежности, где-либо найденные или выловленные на море, меченые или немеченые, должны быть при первой возможности сдаваемы подлежащей власти первого порта, в который спасающее судно вернется или зайдет.

Эта власть должна будет уведомить консула или консульского агента страны, к которой принадлежит судно спасающего, и государства собственников найденных вещей. Она (та же самая власть) должна будет вернуть вещи их собственникам или их представителям, как только такие вещи будут потребованы, и интересы спасателей должны быть должным образом гарантированы.

Административные или судебные власти должны будут, соответственно законам подлежащей страны, установить сумму, которую собственник должен будет заплатить спасателям. Условлено, однако, что договаривающиеся стороны оставляют за собой право регулировать, путем специального между собой соглашения, величину платы за спасение на основе определенного тарифа за спасенный предмет.

Рыболовные принадлежности всякого рода, найденные немечеными, будут рассматриваться, как обломки крушения.

XII. Рыболовные суда договаривающихся сторон будут регистрироваться в соответствии с административными правилами, действующими в каждой из их стран.

Для каждого порта будет существовать последовательная серия номеров, перед которой будут стоять одна или две начальные буквы, которые будут определены высшей, подлежащей властью.

Каждое правительство составит список, указывающий эти начальные буквы.

Этот список, вместе со всеми изменениями, которые впоследствии могли бы быть в него внесены, будет сообщаться другому правительству.

XIII. Рыболовные суда будут иметь на себе начальные буквы или букву порта, к которому они приписаны, и регистрационный номер серии номеров этого порта.

XIV. Название каждого рыболовного судна и порта, к которому оно приписано, будет нанесено белой масляной краской на черном грунте на корме судна буквами, которые должны быть не менее 8-ми сантиметров вышины и 12-ти миллиметров ширины.

XV. Буква или буквы и номера, которые приданы судну при его регистрации, будут нанесены белой масляной краской на черном грунте и так ясно, как это возможно на каждом борту судна, в 8—10 сантиметрах ниже релинга, поскольку место это позволит. Эти буквы и номера судов 15-ти тонн водоизмещения (гросс-тонн) и выше будут иметь 45 сант. высоты и 6 сант. ширины.

Для судов менее 15-ти тонн водоизмещения (гросс-тонн) размеры будут, если возможно, 25 сантим. высоты и 4 сант. ширины. Те же буквы и номера будут нанесены масляной краской на каждой стороне большого паруса судна, непосредственно ниже «клозрифа», и таким образом, чтобы быть ясно видимыми. Они будут нанесены на белых парусах черным, и на черных парусах белым, и на парусах среднего оттенка— черным или белым, в зависимости от того, как это будет решено властью, наблюдающей за отметками, в соответствии со ст. XII настоящего Приложения.

Паровые рыболовные суда должны будут, кроме того, иметь вышеуказанные отметки на трубе, ясно видимым образом. Эти отметки должны быть тех же размеров, что и те, которые на бортах.

Буква или буквы и номера на парусах должны быть на 1/3 во всяком случае больше, чем те, которые нанесены на бортах судна.

XVI. Рыболовные суда не должны иметь ни на наружной поверхности, ни на парусах, ни на трубах никаких названий, букв или чисел, иных, чем те, которые предписаны статьями XIII, XIV и XV настоящего Приложения.

XVII. Названия, буквы и номера, нанесенные на судах и на их парусах и трубах, не должны быть стираемы, изменяемы, делаемы неудобочитаемыми, закрываемы или скрываемы каким-либо образом.

XVIII. Все малые лодки, буи и тралы должны быть помечены буквой или буквами и номерами судов, к которым они принадлежат.

Эти буквы и номера должны быть достаточно велики, чтобы быть ясно различаемыми. Собственники сетей или иных рыболовных принадлежностей могут, кроме того, обозначать их теми частными пометками, которые они считают подходящими.

XIX. Шкипер каждого судна должен иметь с собой официальный документ, выправленный подлежащей властью его страны, в целях предоставления ему возможности определить национальность судна.

На этом документе должны быть всегда указаны буква или буквы и номер судна, равно как и его описание и название или название собственника, или название фирмы, или об'единения, которому оно принадлежит.

XX. Национальность судна никогда и никаким образом не должна быть скрываема.

XXI. Наблюдение за рыболовством будет осуществляться в порядке, который будет позднее согласован между договаривающимися сторонами, и при том судами, которые ниже именуются «наблюдающие суда».

XXII. Наблюдающие суда будут правомочны устанавливать все нарушения правил, предписанных настоящим Приложением, и все нарушения, касающиеся рыболовного промысла, какова бы ни была нация, к которой мог бы принадлежать рыбак, виновный в таком нарушении.

В случае, если будет согласовано в силу ст. XXI настоящего Приложения, что отдельные суда будут назначены каждой из договаривающихся сторон, то выполнение правил о документах, устанавливающих национальность, отметку, нумерацию судов и т. д. и рыболовного снаряжения, равно как нахождение на судах запрещенных снарядов (ст. IX (абз. 2), XIII, XVI, XVII, XIX и XX), будут поставлены под исключительное наблюдение наблюдающих судов нации рыболовного судна. Однако, командиры наблюдающих судов будут ознакомлять друг друга со всеми нарушениями вышеупомянутых правил, совершенных рыбаками другой нации.

XXIII. Если командиры наблюдающих судов будут иметь основание полагать, что было совершено нарушение положений настоящего Приложения, то они могут потребовать от подозреваемого шкипера судна пред'явления официального документа, устанавливающего национальность судна. Факт пред'явления такого документа должен быть немедленно обозначен на его обороте. Командиры наблюдающих судов не будут после этого продолжать своего посещения или осмотра на рыболовном судне, которое не имеет их национальности, поскольку это не будет нужно для целей получения доказательства нарушения или несоблюдения правил, касающихся порядка рыболовства.

XXIV. Командиры наблюдающих судов будут выносить свое решение в зависимости от тягости фактов, дошедших до их сведения, и которые они правомочны рассматривать, и будут проверять убыток какого бы то ни было происхождения, который мог бы быть понесен рыболовными судами национальности договаривающихся сторон.

Они будут составлять, если для этого есть надобность, формальный акт проверки фактов, в том виде, как они выяснились из об'яснений заинтересованных сторон и из свидетельских показаний присутствующих.

XXV. Формальный акт, упомянутый в предыдущей статье, будет составлен на языке командира наблюдающего судна и в соответствии с формами, употребляемыми в его стране. Обвиняемый и свидетели будут иметь право добавлять или просить о добавлении к этому акту на их языке тех замечаний или фактов, которые они считают желательными. Такое заявление должно быть должным образом подписано командиром наблюдающего судна и будет считаться формальным доказательством содержащихся в нем фактов в судах обеих сторон.

XXVI. Сопротивление указаниям командиров наблюдающих судов, которым поручен надзор за порядком рыболовства, или лиц, действующих под их начальством, должны быть, независимо от национальности наблюдающего судна, рассматриваемы, как сопротивление властям нации рыболовного судна.

XXVII. В случае, если вменяемые деяния не носят серьезного характера, но, тем не менее, причинили убыток какому-либо рыбаку, командиры наблюдающих судов будут в праве, поскольку заинтересованные стороны на это согласятся, быть между ними на море третейским судьей и установить подлежащую уплате компенсацию. Если одна из сторон не будет в состоянии тут же произвести уплату, командир побудит стороны подписать в двух экземплярах формальный документ, определяющий подлежащую уплате компенсацию.

Один экземпляр этого документа останется на наблюдающем судне, другой же будет вручен шкиперу судна, которому следует компенсация, дабы он мог, если это будет нужно, воспользоваться таковым перед судами страны, к которой принадлежит должник.

Если, наоборот, стороны не согласятся на третейское разбирательство, то командиры будут действовать в соответствии с положениями ст. XXV.

XXVIII. Преследования за правонарушения или проступки против положений настоящего Приложения и процессуальные действия для получения компенсации за следующие в связи с таковыми убытки будут производиться государством или от имени таковаго.

XXIX. Договаривающиеся стороны обязуются предложить своим законодательным органам принятие тех мер, которые могут быть признаны необходимыми для обеспечения выполнения положений настоящего Приложения и, в частности, для наказания штрафом или заключением, или тем и другим, лиц, которые нарушили бы положения ст.ст. V—IX и XIII—XX,

и для получения компенсации лицами, пострадавшими от таких проступков, и для приведения в силу решения, вынесенного на основе ст. XXXII настоящего Приложения.

XXX. Во всех случаях совершения нападения или нанесения злонамеренного убытка или потери рыбаками одной из дог. сторон рыбакам другой национальности суды страны, к которой принадлежат суда нарушителей, будут иметь право судить их.

XXXI. Процессуальные действия и судоговорение в случаях нарушения положений настоящего Приложения будут происходить в порядке настолько упрощенного производства, насколько того позволят действующие законы и правила.

XXXII. Договаривающиеся стороны соглашаются приступить, как только это будет возможно, после вступления в силу положений настоящего Приложения, к совместному научному обследованию биологии камбалы и другой рыбы в районе, определенном ст. IV настоящего Приложения. Они далее соглашаются сотрудничать в установлении и во введении возможно скорее в действие тех положений для сохранения в этом районе запасов рыбы, которые могут оказаться необходимыми и осуществимыми.

XXXIII. Положения настоящего Приложения вступят в силу, считая со дня и после него, имеющего быть определенным обеими договаривающимися сторонами и будут продолжать действовать впредь до истечения одного года со дня, когда любая из сторон заявит о их прекращении.

Договаривающиеся стороны, однако, сохраняют за собой право ввести путем взаимного соглашения в настоящее Приложение любое изменение, желательность которого показал бы опыт, при том условии, что оно не будет несовместимо с принципами, на которых Приложение основано.

Глава 3-я—претензии и заем.

Статья 6-я.

В соответствии с декларацией, приложенной к торговому соглашению от 16 марта 1921 г., правительство СССР заявляет, что в порядке из'ятия из декрета от 28 января 1918 г. (об аннулировании долгов бывших императорского и временного правительств) оно удовлетворит на условиях, указанных в настоящем договоре, претензии британских держателей займов, выпущенных или принятых на себя или гарантированных бывшим императорским российским правительством или городскими самоуправлениями городов территории, ныне включенной в Союз, подлежащих оплате в иностранной (нерусской) валюте.

Правительство его британского величества признает, что финансовое и экономическое положение Союза делает неосуществимым полное удовлетворение претензий, упоминаемых в предыдущем абзаце этой статьи.

Правительство Союза соглашается пойти навстречу претензиям, упомянутым в первом абзаце этой статьи, поскольку дело идет о ценных бумагах, держателями коих являются британские подданные и компании, и поскольку эти ценные бумаги не были приобретены путем покупки после 16 марта 1921 г. и к этому числу не были в иной, чем британская, собственности.

После переговоров между заинтересованными сторонами условия, на которых претензии, упоминаемые в первом абзаце этой статьи, будут удовлетворены, составят предмет соглашения с правительством его британского величества, каковое соглашение будет включено в договор, упоминаемый в ст. 11, при условии, что правительство его британского величества, удостоверится, что эти условия были приняты держателями не менее чем одной половины номинальной стоимости принадлежащих британским держателям займов, упомянутых в этой статье.

Статья 7-я.

Все вопросы, связанные с претензиями правительства СССР к правительству его британского величества или с претензиями правительства его британского величества к правительству Союза, вытекающие из событий, которые имели место между 4 августа 1914 г. и 1 февраля 1924 г., оставляются для обсуждения в позднейший срок. Это постановление касается претензий, относящихся к:

а) военным займам, предоставленным правительством его британского величества бывшим российским императорскому или временному правительствам;

б) золоту, принадлежавшему бывшему российскому императорскому или временному правительствам и переданному правительству его британского величества каким-либо из этих правительств;

в) русскому золоту, переданному Германии в силу дополнительного соглашения к Брест-Литовскому договору;

г) суммам, должным бывшими российскими импер. или времени. правительствами британским правительственным учреждениям, или обратно;

д) претензиям, выдвинутым правительством Союза вследствие интервенции между 7 ноября 1917 г. и 16 марта 1921 года,

а также к каким-либо поправкам, сделанным или имеющим быть сделанными в расчетах, относящихся к таким претензиям, каждою из сторон.

Равным образом будут отложены все вопросы, связанные с претензиями граждан каждой из сторон против другой стороны в отношении убытков или потерь, понесенных на территории стороны, гражданином которой является лицо, предъявляющее претензию, и вытекающих из операций военного характера и неприязненных действий за время вышеупомянутого периода.

Статья 8-я.

Претензии граждан (включая юридические лица) одной из сторон против другой стороны в отношении потерь или ущербов, вытекающих из событий, которые имели место между 1 августа 1914 г. и вступлением в силу настоящего договора, иные чем (1) претензии, покрываемые другими статьями настоящего договора и (2) претензии, вытекающие из нормальных торговых отношений между правительством РСФСР или правительствами союзных или федерированных с нею республик или их должностных лиц и британскими подданными или между пр-вом его брит. вел. и гражданами СССР,—будут, в виду установленного преобладания претензий британских подданных, окончательно урегулированы между договаривающимися сторонами путем уплаты, правительством Союза пр-ву его брит. вел. паушальной суммы.

Распределение этой суммы будет произведено правительством его брит. вел. в том порядке, который будет признан им справедливым. Правительство Союза обязуется передать пр-ву его брит. вел. все те документальные бумаги или сведения, которыми оно обладает и которые могли бы облегчить справедливое распределение такой суммы.

Статья 9-я.

Каждая из договаривающихся сторон назначит трех, должным образом квалифицированных, лиц для рассмотрения претензий, урегулирование которых должно быть произведено путем уплаты паушальной суммы, предусмотренной в ст. 8. Эти 6 лиц произведут совместное рассмотрение претензий и доложат обоим договаривающимся сторонам о размере, в котором, по их мнению должна быть определена паушальная сумма. Если они не будут в состоянии притти к соглашению о величине паушальной суммы, они представят отдельные доклады. Они (эти лица) установят свой собственный регламент и будут в частности правомочны путем соглашения между собой передать рассмотрение какой-либо отдельной категории претензий двум лицам из своей среды.

Каждая из договаривающихся сторон будет нести вознаграждение и расходы лиц, ею назначенных, а равно одну половину совместно понесенных расходов.

Статья 10-я.

Желая восстановить экономическое сотрудничество между их обеими странами, правительства его брит. вел. и СССР соглашаются о следующем:

Правительство Союза, в порядке из'ятия из декретов, национализировавших промышленные предприятия и землю, вступит в переговоры с британскими подданными (включая юридич. лица) в отношении промышленных предприятий или концессий, которые были национализированы или аннулированы им, дабы урегулировать вопрос о справедливой компенсации по таким претензиям.

Далее, для рассмотрения действительности таких претензий и для удостоверения их сумм будет назначена комиссия.

Каждая из договаривающихся сторон соглашается помогать комиссии, насколько это возможно, путем доставления и собирания бумаг или сведений, потребных для надлежащего выполнения ее задачи.

Если члены комиссии не будут в состоянии прийти к совместному докладу в отношении какой-либо отдельной собственности, они могут представить отдельные доклады.

В тех случаях, когда пр-во Союза заключит соглашение с каким-либо отдельным лицом, пред'являющим претензию,—комиссии будет сообщено о таком соглашении, дабы данная претензия могла быть исключена из предметов ведения комиссии.

Комиссия будет состоять из шести лиц, обладающих должною для выполнения их задачи квалификацией, при чем 3 будут назначены правительством его брит. вел. и 3—пр-вом Союза.

Комиссия выработает свой собственный регламент, который будет одобрен обоими пр-вами. Каждая из договаривающихся сторон будет нести вознаграждение и оплачивать расходы лиц, ею назначенных, а, равно, одну половину совместно понесенных расходов.

Статья 11-я.

Будет заключен второй договор, который будет заключать:

1. Условия, принятые в соответствии со ст. 6.

2. Размер и метод уплаты компенсаций за претензии в силу ст. 8.

3. Согласованное разрешение имущественных претензий иных, чем те, которые были урегулированы непосредственно правительством СССР.

Статья 12-я.

После подписания договора, упоминаемого в ст. 11, пр-во его брит. вел. будет рекомендовать парламенту поставить его

в возможность гарантировать проценты и амортизацию займа, имеющего быть выпущенным пр-вом СССР.

Величина, порядок и условия сказанного займа и цели, для которых он будет предназначен, будут определены в договоре, предусмотренном в ст. 11, который не вступит в силу до тех пор, пока не будет дано необходимое парламентское разрешение на гарантию сказанного займа.

Статья 13-я.

Положения настоящей главы составляют единое неразделимое целое.

Глава 4-я—разное.

Статья 14-я.

По вступлении в силу договора, упоминаемого в ст. 11, статья 10 торгового соглашения от 16 марта 1924 г. будет отменена. Впредь же до этого момента она будет сохранена в силе, несмотря на ст. 1 настоящего договора.

Статья 15-я.

Документы и бумаги всякого рода, которые к 1 ноября 1917 года принадлежали отдельным подданным или гражданам каждой из сторон, и которые ныне из'яты у собственников и находятся во владении или в ведении правительства, или общественного установления другой стороны, будут возвращены собственникам или тем представителям, которых они назначат в течение двух месяцев со дня, когда будет пред'явлена об этом просьба.

Статья 16-я.

Договаривающиеся стороны торжественно подтверждают свое желание и намерение жить друг с другом в мире и дружбе, тщательно уважать неоспоримое право государства устраивать в пределах своей собственной юрисдикции свою жизнь по своему усмотрению, воздерживаться и удерживать все лица и организации, находящиеся под их прямым или косвенным контролем, включая организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от какого-либо акта, открытого или скрытого, могущего каким-либо образом создать опасность для спокойствия или благополучая какой-либо части территории Британской империи, или СССР или имеющего целью обострить отношения Британской империи или Союза с их соседями или с какими-либо иными странами.

Статья 17-я.

Настоящий договор составлен и подписан на английском языке. Перевод его будет сделан на русский язык возможно скорее и будет согласован между сторонами. Оба текста будут после этого признаваться аутентичными для всех целей.

Статья 18-я.

Настоящий договор будет ратификован, и ратификации его будут обменены в Лондоне возможно скорее.

В удостоверение чего подлежащие уполномоченные подписали настоящий договор и приложили к нему свои печати.

Учинено в Лондоне, в двух экземплярах, 8 августа 1924 г.

Следуют подписи: **Раковского, Иоффе, Радченко, Шейнмана, Томского, Мак-Дональда и Понсонби.**

Приводим полный текст 5-ти деклараций, оглашенных тов. Раковским на последнем заседании англо-советской конференции:

Первая декларация гласит:

«На первом заседании англо-советской конференции я имел честь заявить от имени советской делегации, что настоящая конференция должна преследовать цели, идущие дальше, чем разрешение вопросов, которые возникли между Англией и СССР в течение 6 лет. Как указал английский премьер, «целью конференции является организация сотрудничества двух народов не только в их собственных интересах, но и для установления международного сотрудничества». Перед всеми правительствами стоит цель укрепления международного мира. Все их усилия должны быть направлены к предупреждению повторения всех тех ужасов, которые пережили Европа и часть Азии, усеянные могилами и развалинами,— ужасов, которые стоили много миллионов молодых жизней, и на десятки лет дезорганизовали экономическую жизнь во всем мире.

Выражая общее желание трудящихся масс, на которых, в первую очередь, пала вся тяжесть последствий империалистической войны, советская делегация заявляет, что она счастлива была вести переговоры с правительством, представляющим рабочий класс Англии и стремящимся к упрочнению всеобщего мира. Однако, опыт научил народы не верить в возможность восстановления всеобщего мира, пока не будут устранены причины, порождающие войну. Народы знают, что после каждой войны и победители, и побежденные говорят о мире; первые, побуждаемые желанием упрочить свои завоевания, вторые же потому, что нуждаются в передышке для организации реванша. Только те лозунги мира реальны, ко-

торые сопровождаются напряженными и методическими усилиями, устранить социальные и политические антагонизмы, служащие причиной войны.

Положение, созданное так наз. мирными договорами, как показала краткая история послевоенного периода, чревато новыми конфликтами. Стремление народов к национальной автономии остается неудовлетворенным. На месте старых разрушенных империй возникли новые государства, границы которых определены не по принципу самоопределения народов, но по чисто-военным и стратегическим соображениям. Были созданы искусственные организмы, включающие большое число национальных меньшинств, с единственным расчетом дать этим новым государствам как можно больше территории и возможно большие экономические рессурсы, с тем, чтобы они могли оказаться полезными для союзников на случай будущей войны. Только путем напряженной дипломатической работы правительств и усилий самих народов можно будет установить международные отношения на такой основе, которая сделала бы затруднительным возникновение новых конфликтов.

Советское правительство не только готово, но считает своим долгом использовать все свое влияние, с целью восстановления в Европе не на основе военных союзов, которые всегда приводили к войне, но на основе уважения к правам каждого народа на независимое существование.

Одной из проблем, заслуживающей, по мнению советского правительства, особого внимания, т. к. в прошлом она неоднократно являлась причиной кровавых войн и послужила поводом также к мировой войне, является юго-восточная, в частности балканская проблема. Как балканская война 1912—1913 г.г., так и мировая война не только не устранили причин для новых конфликтов на Балканах, но еще увеличили их. Каждый наблюдающий события на Балканах, знает, что существует ряд проблем, из которых каждая завтра может явиться причиной войны. Вопросы: македонский, фракийский, черногорский, хорватский, словенский, венгерский, добруджинский уже встали перед народами и правительствами, настоятельно требуя своего разрешения. Пока они не разрешены, мир находится в постоянной опасности.

По мнению советского правительства, одним из принципов, которые могут оградить интересы населения этих областей и государств и одновременно реорганизовать их в более мощные государственные организмы, которые сами в себе заключали бы необходимые условия экономического и политического развития, является принцип федерации. Осуществление принципа федерации в Юго-Славии с предоставлением автономии, в пределах федерации, Хорватии, Словении, Черногории. Ма-

кедонии, Далмации и Сербии устранило бы кризис, который не прекращается с самого момента возникновения этого государства, и который не может быть разрешен применением силы. Обратное присоединение к Болгарии Новой Добруджи, захваченной румынским правительством в 1913 году, и предоставление Болгарии реального выхода к Эгейскому морю создаст условия для добрососедских отношений между Грецией и Румынией с одной стороны и Болгарией—с другой. Точно так же, только при соблюдении принципа самоопределения народов и полного равноправия всех национальностей, можно будет предупредить в будущем неизбежные конфликты между Венгрией с одной стороны и Чехо-Словакией и Румынией—с другой.

Советское правительство считает, что только политика, твердо направленная к разоружению, может создать условия, в которых национальные вопросы могут быть разрешены не с помощью силы, а в соответствии с интересами народных масс. В этом отношении советское правительство всецело разделяет мнение, выраженное британским премьером, что «моральные и духовные требования национальностей не могут быть полностью признаны в мире, находящемся под ружьем. Без признания же их не может быть мира и безопасности. Такова дилемма, стоящая ныне перед миром».

Несмотря на то, что советское правительство значительно сократило уже Красную армию, численность которой не достигает 600 тысяч человек, включая все виды оружия, оно готово пойти и дальше по пути разоружения, если другие государства также согласятся на разоружение со своей стороны. Советская делегация была бы счастлива услышать от британской делегации о готовности Великобритании созвать в ближайшем же будущем международную конференцию по разоружению.

Советская делегация считает, что об'единение усилий всех правительств для ликвидации мирными средствами всех спорных вопросов, возникающих между ними, должно стать одним из постоянных методов международной политической жизни. Если Советский Союз возражал и продолжает возражать против Лиги Наций ,то причиной этого отрицательного отношения является то обстоятельство, что Лига Наций по своей организации является не чем иным, как методом консолидации всех несправедливых договоров, которые были заключены в результате мировой войны. Лига Наций санкционировала разделение государств на победителей и побежденных и предоставляет первым контроль над мировой политикой. Ни одна страна не пострадала так много от войны, как СССР, и ни одна страна не желает мира больше, чем Советский Союз. Он не может, однако, принимать участие

в организации, которая оказалась беспомощной и бессильной предотвратить акты насилия, которые еще до сих пор совершаются именем этих договоров. Все вопросы, затрагивающие жизненные интересы и независимость народов и их право на самоопределение, решены были вне Лиги Наций, так называемыми союзными державами на конференции послов или на других конференциях, в то время, как те несколько вопросов, касающихся национальных меньшинств, которые были возбуждены перед Лигой Наций, получили разрешение, соответствующее интересам не угнетенных, но правительств угнетателей».

Вторая декларация гласит:

Подписав 8 августа генеральный договор, советская и британская делегации совершили крупный шаг вперед на пути к устранению спорных вопросов финансового характера и, таким образом, облегчили восстановление экономического сотрудничества между обоими странами. Трудящиеся массы Советского Союза сознательно идут на уступки, считая, что всякая жертва, ими приносимая, будет полностью оценена британским правительством и британским народом.

Тем не менее в течение 6-летнего периода, во время которого дипломатические сношения между британским правительством и Советским Союзом были прерваны, жизненные интересы и достоинство Советской России были нарушены рядом вопиюще несправедливых актов, в которых участвовало британское правительство. Только постепенное исправление этих актов даст народам Советского Союза осязательные доказательства британской дружбы.

К числу вопросов, которые решены были с полным нарушением не только интересов России, но и всех основ международного права, должна быть отнесена **санкция союзными правительствами, в том числе и Англией, насильственного присоединения Бессарабии к Румынии.**

В связи с венской конференцией я уже имел честь, в качестве поверенного в делах Советского Союза в Лондоне, представить британскому правительству по этому вопросу меморандум, который я присоединяю к протоколу конференции, чтобы не давать здесь детальной картины развития этого вопроса. **Я считаю необходимым, однако, в присутствии британской делегации заявить перед британским правительством и всем британским народом самый решительный протест от имени Советского Союза против акта насилия, совершенного по отношению к СССР.**

В договоре, подписанном в Париже 28 октября 1919 г., в качестве оправдания его подписания, уполномоченные со-

юзных держав заявили, что союзники основываются на том факте, что «население Бессарабии выразило желание видеть Бессарабию об'единенной с Румынией». Утверждая это, союзники базировались исключительно на заявлении самого румынского правительства, т.-е. на заявлении стороны, заинтересованной в утаивании правды.

При малейшем желании удостоверить последнюю, союзники не затруднились бы убедиться, что румынское правительство оккупировало Бессарабию обманом, под предлогом временной оккупации с гуманитарными целями, а именно для обеспечения поставки продовольствия русским и румынским войскам, воевавшим на румынском фронте. С другой стороны, как могло британское правительство убедиться из представленного мною меморандума, резолюции так называемого «Сфатул Церии», который не представлял воли населения, будучи не парламентом, а учреждением, специально для этой цели созданным, частью являются подложными, а частью вынуждены силой, под угрозой румынских штыков. Аргументы, выдвинутые союзниками в этом отношении, лишены не только законной, но и моральной силы.

Союзники представляли себе, что они сумеют замаскировать это грубое нарушение воли бессарабского народа, предусмотрев в договоре, что «румынское правительство даст гарантии свободы и справедливости, без различия расовой, религиозной или лингвистической принадлежности всем бессарабским гражданам». Тем не менее, союзники не могут не знать, что обязательства подобного рода со стороны государства, в котором преследование национальных меньшинств составляет государственную доктрину и в котором сотни тысяч жителей оставались в течении 40 лет без гражданских прав, вопреки торжественному обещанию этого государства на берлинском конгрессе дать им равные с румынскими гражданами, являются новым актом обмана. Это подтверждено всей политикой румынского правительства после войны по отношению к национальным меньшинствам, которые составляют треть нынешнего румынского королевства,— политикой, которая свелась к подавлению их национальной культуры и самосознания.

Параллельно с этим попранием ногами прав бессарабского народа, который только сам имеет право решать свою собственную судьбу, союзники, подписав договор от 28 октября 1919 г., совершили вопиющее нарушение международного права. Вот вопрос, на который союзники не нашли еще ответа: по какому праву распорядились они судьбой Бессарабии. Международное право не предусматривает никакого случая, в котором одна страна могла бы распоряжаться судьбой другой страны без согласия последней. Даже в отношении тер-

риторий, захваченных по праву победы, союзники прибегали к плебисциту, как было в вопросе о Верхней Силезии и Шлезвиг-Гольштинии.

Бессарабия, однако, принадлежала к государству, которое с целью обеспечить победу союзникам, оставило 3 миллиона жертв на поле битвы и для защиты самой Румынии против германской оккупации послало на румынскую территорию 15 пехотных и 2 кавалерийских корпуса, а также 7 кавалерийских дивизий, всего 376.700 штыков, 33.300 сабель и 1.200 кавалерийскких штыков, составляющих русскую армию на румынском фронте 24 января 1917 г., не считая дунайских отрядов. Жертвы, принесенные Россией для защиты Румынии в течении мировой войны, исчисляются приблизительно в 100 тысяч убитых и раненых.

Все обширное имущество 3 русских армий стало добычей румынского правительства вместе со всеми складами на бессарабской территории. И вместо этого сначала с помощью генерала Макензена и германской дипломатии после подписания мира в Бухаресте, затем с помощью союзной дипломатии румынское правительство нашло способ обогатиться одновременно за счет своего старого союзника России и своих врагов.

Договор, заключенный союзниками, ссылается также на исторические права Румынии на Бессарабию. Однако, если бы даже румынское правительство имело какие-либо исторические права на Бессарабию, то оно дважды отказалось от них по отношению к 3 бессарабским уездам, которые присоединены были к Румынии после Крымской войны. Впервые это имело место, когда Румыния получила Добруджу по берлинскому конгрессу 1878 года, а вторично это было в 1913 г., когда Румыния захватила новую часть болгарской территории.

Договор ссылается также на этнографические права. Если румынское население действительно является первоначальным в Бессарабии, и если оно составляет хотя бы относительное большинство бессарабского народа, выразившего желание соединиться с Румынией, то это оно могло бы сказать само, если бы ему была предоставлена возможность свободно выразить свое мнение. Постоянный отказ румынского правительства согласиться на плебисцит доказывает, что оно не может даже положиться на симпатию румынского населения Бессарабии, которое всецело настроено против румынского владычества. Неоднократно СССР заявлял и снова заявляет, что договор 28 октября 1919 г. не имеет силы. **Во-первых, с точки зрения международного права Бессарабия является и остается территорией, принадлежащей к СССР. Только сам бессарабский народ может изменить этот исторический факт и ему должна быть предоставлена свобода для выражения своей**

воли, при чем Бессарабия должна быть эвакуирована румынскими войсками и румынской администрацией. Рабочие и крестьяне СССР в течение долгих лет боролись и принесли неслыханные жертвы с целью обеспечить народам национальную независимость. Они свергли царский режим, и среди тех, которым русская революция принесла свободу, находится и бессарабский народ. Но это не сделано было для того, чтобы эта свобода бессарабского народа могла быть отнята у него правительством, которое в своей политике и международных отношениях нисколько не лучше царского правительства.

От имени советской делегации я спрашиваю британскую делегацию: что она намерена сделать с целью возместить несправедливость, совершенную по отношению к СССР и бессарабскому народу.

Третья декларация, оглашенная Раковским на последнем заседании английской конференции, гласит:

«При помощи союзников, и в частности британского правительства, Румыния получила по Сен-Жерменскому договору еще другую территорию, населенную украинцами, а именно северную часть Буковины. Этот акт насилия со стороны Румынии противоречит договору, подписанному между Румынией, Россией и другими союзниками 4 августа 1916 года, накануне вступления Румынии в войну. Аннексия Бессарабии тоже является нарушением договора, который Румыния заключила с советским правительством в марте 1918 г. **От имени советского правительства советская делегация решительно протестует против этих актов насилия, совершенных Румынией с помощью союзников, включая и Англию. Населению Буковины должно быть дано право самому определить свою судьбу.**

Протестуя против действий румынского правительства, СССР далек от намерения сделать румынский народ ответственным за действия его правящих классов. В сердцах румынских крестьян живет глубокая симпатия к революционной России, которая, сбросив иго царизма и положив этим конец аннексионистской политике царского правительства, стремившегося захватить Константинополь, вместе с тем уничтожила страшную опасность, грозившую румынскому народу и другим народам, населяющих Балканы. Румынское крестьянство относится с глубокой симпатией к российской революции также и потому, что, благодаря этой революции, румынское правительство вынуждено было хотя бы частично осуществить аграрную реформу и дать землю румынским крестьянам».

Четвертая декларация гласит:

«Не взирая на то, что 70 проц. населения Восточной Галиции составляют украинцы и только 14 проц. поляки, конференция союзных послов в Париже постановила в 1923 г. присоединить Восточную Галицию к Польше. Это не только наси-

лие над волей народа Восточной Галиции, но и нарушение повторных обещаний союзных держав дать населению Восточной Галиции право национального самоопределения. Несмотря на все эти обещания, огромной области с населением в 5½ миллионов было при помощи союзников навязано иностранное иго. В результате победы союзников, которая должна была означать победу демократии над милитаризмом, украинское население Восточной Галиции попало в положение худшее, чем тогда, когда оно было подвластно феодальной и клерикальной австро-венгерской монархии. 24 сентября 1921 года по поводу рижского договора Советская Россия и Советская Украина торжественно заявили, что они сохраняют за Восточной Галицией право на национальное самоопределение. Советская Россия и Советская Украина повторили свой протест также в прошлом году в момент аннексии Восточной Галиции в Польше. Советская делегация повторяет этот протест и сегодня. Положение в Восточной Галиции грозит осложнениями, и долг английского правительства, заявляющего о своей готовности дать прочные основы миру, помочь населению Галиции самому определить свою судьбу.

Этим актом английское правительство выполнит торжественные обещания, данные населению Восточной Галиции».

Пятая декларация гласит:

«Выражая свое согласие на подписание конвенции о проливах, советское правительство подчеркнуло в своей ноте державам, подписывавшим лозаннский договор, что оно не может рассматривать эту конвенцию, как укрепляющую мир на Востоке. Положение, которое существовало до войны, когда проливы были закрыты для иностранных флотов, равно как и для флотов государств, расположенных на берегу Черного моря, имело то огромное преимущество, что оно ограждало Черное море от военных действий в случае войны. Открытие проливов для военных судов ставит советское правительство в необходимость принять меры для защиты берегов СССР, равно как и пограничной территории прилегающей к берегам. Таким образом, соглашение о проливах вместо того, чтобы уменьшить причины, влекущие за собой вооружения, увеличивает их. Советская делегация вновь подымает этот вопрос потому, что решение, принятое по вопросу о проливах, направлено не только против СССР, но и против общего мира. Так как инициатива такого резрешения вопроса о проливах принадлежала, главным образом, английской дипломатии, то советское правительство считает, что нынешнее английское правительство, которое уже доказало свое желание сохранить мир и устранить возможности международного конфликта, примет во внимание точку зрения, выдвинутую советской делегацией о пересмотре лозаннского договора в части, касающейся соглашения о проливах».

Сущность англо-советского договора, как формулировал тов. Раковский в своей речи на пленуме Моссовета 20 августа 1924 г. сводилась к трем пунктам: к вопросу о довоенных долгах, к частной собственности, к займу.

По вопросу о довоенных долгах СССР соглашается не признать долги, а удовлетворить претензии английских граждан в из'ятии из нашего законодательства. Таким образом, исключение подтверждает правило, и ссылка на наше революционное законодательство об аннулировании долгов фигурирует в этом пункте. Мы согласны удовлетворить эти претензии с условием, во-первых, что процентные бумаги находились в руках английских граждан до заключения торгового соглашения в 1921 году; во-вторых, речь идет о бумагах, которые вычислены в иностранной валюте, т.-е. все бывшие русские внутренние рублевые долги нами отвергаются; в-третьих, условия оплаты возмещения за претензии по этим долгам должны определиться на основании признания английским правительством принципа, что долги не будут платиться полностью.

По вопросу о частной национализированной собственности, правительство СССР соглашается вступить в переговоры с частными собственниками. Мы соглашаемся составить комиссию, задачей которой будет исключительно собирание и изучение материалов, с условием, что мы при подписании договора будем искать практического решения этого вопроса, и смысл и характер этого решения нами был бы неоднократно указан английской делегации. Мы будем иметь в виду только такие собственности, которые представляют для нас важность или с точки зрения утилитарной, или по соображениям социальной справедливости,— таким собственникам мы пойдем навстречу.

Таким образом, по этому пункту нет никакого общего обязательства и, главное, что в конце концов, вопрос может решиться только с нашего согласия. Всякое независимое от нас решение арбитражной комиссии или комиссии экспертов абсолютно исключено.

Третий пункт о займе. Английское правительство обязуется при предварительном практическом разрешении вопроса о военных долгах и частной собственности рекомендовать английскому парламенту гарантию для нашего государственного займа. Отношение размера наших обязательств к размеру займа, а также условия размера займа и цель займа будут предметом второго договора.

Все эти три пункта связаны как формально, так и органически. В нашем договоре имеется пункт, который говорит, что все пункты, касающиеся ликвидации долгов, обязательства, относятся к займу, составляют одно неразрывное целое, и если в этой цепи отпадает какое-нибудь звено, то вся цепь распадется. Если нет займа, все обязательства, которые мы

приняли по отношению к довоенным долгам и собственности отпадают. Но также и обратное: если мы практически не договоримся по первым двум вопросам, то отпадает и заем».

Как отметил тов. Раковский в этой же речи на пленуме Моссовета 20 августа, с первого же момента англо-русских переговоров 1924 года, наша делегация в Англии очутилась перед абсолютно такой же обстановкой, перед какой мы находились в Генуе и Гааге. Вопросы были поставлены нам в такой же форме, с такими же требованиями, которые привели Геную и Гаагу к некоторому результату. Только благодаря давлению рабочих масс Англии договор все же был подписан. Но противники договора не сложили оружия. Не только консерваторы, но даже либералы, благодаря поддержке которых рабочая партия во главе с Макдональдом стали у власти в Англии, повели отчаянную аттаку против англо-русского договора. «*Договор, но без займа*», вот программа англо-русских отношений, которую выдвигали либералы, зная хорошо, что отказ от проэкта гарантированного английским правительством займа равносилен отказу от всего договора.

С особой яростью обрушился на договор 8 августа бывший пропагандист идеи сближения Англии с СССР Ллойд-Джордж, доказывавший, что этот договор якобы является самым бесполезным и невыгодным договором, который когда - либо заключала Англия, что этот договор преследует де революционные цели. «Поскольку этот договор не является уверткой, постольку он безрассуден», утверждал Ллойд-Джордж. В своей речи от 10 сентября 1924 г. Ллойд-Джордж сделал следующее заявление:

«Является актом преступного легкомыслия гарантировать огромные суммы, которые должны быть истрачены в другой стране правительством, принципы которого вероломны и разрушительны. В этой стране распоряжаются теперь люди, единственной целью которых является разрушение всякой частной собственности, которые не признают частного капитала и хотят погубить частные предприятия повсюду; им удалось уже почти совешенно разрушить промышленность, существовавшую в России перед войной. Я знаю, что, голосуя против гарантии займа, мы кидаем вызов правительству в вопросе, который является неот'емлемой частью его программы. Но первый вызов сделало оно, и этим оно решило бросить перчатку в залу палаты общин. Если бы либеральная партия смалодушничала, то этот ущерб нанес бы ущерб тому доверию и уважению, которым пользуется английская нация. Если же правительство, распустив палату и назначив новые выборы, обратится к стране, то я предсказываю, что сторонники англо-советского договора потерпят невиданное до сих пор поражение».

В речи от 6 октября 1924 г. Ллойд-Джордж заявил, что несмотря на утверждения Макдональда, причина третьих выборов за два года заключается де в том, что кучка крайних революционеров, стоящая за премьером, заставила его взять курс, против которого он сам восставал.

«Предложение предоставить советскому правительству заем без всякой гарантии, что деньги будут возвращены, является чудовищным. Если лидеры профсоюзов, поддерживающие правительство, сами не вкладывают деньги профсоюзов в русские ценности, то какое право имеют они ожидать, чтобы это сделали обремененные английские плательщики налогов. В действительности они предлагают стране дать деньги на революционные цели для революционеров».

Целый ряд либеральных газет поддерживал точку зрения Ллойд-Джорджа, ожесточение аттакуя рабочее правительство, подписавшее договор, предусматривающий как формулировала «Дейли Кроникль», *предоставление гарантированного займа правительству, которое еще не признало своих долгов и которое лишь неопределенно намекает, что если оно и признает их частично, то будет выплачивать последние только с помощью тех денег, которые оно соберет с Англии»*.

Вслед за Ллойд-Джорджем и Асквитом, против англо-советского договора выступили лидеры консерваторов Черчиль и Бальфур. Таким образом, создался единый фронт либералов и консерваторов против договора, с той разницей, что консерваторы открыто высказывались против всего договора, в то время, как либералы лицемерно заявляли, что они не против договора вообще, а лишь против гарантии правительственного займа для Советского союза в Англии.

В своей ожесточенной кампании против договора консерваторы и либералы нашли горячую поддержку со стороны английских кредиторов России, бывших владельцев фабрик и заводов в России, равно как всякого рода ценных бумаг, приобретенных в эпоху царизма. 8 сентября вся английская пресса опубликовала резолюцию, принятую Исполнительным Комитетом «Ассоциации британских кредиторов России»:

«Ассоциация предлагает парламенту отклонить ратификацию договоров, подписанных между правительством его величества и СССР 8 августа 1924 г., так как эти договоры: 1) не обеспечивают полной и адекватной компенсации за убытки и ущерб, понесенные британскими подданными; 2) нарушают их право; 3) препятствуют возобновлению торговых сношений между обоими странами; 4) предоставляет неоправданные и опасные привилегии советскому правительству».

Одновременно исполком ассоциации опубликовал заявление, в котором, указывает, что как только стало известно о предстоящей англо-советской конференции, он направил британскому премьеру и министру торговли резолюцию, в кото-

рой выражалась уверенность, что правительство сумеет добиться справедливого удовлетворения всех британских претензий на конфискованную собственность и займы, аннулированные советским правительством. «Исполком сожалеет, — гласит далее заявление,— что уверенность, выраженная в этой резолюции, не оправдалась».

Позиции британских кредиторов,— указывается в заявлении,— нанесен сильный удар отказом от прав британских граждан, содержащихся в ст. 6 главы генерального договора, которая гласит: «Правительство признает, что финансовое и экономическое положение Советского Союза делает неосуществимым полное удовлетворение претензий, упомянутых в предыдущем параграфе».

«Договор предусматривает создание двух комиссий для определения претензий на конфискованную собственность, убытки и т. д. Три члена этой комиссии назначаются английским правительством, а три других члена—советским правительством. Таким образом, комиссии эти не носят беспристрастного характера, ибо одна из сторон, которая будет принимать участие в этих дискуссиях,— правительство издавшее декреты о национализации и конфискации,— не может быть судьей в вопросе о сумме компенсаций, которую следует выплатить».

Заявление далее гласит: «Признание монополии советского правительства на внешнюю торговлю в торговом и навигационном договоре, а также присвоение советским коммерческим представителем дипломатического иммунитета абсолютно исключает возможность, в случае ратификации договора, возвращения в Россию коммерсантов, прежде имевших дела с Россией, для возобновления там своей коммерческой деятельности».

«Не принято никаких мер, которые облегчили бы британским коммерсантам от'езд в Россию для открытия экспортной торговли из Англии, но эта торговля сделана монополией советского правительства. Таким образом, *советскому правительству предоставлены громадные преимущества, в то время, как британские коммерсанты и подданные лишены соответствующих привилегий.* По мнению исполкома, гарантированный заем Советскому Союзу в неопределенном размере означает, что неадекватные и иллюзорные компенсации, которые должны быть даны британским подданным по их претензиям, будут уплачены из карманов британских налогоплательщиков, и таким образом, бремя убытков, причиненных действиями советского правительства, будет возложено на британское государство».

Наряду с ассоциацией британских кредиторов России выступила в бой против договора и «Федерация британских про-

мышленников», которая еще в феврале 1924 г. опубликовала открытое письмо Макдональду, где были выставлены следующие 6 пунктов, принятие которых советским правительством федерация считает необходимым условием для создания атмосферы доверия:

1) признание советским правительством всех долгов прежних русских правительств как по отношению к британскому правительству, так по отношению и к британским подданным;

2) уплата советским правительством процентов по этим долгам;

3) обязательства со стороны советского правительства принять меры к выплате основного долга;

4) определенное признание советским правительством своего обязательства уплатить полную компенсацию британским подданным, потерпевшим личный и имущественный ущерб вследствие событий связанных с революцией в России;

5) согласие советского правительства притти к соответствующему соглашению относительно установления размера этой компенсации, а также по вопросу о способах, обеспечивающих возможно скорое урегулирование этих платежей;

6) обязательства со стороны советского правительства учредить расчетную комиссию для практического разрешения вопроса о долгах и процентах по ним, которые причитаются британским гражданам от русских граждан.

В своем письме федерация также задавала вопрос, считает ли британское правительство, что дореволюционные договоры, которые не были аннулированы или срок которым не истек, снова вступают в силу, благодаря признанию СССР, и будет ли британское правительство настаивать на признании советским правительством таких договоров. Вместе с тем федерация спрашивала, будет ли британское правительство настаивать на том, чтобы интересы британских граждан были ограждены в той же степени, как и по прежним договорам, и в той же мере, как интересы подданных других стран.

Таким образом, все силы буржуазии были мобилизованы против договора 8 августа.

Противники установления мира и дружбы между Англией и СССР отнюдь не ограничились одними словесными и газетными протестами против договора 8 августа. На другой же день после подписания этого договора британская колониальная дипломатия внезапно взорвала, по выражению Марка Поло,— мину в одном из важнейших исторических пунктов азиатских конфликтов, вызвав восстание в юго-восточной части Афганистана против эмира Аманулы-хана, пытающегося превратить Афганистан в современное прогрессивное государство, восстание, представляющее собой в конечном счете атаку направленную против Советского Союза. Одновременно с этим британские дипломаты с помощью наемных агентов поднимают

восстание отсталых бродячих племен в Персии против дружественного нам правительства Риза-хана. Такой же характер носит английский ультиматум Китаю, ультиматум, направленный в конечном счете против СССР. Не ограничиваясь враждебной СССР деятельностью за пределами СССР, английская дипломатия проявляет свою активность и внутри нашего Союза, тайно инспирируя грузинский путь.

Под влиянием протестов со стороны рабочего класса против этой политики срыва намечавшегося сближения СССР с Англией Макдональду пришлось поднять перчатку, и в своей речи 23 сентября Макдональд указал, что одной из главных помех для урегулирования вопроса о национальном долге является Ллойд-Джордж. Именно Ллойд-Джордж возбудил войну против России, именно правительство Ллойд-Джорджа нанесло убытки России, и Россия пред'являла контр-претензии. Макдональд указал, что либералы издержали 100 миллионов фунтов стерлингов на интервенцию [1]). Ясно, что Ллойд-Джордж не мог примириться с мыслью о необходимости платить Советской России за разрушения, вызванные интервенцией, которую он сам санкционировал.

В своей речи 28 сентября Макдональд указал, что «*соглашение с СССР является ныне главнейшей частью политики рабочей партии*» *и пригрозил распустить палату общин*, если последняя не даст возможности осуществить это соглашение.

Однако, эта угроза не испугала противников договора, которые решили дать бой Макдональду именно на русском вопросе. Придравшись к одному делу, известному под именем дела Кембелля (дело редактора коммунистического органа, инвалида войны Кембелля, от обвинения которого отказалась прокуратура), либералы совместно с консерваторами нанесли Макдональду поражение в палате общин, и таким образом были назначены новые выборы.

---

[1]) Эта цифра немногим ниже той цифры (107 мил. фунт. стерл.), которую мы давали в первом издании нашей работы, вышедшей в 1922 г. (см. глава 11 § 3).

2. Выборная кампания конца 1924 г. Подложное письмо Зиновьева.

Избирательная кампания, происходившая в конце октября 1924 г., носила такой ожесточенный характер, какой не имели до сих пор парламентские выборы в Англии. В выборых принимало участие небывало большое число избирателей. Особенно оживленное участие в выборах принимали женщины, голосовавшие в значительно большем количестве, чем при каких либо прежних выборах. На выборах стали друг против друга два класса—рабочий класс с одной стороны, буржуазия, консервативная и либеральная с другой. Никогда еще рабочие массы Англии не были настроены так активно, как этот раз. Но вожди рабочей партии в лице Макдональда и его приемников сделали все от них зависящее, чтобы обеспечить победу врагов рабочего класса, противников сближения с СССР. Никто другой как Макдональд был главным пособником консерваторов в знаменитой истории с подложным письмом Зиновьева.

24 октября 1924 г. как раз в самый разгар избирательной кампании английское министерство иностранных дел препроводило поверенному в делах СССР в Лондоне тов. Раковскому следующее письмо:

«Имею честь обратить ваше внимание на прилагаемую копию письма от 15 сентября, полученного центральным комитетом британской коммунистической партии от Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала за подписью председателя последнего—Зиновьева. Письмо содержит даваемые британским подданным инструкции работать над насильственным ниспровержением существующего строя Англии и над разложением вооруженных сил его величества в качестве средства для указанной цели. Мой долг—уведомить вас, что правительство его величества не может допустить этой пропаганды и должно рассматривать ее как прямое вмешательство извне во внутренние британские дела. Всякий, кто знаком с организацией и связями Коммунистического Интернационала, не сомневается в его тесной связи и контакте с советским правительством. Никакое правительство не может терпеть такого порядка взаимоотношений с иностранным правительством, при котором оно находится с последним в правильных формальных дипломатических сношениях, но в то же время пропагандистская организация, непосредственно связан-

ная с этим иностранным правительством, побуждает подданных данного правительства и даже приказывает им составлять заговоры и подготовлять революцию для его ниспровержения.

Такой образ действий является не только серьезным отступлением от правил международного общения, но и нарушением особого торжественного обязательства, неоднократно дававшегося советским правительством правительству его величества. Всего лишь 4 июня прошлого года советское правительство заключило следующее торжественное соглашение с правительством его величества: «Советское правительство обязуется не поддерживать ни материально, ни в какой-либо иной форме лиц, организаций, агентств или учреждений. целью которых является распространение недовольства или возбуждение к мятежу в какой-либо части Британской империи, а также обязуется побудить своих должностных лиц к полному и постоянному соблюдению этих правил».

Кроме того, в договоре, который недавно был заключен между правительством его величества и вашим правительством, было сделано дальнейшее постановление для добросовестного выполнения подобного обязательства, которое является важным для существования добрых и дружественных отношений между обеими странами.

Правительство его величества полагает, что эти обязательства должны выполняться как буквально, так и по своему духу, и не может вдаваться в спор по поводу того, что в то время, как советское правительство принимает на себя обязательства некоторой политической организации, столь же мощной, как и само советское правительство, может быть разрешено вести и поддерживать деньгами пропаганду, которая сопряжена с прямым нарушением официального соглашения (английское слово «агремон»).

Советское правительство либо имеет, либо не имеет полномочия на заключение таких соглашений. Если оно имеет полномочия, то его обязанность является выполнять их и следить за тем, чтобы другая договаривающаяся с ним сторона не была введена в заблуждение. Если же оно не имеет таких полномочий, и если ответственность, которая в других странах принадлежит государству, находится в России в обладании безответственных организаций, то советское правительство не должно было бы заключать соглашения, которое оно заведомо для него не может выполнять. Я буду вам обязан, если вы будете так добры, безотлагательно сообщить мне соображения вашего правительства по данному вопросу».

За министра иностранных дел: *Грегори*».

Приводим текст копии письма, приписываемого Зиновьеву, которая приложена к письму Грегори.

«Совершенно секретно. Центральному комитету британской коммунистической партии. Исполнительный Комитет Третьего Коммунистического Интернационала. Президиум, сентябрь, 15, 1924 г. Москва.

Дорогие товарищи, приближается время обсуждения в английском парламенте договора, заключенного между правительствами Великобритании и СССР с целью его ратификации. Ожесточенная кампания, поднятая британской буржуазией вокруг вопроса, показывает, что большинство ее вместе с реакционными кругами выступает против договора с целью сорвать соглашение, укрепляющее узы между пролетариатом обеих стран и ведущее к восстановлению нормальных отношений между Англией и СССР. Пролетариат Великобритании, который произнес свое веское слово, когда грозила опасность разрыва переговоров, и принудил правительство Макдональда заключить договор, должен проявить максимально возможную энергию в предстоящей борьбе за ратификацию и против стараний британских капиталистов, желающих принудить парламент аннулировать договор. Необходимо возбудить к действию массы британского пролетариата, привести в движение армию безработного пролетариата, положение которого может улучшиться только после того, как СССР будет предоставлен заем для восстановления его хозяйства, и после того, как будет налажено деловое сотрудничество между британским и русским пролетариатом. Абсолютно необходимо, чтобы та группа в рабочей партии, которая сочувствует договору, усилила свое давление на правительство и на парламентские круги в пользу ратификации договора. Наблюдайте тщательно за лидерами рабочей партии, потому что они легко могут запутаться в сетях буржуазии. Иностранная политика рабочей партии в ее нынешнем виде является дурной копией политики правительства Керзона. Организуйте кампанию разоблачения иностранной политики Макдональда. ИККИ охотно предоставит вам широкий материал, находящийся в его распоряжении и относящийся к деятельности британского империализма на Среднем и Дальнем Востоке. Пока же напрягайте все силы в борьбе за ратификацию договора и в пользу продолжения переговоров об урегулировании отношений между СССР и Англией. Упорядочение отношений между обеими странами будет содействовать революционизированию международного и британского пролетариата не меньше, чем успешное восстание в каком-либо из пролетарских округов Англии, ибо тесный контакт между британским и русским пролетариатом, обмен делегациями и работниками и т. п. сделает для нас возможным расширить и развить пропаганду идей ленинизма в Англии и колониях.

Вооруженной борьбе должна предшествовать борьба против склонности к компромиссам, которая укоренилась среди большинства британских трудящихся, против идей эволюции и мирного капитализма. Только тогда можно будет рассчитывать на полный успех вооруженного восстания. В Ирландии и колониях дело обстоит иначе: там имеется национальный вопрос и это является слишком большим фактором успеха для нас, чтобы тратить время на длительную подготовку рабочего класса. Но даже в Англии, как и в других странах, где рабочие обладают политическим развитием, сами события могут быстрее революционизировать трудящиеся массы, чем пропаганда.

Например, репрессии против забастовочного движения со стороны правительства. Из вашего последнего отчета явствует, что агитационно-пропагандистская работа в армии слаба, во флоте — немного лучше. Ваша ссылка на то, что качество привлеченных в армию членов искупает их количество, в принципе правильна; но, тем не менее, было бы желательно иметь ячейки во всех войсковых частях, в особенности в тех, которые расположены в крупных центрах, а также на предприятиях, изготовляющих военное снаряжение, и на военных складах. Мы предлагаем, чтобы самое тщательное внимание уделялось этим последним. В случае опасности войны с их помощью и в контакте с транспортниками можно парализовать все военные приготовления буржуазии и начать превращение империалистской войны в классовую войну.

Теперь более, чем когда-либо мы должны быть на-страже. Попытки интервенции в Китае показывают, что мировой империализм до сих пор еще полон сил и снова старается восстановить свое пошатнувшееся положение и вызвать новую войну, конечная цель которой—сокрушить русский пролетариат, подавить развивающуюся мировую революцию, а затем поработить колониальные народы.

«Опасность войны, буржуазия ищет войны, капитал — новые рынка» — таковы лозунги, к которым вы должны приучить массы, и с которыми вы должны итти работать в пролетарские массы. Эти лозунги откроют вам двери понимания масс, помогут привлечь их и шествовать под знаменем коммунизма.

Военный отдел британской коммунистической партии, насколько мы осведомлены, терпит, кроме того, недостаток в специалистах — будущих руководителях британской Красной армии. Пора вам подумать об организации такой группы, которая вместе с лидерами партии могла бы в случае, если вспыхнет активная забастовка, быть мозгом военной организации партии. Пересмотрите внимательно список военных ячеек, выделяя из них наиболее энергичных и способных людей. Обратите внимание на более или менее талантливых военных специалистов, которые по той или иной причине оставили военную службу и держатся социалистических взглядов. Привлекайте их в ряды коммунистической партии, если они желают честно служить пролетариату и желают в будущем руководить не слепыми механическими силами на службе у буржуазии, но национальной армией. Организуйте руководящий оперативный штаб военной секции, не откладывайте этого на будущий момент, который может изобиловать событиями и захватить вас врасплох.

Желаем вам успеха как в организационных делах, так и в вашей борьбе.

С коммунистическим приветом председатель президиума ИККИ

Зиновьев.

Член президиума **Мак-Манус.**

Секретарь **Куусинен».**

Письмо это являлось фальсификацией от первого до последнего слова. В телеграмме тов. Раковскому тов. Литвинов предложил заявить от имени советского правительства, что

мнимое письмо Коминтерна представляет бессовестную подделку, имеющую цель сорвать англо-советский договор, что в виду использования этой подделки в официальном документе советское правительство будет настаивать на принесении ему соответствующего извинения и привлечения к ответственности как частных, так и официальных лиц, прикосновенных к означенной подделке.

Макдональду было ясно, что пресловутое письмо Зиновьева представляет собой подложный документ, сфабрикованный и пущенный в оборот при содействии чиновников его министерства, но лидеру рабочей партии хотелось показать, что и он умеет говорить с московским правительством языком Керзона, что он, как выразился тов. Каменев, хороший вояка против коммунизма. «Письмо Зиновьева» было опубликовано за два дня до окончания выборов с таким расчетом, чтобы ответ советского правительства мог прийти уже после завершения избирательной кампании. Что сам Макдональд сомневался в подлинности письма, это явствует из его речи в Кардиффе, речи, в которой Макдональд сказал:

«*Если письмо Зиновьева — подделка, то это свидетельствует о том, какой мерзостью мы окружены.* Если же оно настоящее, то можете быть уверены, что пока существует рабочее правительство и я стою во главе его, это правительство будет бороться с твердой решимостью против всяких попыток иностранных правительств вмешиваться в наши внутренние дела».

Письмо Зиновьева сделалось боевым кличем последних дней английской избирательной кампании. Оно явилось в руках либералов и консерваторов главным козырем в борьбе не только против Советского Союза и коммунистической партии, но одновременно и против самого правительства Макдональда. Последний сам вложил в руки своих противников оружие против рабочей партии и вырыл себе могилу на октябрьских выборах 1924 г. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести некоторые выдержки из английских газет:

«Таймс» писало: «В самый критический момент выборов Макдональд принужден признать, что его главный козырь в настоящий момент не имеет никакой цены. Премьер своей нотой Раковскому сам лишил себя поддержки. Он убил англо-советский договор собственной рукой, хотя, правду сказать, этот договор был уже мертв. Вряд ли можно полагать, чтобы нация снова доверила ведение важных государственных дел руководителю, который по собственному признанию позволил одурачить себя».

«Дейли Экспресс» указывало, — что нота министерства иностранных дел по поводу письма Зиновьева является политической бомбой и может воспламенить общественное мнение

еще более против русских, а следовательно и против тех, кто защищает русский заем, в том числе прежде всего против Макдональда.

«Дейли Кроникль» утверждало, что *письмо Зиновьева самым определенным образом доказывает всю нелепость договоров, которые за месяц перед тем были подписаны Макдональдом* и являются лучшим оправданием политики либералов, решивших из чувства патриотизма стать между нацией и безумием Макдональда, подписавшего договор с Москвой.

«Морнинг Пост» обвиняло рабочее правительство в неспособности бороться против большевистской пропаганды и заключило свою пространную передовую статью следующими словами: «Правительство, которое выставляет главным своим козырем договор с большевиками и взывает к стране, требуя его одобрения, а затем само доставляет доказательство, высмеивающее этот договор, не может пользоваться доверием даже при самой малой дозе здравого смысла».

Консерваторы, как нельзя лучше воспользовались подложным письмом Зиновьева и двурушническим поведением Макдональда, чтобы нанесть рабочему правительству сокрушительный удар. В целом ряде статей и речей консерваторы призывали британский народ проснуться, чтобы ему не перерезали горла наемники Зиновьева и призывали каждого мужчину и каждую женщину идти во имя спасения страны к избирательным урнам и голосовать за консерваторов, правительство, которое сумеет разделаться с презренными большевиками и их достойными английскими товарищами, в том числе и с двурушниками и их достойными английскими товарищами, в том числе и с двурушниками из рабочей партии и рабочего правительства.

Каковы же были последствия гнусного подлога с письмом Зиновьева и позорного поведения в этой истории главы рабочего правительства Макдональда с точки зрения результатов избирательной кампании? На этот вопрос тов. Зиновьев в своей речи на губернской конференции военных коммунистов 25 ноября 1924 г. дал следующий ответ:

«Произошли выборы. В итоге голосования консерваторы получили 7 с лишним миллионов голосов, а партия Макдональда — 5 с лишним миллионов голосов. Англичане говорят, что, так называемое, «письмо Зиновьева» дало консерваторам по крайней мере один миллион голосов. Другими словами, оно в значительной степени решило судьбу выборов, потому что, если у консерваторов отнять этот миллион и приложить к голосам рабочей партии, то получается разница в 2 миллиона, как раз те два миллиона, которые решили исход выборов. Таким образом, говоря попросту, английские консерваторы пришли

к власти при помощи фальшивого паспорта и откровенного подлога. Они сфабриковали письмо и пустили его во всех газетах».

Консервативная партия, получившая на прошлых выборах 5.359.690 голосов, теперь получила 7.597.894 голоса. Таким образом, она получила на 2.240.000 голосов больше, чем в прошлый раз. Со своей стороны Рабочая Партия, получившая прошлый раз 4.348.000 голосов, на этот раз собрала 5.501.934 голоса, т.-е. увеличила число поданных за нее голосов на 1.150.000. Наконец, либералы, собравшие прошлый раз 4.251.000 голосов, на этот раз получили всего 3.105.325 голосов, т.-е. число поданных за них голосов уменьшилось на 1.150.000.

Таким образом, выборы кончились неожиданной по своим размерам победой консерваторов и столь сокрушительным разгромом либералов, который превзошел все ожидания [1].

---

[1]) В связи с этим разгромом либералов либеральная партия открыто обсуждала на страницах „Манчестер Гардиан" вопрос о том, не должна ли она совсем прекратить свое существование. Однако, английская буржуазия едва ли допустит исчезновение либеральной партии, ибо существование двух буржуазных партий, борющихся друг с другом и поочередно правящих страной, является лучшим средством одурачения народных масс. Не в интересах правящих классов допустить такое положение вещей, при котором существовали бы только две партии консервативная и рабочая, ибо это привело бы к разложению по классовой линии.

Как отметил уже т. Мерфи в корреспонденции из Лондона (Правда 11—XII—24) в доказательство того, что либералы доживают свои последние дни, выдвигается, помимо ссылки на их сокрушительное поражение на последних выборах, и другой довод, не лишенный правда, некоторого основания, но который переоценивает центростремительную тенденцию британского империализма. Говорят, что лозунг либералов о свободной торговле уже потерял свою силу, и что развитие хлопководства внутри империи ведет к слиянию ланкаширского либерализма и консерватизма. Это—преувеличение. Более 70 проц хлопка для ланкаширских бумагопрядилов получается из Америки, и пройдет еще много времени, прежде чем внутреннее производство хлопка в состоянии будет вытеснить Америку в качестве крупного поставщика сырья.

3. Эпоха Чемберлена-Болдуина

(Возвращение консервативной партии к власти и новый период англо-советских отношений. Английская оффензива против Востока. Египетские и суданские осложнения. Интриги в Персии. Английские козни против СССР в прибалтийских странах, Польше и Румынии. Перспектива англо-советских отношений).

Правительство Макдональда продержалось 9 месяцев. Этот период, несмотря на всю трусость и двурушничество Макдональда, прошел под знаком сближения с СССР, ибо рабочий класс, выдвинувший Макдональда, и так называемое «рабочее правительство» не позволил бы своим избранникам, ставшим у власти, вести открыто враждебную политику против Советского Союза. Естественно, что Макдональду приходилось лицемерить и изображать из себя искреннего сторонника сближения с СССР.

Иначе повело себя консервативное правительство с первого же момента перехода власти в его руки. Во время избирательной кампании консерваторы дали бой рабочей партии на платформе отношения к Советской России, и теперь могли утверждать, будто страна высказалась против СССР. Не успели консервативные члены правительства занять свои министерские кресла, как они взялись за «письмо Зиновьева» и назначили комиссию для расследования вопроса о большевистской пропаганде и вообще отношениях с СССР. Английское правительство заявило в ноте «Чемберлена тов. Раковскому, что оно считает письмо Зиновьева подлинным и опубликовало» следующий текст ноты советскому правительству по поводу англо-советского договора 8 августа:

«Правительство подвергло пересмотру договоры, заключенные его предшественниками с советским правительством и подписанные 8 минувшего августа. Имею честь уведомить вас, что после надлежащего обсуждения правительство нашло, что оно не может рекомендовать эти договоры на рассмотрение парламента или предложить их королю для ратификации».

Подписано: **Чемберлен.**

Что же представляет собой это консервативное правительство, которое на другой день после своего образования разорвало договор 8 августа, мертворожденный продукт девятиме-

сячных родов правительства Макдональда, и начало открытую войну против Советской России.

Либеральная газета «Манчестер Гардиан», разбирая социальный состав буржуазных партий нового английского парламента, отмечает, что депутаты-консерваторы распределяются по своему социальному положению следующим образом: *банковские деятели — 18, углепромышленники — 6, нефтепромышленники — 2, помещики — 22, представители текстильной промышленности — 18, пивовары — 9, купцы — 43, представители машиностроительной промышленности — 16, представители химической промышленности — 1, представители транспортных обществ и судовладельцы — 12, представители газетных предприятий—6, лица, живущие на проценты с капитала рантьеры —116;* кроме того среди консерваторов имеется: 65 адвокатов, 6 журналистов, 3 педагога, 1 служитель культа, 26 офицеров армии, 9 офицеров флота, 7 лиц, имеющих ученую степень доктора.

Среди 615 членов парламента насчитывается 414 членов правления и директоров различных торговых и промышленных предприятий. Из этих 414 депутатов 214 человек согласно бюллетеню рабочего бюро изысканий (Labour Research Department) непосредственно связаны с *крупно*-капиталистическими верхами, с 509 различными предприятиями крупного типа. В палате лордов число директоров достигает 425. Таким образом, 839 капиталистических предприятий представлены в законодательных учреждениях непосредственно своими руководителями. Само собой понятно, что среди этих директоров находятся и такие, которые одновременно возглавляют различные финансовые и промышленные предприятия, тесно связанные между собой. Все эти директора об'единены федерацией британской промышленности, которая насчитывает в парламенте 74 своих представителя вместо 59, которых она имела в прошлом парламенте.

«Федерация британских промышленников» является капиталистической организацией, охватывающей свыше 1000 фирм с капиталом в 5 миллиардов фунтов стерлингов (около 50 миллиардов рублей золотом). Ясно, таким образом, кого представляет консервативное большинство в обеих палатах.

Что касается самого правительства, то физиономии Болдуина, сторонника покровительственных тарифов и усиленных вооружений, Керзона, ярого врага Советской России и автора пресловутых ультиматумов по адресу СССР, авантюриста Черчилля, истратившего с благословения Ллойд-Джорджа 100 миллионов ф. стерл. на интервенцию, лорда Беркенхеда, пропагандиста идей сильнейшего воздушного флота Англии для обеспечения ее гегемонии и, наконец, министра иностранных дел Остона Чемберлена, достойного сына своего знаменитого отца, главы английского империализма — сами говорят

за себя и о всех этих героях и вождях консервативной Англии, оплота мировой реакции и наступательной политики против СССР и всех народов Востока распространяться не приходится, тем более, что не только вся предшествующая деятельность этих джентльменов, но и первые шаги их на новых постах достаточно говорят за себя. Не успел Болдуин снова занять пост премьера, покинутый им в 1923 году, как он разразился в палате общин обстоятельной речью, в которой развил целую программу оградительных пошлин, дав понять при этом, что общеимперская экономическая комиссия, созданная рабочим правительством, будет использована для разработки протекционистских планов. А чтобы ярче подчеркнуть, что консервативное правительство берется за проведение в жизнь целиком старой программы, потерпевшей поражение на предшествующих выборах 1923—1924 г., Болдуин снова заговорил о постройке новых крейсеров, о решении превратить Сингапур в сильную военно-морскую базу, наконец, об отсрочке эвакуации Кельнской зоны. Последнее решение, несомненно, было принято по соглашению с французскими империалистами и свидетельствовало о том, что *Англия Болдуина и Керзона идет на уступки перед натиском французского империализма на европейском континенте, желая сосредоточить все свои силы для самой энергичной наступательной политики в Азии и всей восточной части африканского континента.*

После этого английскому правительству оставалось сделать только какой-нибудь энергичный жест, чтобы весь колониальный мир, все народы Востока увидели прыжок британского льва и его острые когти. Желанный повод броситься на намеченную добычу скоро представился.

Воспользовавшись убийством в Каире (19 ноября 1924 г.) неизвестными бомбистами английского генерала Листека, главнокомандующего египетской армии и генерал-губернатора Судана, правительство Болдуина, Керзона и Чемберлена через посредство верховного британского комиссара Аленби пред'явило египетскому премьер-министру Заглул-паше ультиматум с требованием: 1) извинений за убийство генерала; 2) строжайшего наказания всех лиц, причастных к убийству; 3) уплаты возмещения в размере 500 тысяч фунтов стерлингов (пяти миллионов рублей); 4) запрещения политических демонстраций; 5) отозвания египетских офицеров и египетских воинских частей из Судана и, наконец, 6) оставления в Египте английских юридических и финансовых советников.

Ответ на этот ультиматум должен быть дан в 24-часовой срок.

Одновременно с пред'явлением этого ультиматума английское правительство приняло ряд соответствующих военных мер. В воды Египта были двинуты броненосцы: «Айрон Дюк» и «Малайя» и крейсер «Карадок», на территорию Египта были

отправлены английские отряды, британские воздушные флотилии начали кружить над обреченной страной.

22 ноября, Британское министерство иностранных дел опубликовало следующий текст ноты, посланной египетскому правительству:

«Убийство главнокомандующего Листека, позорящее Египет в глазах всего цивилизованного мира, является естественным следствием агитации против прав Великобритании и британских подданных в Египте и Судане. Эта агитация, свидетельствующая о полнейшей неблагодарности за все те блага, которые Великобритания принесла Египту, поощрялась организациями, находящимися в тесном контакте с этим правительством. Не далее, как месяц тому назад, британское правительство предупреждало египетское правительство о последствиях, могущих возникнуть в случае, если оно не прекратит эту кампанию. Кампания эта не была остановлена. Египетское правительство допустило убийство генерал-губернатора Судана и тем самым доказало свою неспособность или свое нежелание охранять жизнь иностранцев». Далее в ноте перечисляются уже сообщенные требования, и в заключение заявляется, что в случае, если эти требования не будут немедленно выполнены, британское правительство не замедлит принять соответствующие меры к ограждению своих интересов в Египте и Судане.

Военные мероприятия английского правительства, ультиматум, врученный Египту и приведенная выше нота являлись показателем политического курса, который был выработан еще до убийства Листека и соответствовал всей программе внешней политики консервативной партии, именно *концентрации энергии на азиатской и заокеанской политике путем отвоевания старых и завоевания новых позиций, и самой решительной борьбе с попытками эмансипации колониальных народов*. Наложение на Египет военной контрибуции в 500.000 ф. стерлингов, прикомандирование к египетскому правительству английских юридических и финансовых советников обозначало отход Англии даже от тех жалких либеральных уступок, которые были сделаны Египту. Эти уступки всегда были только призрачными. Якобы независимое национальное правительство Египта всегда было лишь игрушкой в руках Англии и египетский хедиф играл немногим более почетную роль в своей стране, чем Марокский султан в своей. Но теперь консервативное правительство решило отбросить в сторону всякие либеральные уступки и открыто восстановить господствующее положение Англии в Египте, как в своей колонии. Убийство Сирдара Листека дало консервативной партии удобный предлог демонстрировать сущность своей заокеанской и колониальной политики путем проявления силы британского бронированного кулака в одном из самых жизненных и узловых пунктов Великобританской империи.

Чтобы понять значение египетских событий, надо учесть какую роль играет для Англии Египет и Судан в ее господстве над колониями Азии, Африки и других стран. В последнее время Англия усиленно старается освободить свою текстильную промышленность от зависимости ее от американского хлопка и начала энергично развивать свои плантации хлопка в Египте и Судане.

Английские политики стремятся к расширению культуры хлопка. В настоящее время Египет по производству хлопка занимает третье место в мире. Поэтому ничего удивительного нет в том, что Англия хочет безраздельно распоряжаться в этой стране. Но, кроме этого, Египет имеет громадное стратегическое значение, ибо господствует над Суэцким каналом, соединяющим Индию с английскими владениями.

Египет, бывший провинцией Турции и с 80 годов прошлого столетия попавший под власть Англии, уже много лет борется за свою независимость. Для Англии владение Египтом является одним из наиболее существенных звеньев той цепи, которая связывает ряд ее заморских колоний в единое целое Великобританской империи.

Египетский и Суданский вопрос нельзя рассматривать вне его связи со всей системой имперских сообщений.

Не говоря уже о колоссальных естественных богатствах Египта [1]), последний является ключом дороги между Англией и ее самой богатой колонией — Индией. Именно на территории Египта пролегает знаменитый Суэцкий канал, являющийся воротами из Средиземного моря в Индийский океан. Лишиться этих ворот — это значит перерезать кровеносную артерию, связывающую Англию с Индией и позволяющую первой высасывать все живые соки из второй.

Мировая война подготовила базу для осуществления грандиозной идеи, великой рельсовой сети трех К (Капштадт, Каир, Калькутта) [2]). Английские владения протянулись широкой и непрерывной лентой по всей восточной части африканского континента от мыса Доброй Надежды и Капштадта до Египта, а отсюда по территориям Азии через Палестину, Заиорданье, Ирак, южное побережье Персии до Индии. В этой системе Великобританской азиатско-африканской империи Суэцкий канал

---

[1]) Египет представляет из себя страну в 350.000 кв. миль, из которых только 12.000 миль обрабатываются, а остальные представляют пустыню, ибо долина реки Нила с обеих сторон стеснена надвигающимися из пустыни песками. Только полоса возле берега реки (шириной от 6 до 21 километра), прорезанная высокими плотинами, регулирующими разлив Нила, представляет плодородную часть Египта. Но плодородность этой части неслыханна, благодаря разливам, которые вместе с водой приносят высокоценные почвенные осадки. Три раза в год собирают сборы риса, кукурузы, пшеницы, хлопка, табака, тростника и т. д.

[2]) Подробно об этом проекте: „Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего". Собрание сочинений т. II.

и Судан играют столь важную роль, что Англия никогда не уступит добровольно этих областей кому бы то ни было и в том числе Египту. Пока египетское правительство являлось просто марионеткой в руках верховного английского комиссара, и египетский народ — покорно носил английские цепи, до той поры никакой опасности не угрожало всей системе английской империи в столь жизненном пункте ее, как бассейн Нила и Суэцкий канал. Но с того момента, как в Египте начало развиваться национально-освободительное движение, которое с каждым днем принимало все более враждебный английским планам характер и выразилось в пред'явлении Макдональду египетским премьером Заглул-пашей целого ряда «дерзких» и неприемлемых с британской точки зрения требований [1]), английские консерваторы решили при первом же удобном случае принять самые решительные меры против национального движения в Египте, чтобы одним ударом восстановить свои старые позиции в зоне Суэцкого канала и вместе с тем показать всему Востоку, что у британского льва не притупились еще его страшные когти и зубы. Убийство Сирдара Листека явилось удобнейшим предлогом для нового правительства показать Египту и всему Востоку мощь Великобритании, добиться для укрепления престижа империи окончательного подчинения Египта Англии, прекращения англо-египетского кондоминиума в Судане и превращения последнего в английскую колонию. Английское правительство нашло очень подходящее оправдание для осуществления своего плана устранения египтян из Судана, ссылаясь на то, что необходимость этого шага признавало само правительство Макдональда. Английское правительство опубликовало «Белую Книгу», в которой сообщает, что правительство Макдональда пыталось осуществить план устранения египтян из Судана и не осуществило этого только потому, что не находило удобного повода для подобного выступления. Правительство Болдуина этот повод нашло. В «Белой Книге» сообщается, что Макдональд вслед за переговорами с Заглул-пашей в Лондоне, послал еще 7 октября письмо английскому верховному комиссару в Египте, в котором писал,

---

[1]) Требования, выставленные Заглул-пашей при переговорах с Макдональдом, были следующие: 1) вывод всех британских войск из Египта, 2) удаление британского финансового и судебного „советников“; 3) устранение всякого британского контроля над внешними отношениями Египта; 4) отказ британского правительства от притязаний на охрану интересов иностранцев и национальных меньшинств в Египте; 5) наконец, отказ британского правительства от своих притязаний на охрану Суэцкого канала и признание им суверенитета Египта над Суданом. Пред'явление этих „неслыханных и бунтовщических“ требований вызвало взрыв бешенства в английской консервативной прессе и угрозы по адресу египетского правительства, а вместе с тем и удвоенную атаку против рабочей партии, благодаря попустительству которой какие то египтяне осмеливались говорить подобным языком с Англией.

что ныне совершенно изменился дух англо-египетского сотрудничества в Судане. Если пропаганда египетских подданных, находящихся на службе суданского правительства будет продолжаться и дальше, то их присутствие в Судане при существующем режиме явится источником опасности для общественного порядка. «Безопасность путей сообщения в Египте остается жизненным интересом Англии—писал дальше Макдональд,—и абсолютная уверенность, что Суэцкий канал останется открытым для свободного прохода английского флота, как в мирное, так и в военное время, есть основание, на котором строится вся наша оборонительная стратегия».

Ультиматум Египту явился лишь началом новой английской оффензивы против всего Востока. Европейская пресса продолжала еще печатать длиннейшие статьи об английской расправе с Египтом, о кровавом усмирении взбунтовавшихся египетских войск в Судане, как появились телеграммы о новом энергичном жесте правительства твердой руки, но уже по отношению к другой восточной стране, именно Персии. В связи с успешной деятельностью правительства Персии в борьбе за создание единого национального Персидского государства и подавлением войсками Риза-хана восстания феодального владыки Арабистана шейха Хейзаля, правительство Болдуина отправило ноту персидскому правительству с требованием прекратить военные действия против шейха Хейзаля, угрожая в противном случае английским дессантом в Персидском заливе для защиты нефтяных интересов Англии в Персии. Дело в том, что район, на который распространяется власть шейха Хейзала, как раз совпадает с той территорией, на которой англо-персидской компанией добывается нефть. Отсюда та нервность, которую проявили англичане, когда премьер-министр Риза-хан решил твердой рукой подавить мятеж шейха Хейзала.

Когда несколько месяцев тому назад, Хейзаль поднял восстание против тегеранского правительства и об'явил свои владения вне подчинения центру, персидский Меджилис (парламент) и правительство об'явили его изменником и приготовились послать против него вооруженные силы. Тогда-то англичане пытались всячески отвратить военные действия, предложив свое посредничество для заключения соглашений. Но персидское правительство, ведя переговоры, в то же время собирало необходимые силы и в нужный момент нанесло сокрушающий удар Хейзалу.

Шейх Хейзаль уже давно используется английскими империалистами как орудие против национального персидского правительства Риза-хана. Еще в сентябре 1924 г. этот шейх выступил открыто под покровительством английской миссии, против персидского правительства, заявив, что он «ставит своей задачей свержение центрального правительства и возвра-

щение шаха, т.-е. восстановление английского владычества. Попытка правительства Риза-хана выступить с оружием в руках против шейха Хейзаля вызвала вмешательство англичан с предложением посредничества в целях примирения. Для вида Хейзаль выразил покорность персидскому правительству, но фактически он ему не подчинился, продолжая строить козни и собирать силы. Действительного примирения не могло быть, так как за спиной Хейзаля стоял английский консул Паль, снабжавший его оружием.

В конце концов правительство Риза-хана вынуждено было начать против шейха Хейзаля военные действия и сумело сокрушить банды английского ставленника.

Сущность английской политики в Персии вполне ясна. Не имея возможности собственными силами помешать национальному освобождению Персии, английская дипломатия уже давно плетет целую сеть интриг, конечная цель которых — восстановить тот англо-персидский договор 1919 года, который фактически подчинял Персию английскому контролю, как в административно-финансовом отношении, так и в военном. С этой целью английскими агентами используовываются и сторонники низложенного шаха — духовенство, феодалы и враждебность к новому строю в Персии отдельных племен с их продажными царьками-ханами, шейхами.

Работа английских официальных и, главное, неофициальных представителей в Персии заключается в беспрерывном подстрекательстве отдельных племен против центрального правительства. Стремление английской политики сводится к тому, чтобы раздробить Персию на ряд «независимых» единиц которые легко было бы прибрать к своим рукам и которые в то же время совершенно ослабили бы тегеранское правительство, укрепив тем влияние британского империализма в Персии.

Движение курда Смитко, план образования южной конфедерации, попытка создания «независимого Курдистана», восстание среди туркменских племен на севере Персии, «самостоятельный Луристан»,—все это явилось результатом работы многочисленных английских агентов.

Расправа с Суданом и Египтом, ультиматум Персии, английские планы создания морской базы в Сингапуре, признание подлинности «письма Зиновьева», разрыв англо-советского договора от 8 августа, подписанного Макдональдом, отсрочка эвакуации Кельнской зоны под предлогом тайных немецких вооружений, все это знаменательные акты английской консервативной политики, тесно связанные между собой, все это звенья одной и той же дипломатической цепи, все это этапы одного и того же походного движения—оффензивы против СССР и народов Востока. Именно в создании единого фронта империалистических держав против народов Востока и СССР, как очага пропаганды, возбуждающей национальное чувство во-

сточных народов» и заключалась основная цель столь нашумевшей поездки в начале декабря 1924 г. в Париж и Рим английского министра иностранных дел Чемберлена.

И любопытно, что буржуазная пресса Англии, Италии, Франции, Бельгии не делала секрета из этого плана Чемберлена.

Так еще перед поездкой Чемберлена в Париж и Рим французская газета «Матэн» (2 декабря 1924 г.) подчеркивая значение предстоящего визита английского министра иностранных дел писала: «Для консервативного английского правительства самым важным вопросом является вопрос о позиции, которая должна быть занята по отношению к СССР, рассматриваемому, как источник пропаганды, возбуждающей национальное чувство восточных народов. Правительство Болдуина хочет предложить Франции и Италии, как державам, владеющим мусульманскими странами, принять меры, согласованные с мерами Англии в Египте, в целях общей защиты западных держав и их колоний против распространения большевизма».

Редактор иностранного отдела «Дейли Геральд» писал по поводу переговоров Чемберлена: «Мы возвращаемся назад к приемам старой дипломатии, основанным на торге о взаимных компенсациях. Совершенно очевидно, что главной заботой великобританского правительства в иностранной политике становится укрепление и, если возможно, то и расширение владений империи на Среднем Востоке. Для этого необходима деятельная французская поддержка в Ангоре, Москве, Тегеране и Кабуле. Цена этой поддержки должна быть выплачена нами в Европе, а также за счет племени рифф в Марокко. Панисламистское (общемусульманское) движение является кошмаром Чемберлена, и по его замыслам должен быть создан единый фронт против ислама, а также против СССР, так как существуют опасения, что он может поддержать сопротивление магометанских народов».

Либеральная «Манчестер Гардиан» в передовой статье подробно обсуждала в связи с свиданием Чемберлена с Эррио вопрос о так называемом «обеспечении безопасности» Франции. Газета говорила: «В настоящий момент близка опасность, что Англия примет на себя обязательство охранять не только Францию, но и всю систему милитаризма в Западной и Центральной Европе, воздвигнутую Францией. Опасный проект нашего военного союза с Францией снова выдвинут частью французской и английской печати. Но Франция при нынешних условиях является наиболее обеспеченной из всех стран Европы, и трудно представить себе такие обстоятельства, при которых можно было бы бояться угрозы для нее со стороны Германии: Что такое французская безопасность и что ей грозит? Когда мы получим ответ на эти вопросы, тогда мы будем лучше знать, какие меры надо принять для охраны Франции. В настоящий же момент об этом нечего говорить».

В связи с вопросом об обеспечении безопасности Франции и разговорами о франко-англо-бельгийском военном союзе[1]) редактор «Нью-Лидер» органа независимой рабочей партии Брейльфорд писал:

«Мы опять вернулись к эпохе 1904 года, когда возникло дружеское согласие (англо-французская Антанта) и приготовлялись оружие и порох для мировой войны. Французская дружба была необходима нам, чтобы упрочить наше господство в Египте. Она еще раз оказалась необходимой для той же цели, и снова французы, которым нужно округлить их марокканские владения, ограничиваются по поводу наших действий в Каире пожатием плеч. Судьбы Нила и Рейна связаны, повидимому, роковым образом. Подоплекой всего в суровой действительности является экономический империализм. Рабочей партии предстоит великая битва, но она будет напрасно бороться, если не оставит мечты либерального пацифизма и не вступит в схватку с капиталистическими мотивами войны по вопросу о Египте и Судане.

Указывая на сердечный характер бесед министров Эррио и Чемберлена, пришедших к соглашению по всем вопросам, многие парижские газеты утверждали, что сердечное согласие между Англией и Францией примет формы того времени, когда оно было впервые заключено. Оба премьера пришли к соглашению по вопросу об опасности, грозящей с востока в связи с пробуждением национального движения и с ростом влияния СССР.

В связи с этим Кашен на страницах «Юманите» задал вопрос, не для того ли встретились премьеры, чтобы выработать общие методы борьбы против народов, борющихся за свою независимость, равно как и против российской революции, которая указала народам путь к свободе.

В другой статье «Юманите» писало: «Римские переговоры между Муссолини и Чемберленом выяснили, что империализм будет наступать на два фронта: против колоний и против СССР. От женевской пацифистской музыки не осталось ничего. Женевский протокол, повидимому, окончательно провалился».

---

[1]) Следует, однако, указать, что при всем желании Чемберлена подписать такой союз, чтобы иметь свободные руки на Востоке, осуществление такой военной комбинации встречает самые серьезные препятствия, в виду отрицательного отношения английских доминионов—Канады, Австралии, Ново-Зеландии к союзу Великобритании с европейскими государствами. Сам Чемберлен в интервью от 11 декабря 1924 с римским корреспондентом „Матен“ вынужден был заявить, что французская общественность не должна возлагать больших надежд на политику договоров и союзов. Чемберлен высказал опасение, что великобританские доминионы, по всей вероятности, не утвердят ни женевского протокола, ни союза с Францией и Бельгией. В заключение Чемберлен обещал сделать все возможное, чтобы добиться принятия протокола о безопасности Франции и Бельгии, но выразил опасение, что его усилия останутся бесплодными.

В статье от 12 декабря 1924 г. орган британской компартии «Уоркерс Уикли», комментируя секретные переговоры, происходящие в Париже и Риме, говорит:

«Британский империализм стремится создать единый фронт между собой и своим конкурентом, т.-е. французским империализмом, с одной стороны, и Италией—с другой, при чем Италия вступит в компанию в качестве младшего участника. Целью всего этого является стремление укрепить положение Великобритании на Востоке и завоевать новые территории для эксплоатации. Единый фронт этого рода неизбежно означает единый фронт против Советской России, в виду того, что она является единственной надеждой эксплоатируемых колониальных народов. Однако, новая Антанта еще далеко не совершившийся факт. Во всяком случае, вкоренившийся антагонизм между французским и британским капитализмом продолжает существовать».

Комментируя приезд Чемберлена в Рим, итальянская газета «Идеа Национале» писала:

«Чемберлен находится среди нас в качестве представителя правого правительства, желающего установить контакт с наиболее крупным националистическим правительством на континенте. Перед великими державами Европы стоит задача защиты существующего порядка, которому угрожает, с одной стороны подстрекательство большевиками мусульманских народов, с другой—организация большевистской Россией коммунистических выступлений в Центральной Европе от Балтийского моря до Адриатического, даже в центре Франции.

Оборона от этой опасности,— продолжает газета,— может найти опору в консервативном Лондоне и в фашистском Риме. Однако, итальянские оппозиционные партии ставят на второе место эту грандиозную задачу по борьбе с большевистским варварством. Они предпочитают заниматься разоблачениями деятельности генерала Бальбо, требованиями предать суду Де-Боно и прочими пустяками».

Все эти цитаты не оставляют никакого сомнения насчет попыток консервативного правительства Англии договориться с державами большой Антанты—Францией и Италией насчет общей линии по отношению ко всему Востоку и к «главному зачинщику» бунтовщического поведения колониальных народов—Советскому Союзу. Неизвестно только, приведут ли эти попытки Чемберлена и Керзона к конкретным результатам. Уже из только что цитированных нами строк из газеты «Идеа Национал» явствует, что в Италии значительная часть самой буржуазии не особенно интересуется широкими планами борьбы на всем военном фронте с Советским Союзом. Однако, все же, поездки Чемберлена в Рим дали довольно существенные результаты в форме согласованного выступления Италии, Англии и Юго-Славии против признания албанским правитель-

ством полномочий Полпреда СССР т. Краковецкого. Как раз в это время на столицу Албании Тирану наступали бандитские отряды, поддерживаемые Юго-Славией. Бандиты одержали ряд успехов и приблизились к городу.

Представители Англии, Италии, Юго-Славии заявили албанскому правительству, что если оно запретит дальнейшее пребывание в Тиране полпредству СССР, то они приостановят дельнейшее наступление повстанцев. В виду отсутствия аммуниции, продовольствия и боевых припасов, Албанское правительство очутившееся в критическом положении, вынуждено было подчиниться требованиям империалистов. Оно попросило полпреда СССР покинуть Албанию, чтобы спасти ее от разгромов со стороны империалистических наемников.

В виду создавшегося положения, полпред СССР выехал 18 декабря из Тираны в Рим.

Итак, поскольку дело касается Балкан, итальянское правительство, подписавшее с СССР договор о признании и торговле. согласилось вступить в единый блок с Англией для борьбы с «большевистской опасностью».

Не ограничиваясь интригами в столицах больших держав. правительство Болдуина - Чемберлена - Керзона плетет сеть интриг против СССР в Польше, Румынии, Литве, Эстонии и т. д. стремясь снова воссоздать старый план блока малых держав (фронт *по диагонали)* против СССР, план единого фронта от Финляндии через Эстонию, Литву и т. д. до Румынии.

Консервативная английская пресса подняла неописуемый вой в связи с попыткой коммунистического переворота в начале декабря 1924 г. в Эстонии, обвиняя в соучастии в этой попытке правительство СССР и подчеркивая необходимость теснейшего сближения сравнительно слабых прибалтийских государств с большими державами, прежде всего, конечно, с Англией.

Прибалтийские государства уже давно находятся в полнейшей фактической зависимости от Англии и в финансовом и в военном и в политическом отношениях и являются опорными пунктами английского империализма на Балтийском море, в Финском заливе. Но для ущемления СССР этого еще недостаточно, и мы видим, как английские политики начинают усиленно ухаживать за Румынией и Польшей.

Конкурируя в этом отношении с Францией, английское правительство даже при Макдональде энергично вооружало пограничные с нами на Западе государства. 19 декабря коммунист Саклатвала задал министру торговли вопрос. какое количество военных материалов было вывезено из Англии в Польшу, Латвию, Эстонию и Литву с мая 1923 г. по настоящий момент. Статс-секретарь по делам морской торговли Самуэль ответил, что в период за время с 1 мая 1923 г. по 31 октября

1924 г. в названные страны, а также в Данциг было вывезено следующее количество военных материалов: 7.470.000 патронов, 277 патронных ящиков, 884 пулемета, 339 запасных частей к пулеметам, 35 тысяч винтовок, 822 револьвера, 10.640 сабель, тесаков, штыков и т. д.

Само собой разумеется что с первых же дней образования консервативного правительства эта система вооружения против нас западных соседей приняла более энергично выраженный и открытый характер.

Польские газеты сообщают ряд фактов, свидетельствующих о намерениях Англии заменить в отношении Польши роль Франции, престиж которой сильно пал в милитаристических польских кругах с момента признания правительством Эррио СССР, и подчинить своему влиянию польскую армию.

Лорд Каван, начальник английской армии, обратился (декабрь 24 г.) к военному министерству Польши ген. Сикорскому с весьма любезным письмом, в котором предлагает, чтобы польские офицеры посылались военным министерством на выучку не только во Францию, но и в Англию, Лорд Каван обещает предоставить польским офицерам любое число вакансий в различных родах оружия.

Английский посол ни с того, ни с сего сделал весьма продолжительный визит Пилсудскому как вероятному «вождю» польской армии, одно имя которого является символом польского «Drang nach Osten», движения на Восток, в смысле наступления на СССР с целью захвата новых территорий.

Представитель английской авиации усиленно пропагандирует в Польше «общность великих целей Англии и Польши на Востоке». Все чаще и чаще наезжают в Польшу различные английские военные специалисты по всяким родам оружия, «для ознакомления с постановкой военного обучения и с состоянием военной техники в Польше».

Очевидно, что английские консерваторы не прочь бы самыми тесными узами связаться с Польшей и другими пограничными с СССР государствами для создания единого «фронта по диагонали», непрерывной цепи от побережья Финского залива и Балтийского моря через Эстонию, Литву, Латвию, Польшу, наконец, Румынию, до Черноморского побережья, с целью, если не открытого нападения, во всяком случае, энергичного нажима на Советский Союз, нажима достаточно сильного, чтобы отвлечь внимание СССР от Востока.

Естественно, что английская консервативная партия, переносящая центр тяжести своей политики на *колонии*, относится с особой неприязнью к СССР, другу угнетенных народов. Совершенно правильно председатель Совнаркома СССР т. Рыков в своей речи 1 декабря 1924 г. на торжественном заседании студентов Закавказского землячества, по случаю четвертой годовщины советизации Армении подчеркнул, что ключ к пони-

манию англо-советских осложнений лежит в нашей общей национальной политике к восточным странам и народам, политике построенной на началах полного равноправия.

«Эта политика полного равноправия, полной национальной свободы и независимости, уважения к национальности каждого народа, не исключая самых слабых и самых угетенных наций, вытекающая из самой природы советской власти, власти трудящихся, прямо противоположна политике, связанной с господством капитала, из природы которого вытекает ее империалистический характер, тот режим экономического, национального и политического порабощения, который существует в колониальных странах.

«На живом примере наших отношений с Китаем, с которым мы заключили договор, как равный с равным,— и история последних десятилетий знает лишь такие договоры с так называемыми великими державами, где Китай рассматривается, как подчиненная, неравноправная страна, как полуколония,— на живом примере наших отношений с народами Туркестана, Закавказья, основанных на программе национального самоопределения, политика советского правительства завоевала широчайшие симпатии сотен миллионов порабощенных народов Востока, и эти симпатии с каждым месяцем, с каждым годом ширятся и растут, а вместе с ними растут и антипатии, недовольство против империалистических правительств.

«Главная причина наших осложнений с правительством Англии лежит не в «письме Зиновьева», в подложности которого вряд ли теперь кто сомневается даже в Англии, не в тех агитаторах, которых будто Коминтерн рассылает во множестве по всему свету,— я сомневаюсь, чтобы в Коминтерне было два десятка человек, знающих языки и паречия, на которых говорят эти сотни миллионов народов Востока,— главная причина наших разногласий с Англией, которые время от времени вспыхивают с необычайной яркостью, как например, в прошлом году, в связи с известным ультиматумом Керзона, в том, что СССР своей общей национальной политикой, тем, что он не на словах, а на деле осуществляет равноправие, национальное самоопределение народов, становится на пути к проведению империалистической политики. Все эти «письма», «агитаторы»—лишь предлог, повод, маскировка истинной сути осложнений вносимых английским правительством в отношении к СССР».

Понятно, что представители колониальной партии, сторонники ориентации на Азию и Африку с ненавистью относятся к СССР. Значит ли это, что английские консерваторы стремятся к открытому разрыву с нами, к прекращению всяких дипломатических и хозяйственных сношений с нами? Отнюдь нет. Сколько бы английские консерваторы не утверждали, что к торговле с СССР Англия относится безразлично, так как

де-процент этой торговли во всей сумме английского мирового товарооборота слишком ничтожен, что о ее развитии следовало беспокоиться, на самом деле очевидно, что эта аргументация не выдерживает критики.

Уже теперь англо-русский товарооборот превышает 200 миллионов золотых рублей в год. По данным нашего торгпредства в Великобритании, приведенным в корреспонденции тов. Михельса из Лондона («Известия», 25 ноября 1924 г.):

Общий оборот всей нашей внешней торговли за 1924 год, если судить по цифрам первых восьми месяцев этого года будет составлять примерно 25—26 миллионов фунтов стерлингов. По крайней мере, по данным английского министерства торговли, вполне соответствующим нашим данным, торговля наша за первые восемь месяцев выразилась в следующих цифрах: по импорту в Англию—10.595.000 ф. ст., падающих на следующие товары: 1) предметы питания, напитки и табаки—3.410.000 ф. ст., при чем в этой категории продуктов наиболее видное место занимает сливочное масло, составляющее 1.532.000 ф. ст.; 2) хлебные продукты составляющие тоже около 1.500.000 ф. ст.; 3) сырые материалы и полуфабрикаты — 4.621.000 ф. ст., из коих на лес падает 2.268.000 ф. ст. и на меха — 1.119.000 ф. ст. и, наконец, 4) фабрикаты и полуфабрикаты среди которых видное место занимают нефтяные продукты — 1.300.000 ф. ст. и платина — 808.000 ф. ст. Наш экспорт из Англии и реэкспорт составляют 6.500.000 ф. ст. при чем доминирующее место занимает хлопок — 3.500.000 ф. ст. Кроме того, имеются цифры, не попавшие еще в эти данные, правда, являющиеся исключительными для этого года, это колоссальная закупка на английском рынке серебра на 4.600.000 ф. ст., выполненная по специальному заказу Народного Комиссариата Финансов.

Среди самой буржуазии существуют открытые сторонники расширения англо-советских торговых сношений. Экономическая необходимость с железной силой толкает английскую буржуазию к расширению рынков экспорта. Вот почему даже премьер Болдуин вынужден был в своей речи 9 декабря в ответ оппозиционным ораторам в связи с тронной речью, высказаться в пользу *продолжения торговых сношений с СССР на основе торгового соглашения 1921 г.*

«Мы утверждали и утверждаем до сих пор, что все выгоды, мыслимые в близком будущем могут быть осуществлены при помощи этого соглашения. Мы были бы только рады, если бы мое предположение о невозможности расширить торговые сношения с Россией при настоящих условиях оказались на практике ложными».

Наконец, если бы даже вся английская буржуазия единодушно желала полного разрыва дипломатических и хозяйственных сношений с СССР, все же английским капиталистам

приходится считаться с волей рабочего класса Англии, требующего сближения с советским союзом, и не доводить дела до открытой борьбы.

Как явствует из анкеты «Известий» об отношении английских писателей и политиков к отказу консервативного правительства ратифицировать англо-советский договор, многие английские политики не сомневаются в том, что консервативному правительству придется смягчить свою политику по отношению к СССР.

Георг Ленсбери редактор «Дейли Геральд» член палаты общин от Лондонского рабочего округа «Поплар», член рабочей партии, так мотивировал неизбежность новых переговоров между Англией и СССР по вопросу о развитии торговых сношений:

«Отказ торийского министерства ратифицировать договор с Советской Россией остановит немедленное развитие нашей торговли с СССР. Наши безработные запомнят это циничное проявление классового равнодушия к их страданиям. Однако, не подлежит сомнению, что британские капиталисты, заинтересованные в угольном, железном и стальном производстве, очень скоро заставят даже самое торийское правительство опять приступить к переговорам. Франко-германский комбинат для развития русской и лотарингской промышленности заставит наших капиталистов взяться за ум, тем более, что в Индии другие британские капиталисты организуют производство стали, железа и угля с помощью дешевой рабочей силы. Чемпион-организатор нашего капитализма сэр Роберт Хорп поехал в Бирму, в Индию, не только для поправления своего здоровья.

«Россия, как рынок для британских мануфактур, кораблей, рельс, паровозов, вагонов и всякого рода машин, представит столько искушений, что наши угольные и стальные магнаты не смогут противостоять им».

«Поэтому, рабочие России и Британии, должны только оставаться солидарными, держать себя достойно, и крепко и очень скоро наступят нормальные торговые сношения к взаимному благу обоих стран».

Очень любопытен взгляд бывшего члена в парламенте от рабочей партии А. Сусанны Лауренс.

«Минувшие выборы,—говорит Лауренс,—подобны выборам 1918 г. Тогда велась кампания против «варварских германцев», теперь против «кровавых большевиков». В обоих случаях взывали к страстям, к страху невежественных людей. В обоих случаях политики, прибегавшие к этому приему не разделяли этих страстей, а лишь сознательно использовали их в своих интересах. Такого рода политические победы не долговечны. Правда, теперь наступят 3 или 4 тяжелых года. Впрочем, нынешнее правительство отлично понимает экономическую си-

туацию и знает, что мир и торговля с Россией нужны Англии. Оно связано своими выступлениями на выборах и боится пойти теперь на попятный перед своими избирателями, но оно достаточно благоразумно, чтобы остеречься превратить свои агитационные речи в дело. Поэтому, его политика будет отныне без всякой последовательности. *Я ожидаю ряда жестов. против России, но в то же время очень мягкого курса в действительности;* быть может даже займов, замаскированных, как кредиты по схеме экспортных кредитов и льгот для внешней торговли. В заключение укажу на состоявшуюся на днях годичную конференцию рабочей партии Лондона, насчитывающей 370.000 членов. Она единогласно приняла резолюцию, в которой выражается сожаление по поводу срыва договора, требуется публичное следствие по поводу «письма Зиновьева», и высказывается братская симпатия русским рабочим. За время после выборов это единственная конференция рабочей партии, но я знаю, что она выразила желание рабочей партии и тред-юнионов всей Англии».

Филипс Прайс, бывший корреспондент «Манчестер Гардиан» из России, также высказался в том смысле, что консервативное правительство начнет переговоры с Россией о договоре.

Я не думаю,—заявил Ф. Прайс,—что консервативное правительство намерено порвать сношения с Сов. Россией или отказалось от надежды вести переговоры о новом договоре. После полугода, а может быть, и года, будут сделаны попытки приступить к таковым переговорам.

«В значительной мере это будет зависеть от борьбы в самой же консервативной партии, при чем, несомненно, крыло Ллойд-Джорджа и его либералов тоже будут играть здесь известную роль.

Во всех проблемах внешней политики Британской империи в настоящее время важную роль играет сильное противоречие интересов: с одной стороны держателей русских ценных бумаг и бывших владельцев национализированных русских предприятий, банков и, с другой стороны—группы промышленных капиталистов, не заинтересованных в предприятиях, которые находились в руках англичан при царизме. Первые противятся соглашению с Россией, вторые защищают его.

Первые тесно связаны с большими американскими банками. С ними заодно идет также банда американских и британских спекулянтов на сырье: на зерне, шерсти, нефти и пр. Во главе их стоят «Стандарт-Ойль» и Канадский Банк в Монреале. Все они заинтересованы в том, чтобы русское сырье не попадало на мировой рынок и не снижало цен. Впрочем, эти интернациональные спекулянты не безусловные враги торговли с Россией при условии, что эта торговля не подорвет их положения монополистов на мировом рынке. Но держатели цен-

ных бумаг и владельцы денежного, инвестируемого капитала, повидимому, останутся враждебны англо-советскому договору. В Америке во главе их стоит Пирпонт Морган, а в Англии— Морган, Гринфельд и К-о. Эти группы дали в последнее время ростовщический заем Германии, и я склонен думать, что они намерены предоставить Россию на эксплоатацию германским капиталистам, дабы последние вывозили свои дешевые товары на русский рынок и, таким образом, получили возможность платить проценты и погашение по ростовщическому займу. Этим путем эти господа намерены вознаградить себя за потери, причиненные им русской революцией.

Многие промышленные капиталисты,— заявил Прайс,— *в особенности машиностроительные фирмы, напротив, употребляют все свое влияние, чтобы развить о применении к русскому рынку схему экспортных кредитов, и, возможно, что в конце концов они в той или иной форме поддержат также заем для СССР в духе предложенного правительством Макдональда.* Они будут, однако, добиваться такого договора с СССР, чтобы русское сырье шло на мировой рынок по их ценам, и чтобы советская монополия внешней торговли стала их инструментом, служила для их гегемонии на рынке. С точки зрения интересов СССР, а также рабочего класса и потребителей в остальной Европе, следует бороться против такой концепции нового договора.

Главным врагом договора является трест (ринг) с Монреальским банком во главе, опасающийся снижения цен на канадскую и американскую пшеницу. К его услугам находится пресса лорда Розермира, а в правительстве его интересы представлены Амери и др. Принцип «имперской предпочтительности» и самоудовлетворяющейся Британской империи направлен именно против русского хлеба.

Но, конечно, не в интересах тех или других капиталистических групп, ищущих расширения торговли с СССР, лежит залог мирного развития англо-советских отношений. Уже мировая война доказала, что самые тесные экономические связи и самые оживленные торговые сношения не могут помешать дипломатическим столкновениям, даже вооруженным конфликтам между странами. И, конечно, не английские либералы, не отдельные группы капиталистов стали бы препятствовать интервенции в России и открытой войне с СССР, если бы обстоятельства благоприятствовали такому обороту англо-советских отношений и сулили успех этой авантюре.

Английский рабочий класс, заставивший правительство Макдональда признать соглашение с СССР основной частью программы Рабочей Партии, не сложит оружия и будет бороться за сближение с Советским Союзом. В этом единственная и самая надежная гарантия мирного развития англо-

советских отношений, несмотря на все великобританские угрозы и неумолчное бряцание господ Керзонов и Чемберленов, английским оружием.

Однако, долго ли еще будет продолжаться со стороны правительства Болдуина—Чемберлена теперешняя провокационная политика по отношению к СССР? На этот вопрос лондонский корреспондент французского буржуазного журнала «L'Europe nouvelle» (Новая Европа) в номере от 20 декабря 1924 г. дает следующий любопытный ответ:

«Великобритания, которая с 1918 г. поддерживала дело сближения с Россией, переменилась теперь ролями с Францией, являвшейся в течение этого периода главным врагом сближения с СССР. Теперь, наоборот, Франция идет по пути, оставленному Англией. Однако, надо отдать справедливость Чемберлену, что эта отрицательная политика по отношению к России — и *это не составляет секрета ни для кого* — претит ему, и Чемберлен предпочел бы продолжать конструктивную политику Макдональда. Но за избирательные крайности приходится расплачиваться, и консервативные программы не оставляют Чемберлену другого выбора, как прервать переговоры с Россией до того момента, *пока избиратели не забудут многое из того, что говорилось во время избирательной кампании*».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I-а Англо-русские отношения в период мировой войны.*)

Англия и Временное правительство.

В период мировой войны Англия вместе с Францией выступила в качестве союзника России в борьбе «за великие принципы права, справедливости, цивилизации, культуры и самоопределения народов» и т. д. Всем известно, как беспощадно эксплоатировали союзники военную мощь царской и затем милюковской России,— они в то же время не оказывали никакой реальной поддержки русским войскам, вынужденным почти голыми руками сражаться с отлично вооруженными армиями.

В частности, относительно Англии надо заметить, что именно довоенная политика Великобритании по отношению к России была одним из важнейших факторов, обессиливших последнюю в борьбе против Германии. Как отмечает бывший военный агент в России ген. Нокс в своей книге With the Russian Army 1914—1917 г.г. («С русской армией в 1914—1917 г.г.»), вся политика Англии, привыкшей думать веками и континентами, была в течение всего XIX и начала XX столетия направлена к тому, чтобы лишить Россию выхода к открытому морю. Это имело результатом то, что Россия во время войны была отрезана от всего мира. В те три гавани, которыми располагала Россия (Архангельск, Мурманск и Владивосток), за три года войны прибыло всего 1.500 судов, в то время, как в порты Англии каждый месяц входило до 2.000 кораблей. Уже по одному этому Россия была осуждена жить на свои небольшие технические средства.

Даже во время мировой войны Англия продолжала ту же политику. В своих записках ген. Нокс рассказывает со слов очевидца, английского же офицера, о следующем происшествии в Царском Селе на офицерском обеде. В. князь Борис сделал следующее заявление. Он высказал убеждение, что ближайшая война произойдет между Англией и Россией вследствие алчности английского правительства, и заявил, что английское нападение на Дарданеллы представляет блефф. Русские империалисты,— замечает Нокс,— были уверены, что

[1]) Данную главу I-а надо читать после главы „1. Англия и Россия в прошлом“.

если Англии удастся захватить Дарданеллы, она завладеет ими и, несмотря на какие бы то ни было письменные обязательства, не даст России возможности осуществить ее «историческую» задачу — утвердиться в Константинополе и на Босфоре.

Империалистическая Англия сама стремилась к овладению проливами именно для того, чтобы отрезать России путь к Средиземному морю и Суэцу, и иметь в свои руках серьезное оружие против великой восточной державы.

Но во время войны союзники, и в частности Англия, отказались удовлетворить просьбу русского командования о присылке необходимого вооружения. В мае 1915 г., как рассказывает ген. Нокс, министр иностранных дел Сазонов официально уведомил Англию, что все сделанные ей заказы за границей ничего реального не дают. Одна из причин этого заключалась в том, что все военное снаряжение, производимое на иностранных заводах, перехватывалось союзниками.

В декабре 1915 года в Англию отправляется комиссия адмирала Русина с целью личным влиянием на союзников убедить их в необходимости немедленной помощи России (стр. 354). Поездка была неудачна. Китченер посылал к французам, Жоффр и Фош отвечали уклончиво, английский главнокомандующий даже отказался принять нашу миссию. Ллойд-Джордж, правда, обещал помочь, но в словах его можно было очень усомниться, так как о своих проектах помощи России он не сообщил даже военному министру, который, узнав о них от нашей миссии, встретил их с большим неудовольствием. Таким образом, Россия в самые тяжелые для её промышленности 1915—1916 годы, когда вследствие неготовности Англии и Франции к войне вся тяжесть ее легла на Россию, когда к ней союзники пред'явили наибольшие требования,— именно в эти годы Россия была оставлена почти без помощи, вынужденная человеческими жертвами покрывать недостатки нашей слабой техники. К июлю 1915 года Россия, по данным ген. Нокса, потеряла 3.800.000 чел.

Нокс останавливается в своей книге на работе русских железных дорог во время войны. С каждым днем транспорт в России, не обладавший нужными техническими средствами, все более расшатывался, и это срывало всю организационную работу военной промышленности, снабжения армии и т. д. Между тем, когда русское министерство финансов просило валюты для покупки в Англии, Италии, Америке рельс и железнодорожных материалов, в этом, по словам Нокса, было отказано.

В другом месте нам уже приходилось подчеркивать неправильность взгляда, будто «либеральная» Англия была противницей царизма. В сущности взгляд английских государственных деятелей на желательный для России режим мало отличался от точки зрения немецких реакционеров, отчетливо

формулированной малоизвестным немецким писателем А. Брюкнером, который высказал в статье, напечатанной в Archiv für die Geschichte des Socialismus und Arbeiterbewegung (т. VII, стр. 251) следующие мысли:

«Либеральная Россия» обозначает для соседей еще более несносную угрозу, и величайший интерес требует, чтобы Россия никогда не выходила из тюремной атмосферы абсолютизма.

Опубликованные недавно в Англии воспоминания бывшего английского посла в России сэра Джорджа Бьюкенена вполне подтверждают высказанную нами в свое время точку зрения на основные мотивы заигрывания Англии с кадетами накануне февральской революции:

Бьюкенен глубоко возмущается «клеветническими» рассказами о его вражде «к русской монархии», Бьюкенен не отрицает, что он, мол, до революции принимал у себя лидеров либеральных партий, но, во-первых, это была его обязанность посла, во-вторых, все эти люди были монархистами, в-третьих, все они были германофобами и ярыми сторонниками Антанты, в то время, как возникла опасность, как бы царь под влиянием германофильствующих придворных кругов не пошел на сепаратный мир с Германией.

С первых же дней февральской революции Бьюкенен стремился всецело подчинить своему контролю Временное правительство, главным образом, для того, чтобы обеспечить дальнейшее участие России в войне против Германии. С этой же целью он поддерживал и попытки кадетских лидеров заменить Николая Романова его братом Михаилом. Бьюкенен рассказывает, что еще в то время, когда можно было рассчитывать на Михаила, как на императора, или, по крайней мере, регента, он просил английское правительство позволить признать де-факто любое новое русское правительство, какое будет образовано для того, чтобы правительство это могло действовать с большим авторитетом. Он даже советовал Милюкову, уже вступившему в управление министерством иностранных дел, сохранить на посту главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, который, по его словам, успешнее всех мог бы поддерживать дисциплину в армии.

После отречения Михаила,— пишет Бьюкенен,— осталась единственно возможная политика,— политика поддержки Временного правительства в его борьбе с Советом. Последний разрушал армию своей социалистической пропагандой, и хотя большинство его членов высказывалось за продолжение войны, крайняя левая добивалась мира любой ценой. Таким образом, с моей точки зрения, быстрейшее признание Временного правительства было необходимо. Однако, когда Милюков 18-го марта затронул вопрос этот в беседе со мной, я сказал, что раньше, чем я буду действовать согласно полученному уже мною на этот счет разрешения, я должен располагать гаран-

тиями, что новое правительство готово продолжать войну до конца и восстановит дисциплину в армии. Милюков дал мне эту гарантию, но сказал, что правительство вынуждено действовать в этом вопросе осторожно по отношению к крайним, и что его личное положение весьма затруднительно. Его подозревают, что он поддерживал Михаила в качестве кандидата на трон, а потому ему необходимо пойти на некоторые уступки или же выйти в отставку. Он спросил меня, какой из этих двух шагов предпочел бы я. Я не колеблясь ответил: первый.

Бьюкенен продолжал усиленно пропагандировать войну до победного конца. Вот, например, отрывок из его речи на торжественном приеме иностранных послов Временным правительством: «Великобритания протягивает руку Временному правительству, будучи убеждена, что последнее, оставаясь верным обязательствам, взятым на себя его предшественниками, сделает все, что в его силах, чтобы довести войну до победного конца... Если я сегодня имею честь принести вам поздравления от дружественной и союзной нации, то это потому, что мое правительство хочет верить, что под вашим высоким управлением новая Россия не остановится ни перед какими жертвами и что в единении с союзниками она не сложит оружия, пока великие принципы права и справедливости, свободы и национальности, которые мы защищаем, не будут прочно установлены и укреплены».

Отвечая на приветствия союзнических послов,— вспоминает Бьюкенен,— Милюков заверил их, что Временное правительство решилось сохранить в силе соглашения и союзы, заключенные царским правительством, и продолжать войну до победного конца.

Бьюкенен подробно останавливается в своих мемуарах на обвинениях его в сношениях с кадетскими лидерами.

Этого Бьюкенен не опровергает. Он указывает, что ничего зазорного в сношениях с кадетами он не видит, потому что большинство думских лидеров были монархистами.

Вот что пишет английский посол о кадетах: Родзянко до последней минуты надеялся спасти царя, составляя манифест о даровании конституции, которую тот должен был подписать. Гучков и Милюков оба поддерживали Михаила в качестве претендента на трон. Маклаков—один из более блестящих ораторов Думы—также был монархистом. Я помню, как на одном из обедов у Терещенко Маклаков рассердил Керенского, сказав:

— Я всегда был монархистом.

— А теперь?!—воскликнул Керенский.

Уклоняясь от прямого ответа, Маклаков стал обвинять тех, которые ползали перед царем во время его могущества и которые заявляют себя горячими республиканцами, когда его звезда закатилась.

Бьюкенен поддерживал Милюкова, а затем Керенского лишь постольку, поскольку видел в них верных и полезных слуг Англии в борьбе с Германией, поскольку это было необходимо в интересах осуществления империалистических планов Великобритании. Но само собой разумеется, что все симпатии правящих кругов Англии были на стороне царизма, а затем генералов Корниловых, Деникиных, Юденичей, Колчака и т. д.

Бьюкенен решительно опровергает ложные рассказы о его враждебных чувствах по отношению к русской монархии и в частности к царю [1]).

Понятно, что, относясь так к Николаю II, Бьюкенен все же счел необходимым в интересах английского империализма, когда царь потерял всякое влияние на армию, примириться с Милюковыми и Керенскими, которые при всех своих «либеральных» и эсеровских взглядах являлись еще более послушными холопами Антанты, чем был сам Николай II. После обстоятельных и документально обоснованных самооправданий Бьюкенена не остается никаких сомнений, что наша черносотенная пресса «оклеветала» Бьюкенена и все английское правительство. Английский посол был горячим сторонником царизма и самой черной реакции. Все его симпатии были на стороне Корниловых, Деникиных, Юденичей, Колчака, вся его ненависть была направлена прежде всего против Совета.

В этих симпатиях европейской «демократии» к русской реакции мог убедиться сам Керенский, когда он с помощью английских и французских штыков и англо-французского золота, как истый изменник, предатель и агент иностранного капитала, мечтал свергнуть Советскую власть и водворить эсеровскую «демократию» в России. Керенский сам рассказывает [2]), как летом 1918 г. он добивался помощи от союзных правительств, как в июле этого года он услышал от Клемансо ответ: «Россия нейтральная страна, заключившая мир с нашими врагами», и что в сентябре того же 1918 года, решившись ехать в Россию, чтобы предупредить своих друзей о «неизбежности попыток генеральских переворотов», он получил отказ от Ллойд-Джорджа содействовать его возвращению на том основании, что это противоречило бы «решению английского правительства не вмешиваться во внутреннюю политику России». Керенский напоминает, что в это самое время представитель русской реакции г. X. проживал инкогнито в Париже и

[1]) Я надеюсь установить в этом труде—пишет Бьюкенен—что мы никогда не имели более преданного брата и союзника, как император Николай.

[2]) А. Керенский. „Издалека". Сборник статей (1920—1921) стр. 249. Изд. Я. Поволоцкого. Париж.

Лондоне по паспорту на имя английского гражданина полковника Курбатова, готовясь ехать в Америку для «подготовки диктатуры Колчака» (г. Завойко), а ген. Нокс появился в Сибири для той же цели.

В этом же сборнике статей Керенского пресловутый эсеровский премьер-министр, этот оклеветанный, подобно Бьюкенену, государственный деятель капиталистического строя, решительно опровергает «сплетни и инсинуации», будто Временное правительство могло и все же не захотело спасти жизнь царской семьи своевременной отправкой ее за границу вообще и в Англию в частности. Глубоко возмущаясь этой «клеветой» Керенский указывает, что он сам 7 марта в Московском Совете, отвечая на яростные крики: «Смерть царю, казните царя», сказал: «этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность (перед кем? Перед европейскими капиталистами!) за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. *Я сам довезу его до Мурманска*»,— самоуверенно заявил, «хвастунишко Керенский», как метко охарактеризовал эсеровского героя тов. Ленин.

Не вина Керенского, что большевики помешали осуществлению его планов и что, таким образом, проект создания за границей центра объединения всех контр-революционных сил для последующей борьбы против Советской России потерпел фиаско.

По заслушанию оправдательных речей двух подсудимых Бьюкенена и Керенского всякий судья из самых матерых черносотенцев, на вопрос: «Виновны ли, английский монархист Бьюкенен и русский эсер Керенский в том, что они были врагами царизма и препятствовали осуществлению проекта концентрации вокруг «священной особы Его Императорского Величества» всех сил порядка для борьбы с рабоче-крестьянской Россией», должен будет ответить: «Нет, не виновны!».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПАВЛОВИЧ М. Советский Союз и капиталистическая Англия. Переработанное и дополненное издание.

Работа известного исследователя по международн. отношениям касается событий и периода, начиная эпохой царизма и кончая консервативным правительством Болдуина—Чемберлена 1925 г. В книге приведены любопытные документы, приведшие к падению „рабочего“ правительства Макдональда, „письмо Зиновьева“ и т. д.

ЯНСОН-БРАУН И. Революция в Прибалтике. Ц. 80 к.

Эта первая книга, составленная трагически погибшим выдающимся революционером, по истории революции 1905 г. в Латвии содержит анализ пережитков феодализма и классовых взаимоотношений в Балтике до 1905 г., краткий очерк освободительного движения и революционных событий до сентября 1905 г. и очерк о волостных „комитетах действия“.

ЛОНГЕ Ж. Террористы и охранка. С предисловием Ж. Жореса. Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга дает яркое и живое описание деятельности „великих“ провокаторов, и, в частности, детально рисует жизнь и работу Евно Азефа. Много места уделяется также Гартвиг-Ландезену, чье имя еще недавно часто упоминалось во время недавнего процесса провокатора Окладского. Борису Савинкову, в прежней деятельности своей, когда он еще был революционером-террористом, тесно связанным как с Азефом, так и вообще с эс-эрами, и другими лицами, оставившими в истории революционного движения самые позорные следы.

Книга читается с захватывающим интересом.

ШТЕРНГЕЙМ К. Джимми Ферфакс. Ц. 35 коп.

Злободневная сатира на современного американского миллиардера-спекулянта, ищущего развлечений в Европе.

ЛОНДОН Дж. Юконские рассказы. Ц. 60 коп.

САВУАР А. Великая княгиня и коридорный. Комедия, перевод с французского. С предисловием проф. И. Бороздина. Цена 45 коп.

Злая сатира на наших отечественных эмигрантов в Париже, пользующихся всякими нечистыми путями для стяжания себе средств к существованию и ведущих паразитствующий образ жизни. Пьеса с большим успехом проходит в Ленинграде и Москве.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ.

ЛЕНИНИЗМ. Семь выпусков, в вопросах и ответах.

„Нет сомнения, что применяемый метод изложения учения ленинизма в вопросах и ответах является лучшим способом популяризации ленинизма, и о значении работ, составленных

по этому методу, говорить не приходится." (Из отзыва в „Правде"). Девять десятых ответов изложены исключительно словами Ленина, и такое изложение ответов, естественно, повышает ценность и значение каждого отдельного труда этой серии. В последнее время появились попредметные издания цитат Ленина; это-интересные работы справочного характера, но в них теряется диалектическая перспектива и иногда получаются как бы внутренние противоречия или разногласия там, где имеются лишь мысли, относящиеся к разным этапам и моментам. Указанные дефекты по возможности устранены авторами настоящих выпусков, и надо, поэтому, полагать, что книги эти сумеют проложить себе дорогу также и в качестве руководств и пособий к изучению ленинизма.

1. Стучка П. Ленинизм и Государство (политическая революция). Вышел из печати. Ц. 40 коп.
2. Стучка П. Ленинизм и Крестьянство (аграрная революция).
3. Адоратский В. Теория и практика ленинизма (революционный марксизм).
4. [illegible] В. Ленинизм и Партия (социалистическая революция).
5. Стучка П. Ленинизм и национальный вопрос (революция угнетенных национальностей).
6. [illegible] Е. Ленинизм и империализм (всемирная революция).
7. Печак К. Экономика, экономическая политика и ленинизм (экономическая революция).

ЛАНДАУЭР Г. Письма о французской революции. Том II.

СЛОВАРЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ и ИНОСТРАННЫХ СЛОВ. При участии след. т. т.: Проф. И. Бороздина, проф. Е. Браудо, проф. В. Гурко-Кряжина, М. П. Павловича, П. И. Стучка и др.

ЛЕНИН В МИРОВОЙ ПОЭЗИИ.

Выпускаемый сборник представляет собой продолжение работ по изданному уже сборнику „Ленин в европейской поэзии". В сборник входит поэзия о В. И. Ленине, появившаяся во всем мире, в Индии, Японии, Китае и др. странах.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ 1789, 1848, 1871, 1918 НА ЗАПАДЕ. Сборник под редакцией Л. П. Гросмана.

БАУМГАРТНЕР Э. Великая крестьянская война. Перевод с немецкого. С предисловием П. Стучка.

Кроме труда Циммермана, представляющего собою к тому в настоящее время библиографическую редкость и устаревшего, на русском языке не выходило сколько-нибудь основоположных работ по этому вопросу, не считая Энгельса и Бебеля.

Выпускаемая книга до известной степени восполняет этот пробел. Автор—социал-демократ левого толка—дает захватывающую картину великой борьбы и страданий крестьянства XVI века.

ЮРИНЕЦ В. Диалектика Гегеля.

ФАБР Л. Рабвель, роман. перевод с французского.

Роман дает бытовую картину современного французского капиталистического общества, на фоне которого рельефно выделяется личность героя романа, достигающего путем темных махинаций славы, богатства и, наконец, министерского портфеля во время войны.

БРАУДО Е. проф. История музыки (1848—1925).

Выпускаемый Издательством том популярной истории музыки, представляет собою первую на русском языке попытку исследовать состояние музыкального искусства на современном Западе. Работа проф. Е. М. Браудо является совершенно самостоятельным трудом, но вместе с тем дополняет и заканчивает ранее вышедшие тома его популярной всеобщей истории музыки, находящей в этом томе свое завершение и окончательные выводы из наблюдения над огромным историческим процессом. Работа Е. М. Браудо, вызвавшая при своем появлении в 1922 г. очень лестные отзывы специалистов („Это труд, стоящий на высоте европейской науки", так писал в „Печать и Революция" известный критик Л. Л. Сабанеев), отличается от всех подобных западных работ широким социологическим подходом и марксистским рассмотрением основных вопросов. Написанная общедоступным языком, книга рассчитана не только на круг любителей музыки, но и всех тех, кто интересуется искусством как могучей общественной силой. Книга будет снабжена большим количеством таблиц, наглядно рисующих связь музыки с развитием культурной среды, и подробным указателем литературы на русском и иностранных языках как по истории музыки, так и по науке о музыке.

ПЕРВОЕ МАЯ. Постановка в 2-х картинах (с сопровождением музыки и хора). Сост. Я. Озолин, под ред. проф. Е. Браудо.

Необходимость для клубной работы сборника, художественно подражающего определенные революционные моменты, ощущается в последнее время довольно остро. Наши революционные музыканты, правда, создали целый ряд песней и гимнов, приуроченных к памятным датам, но до сих пор почти ничего не сделано для об'единения их в одну цельную постановку. Идя навстречу этой потребности, издательство привлекает ряд молодых композиторов и известных художественных сил для осуществления этой важной задачи. „Первое мая" является первой постановкой целого ряда предполагаемых к изданию сборников, приуроченных к революционным датам.

Цена 1 р. 40 к.

КОПИРОВАНИЕ
25.06.02.